

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2025

Том 25
Выпуск 2

Брянник Н.В.

Структурализм в логике

Шавеко Н.А.

Русская религиозная философия
права в контексте защиты
традиционных российских
ценностей

Яркеев А.В.

Пастырская власть
как управленческая парадигма:
к истокам идеи
полицейского государства

Нерсисянц А.В.

Исследование древних мифов
в историографии
политико-правовой мысли

Чирнинов А.М.

Типология аргументов
в конституционном правосудии

Белослудцев О.С.

Теория конституционной
дисгармонии:
поиск причин и следствий
конституционных трансформаций

Маликов С.В., Чучаев А.И.

Историческая школа права:
отражение идей в русском
уголовном праве (статья вторая)

Корсаков К.В.

Традиции консеквенциализма
и ретрибутивизма в учениях
об уголовном наказании:
от досократиков до немецкого
идеализма

Виноградова Е.В., Раттур М.В.

Историографический анализ
государственно-правовой
идентичности Швейцарии:
трансформация принципа
легитимизма

Филиппова Н.А., Колос Я.Ю.

Общественные объединения,
созданные с участием государства:
особенности институционализации
в Российской Федерации

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 25

Выпуск 2

Екатеринбург – 2025

Главный редактор

Виктор Николаевич РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Александр ПАВЛОВ**, руководитель Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук НИУ – Высшая школа экономики; ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН (Москва, Россия), член-корреспондент РАН, д-р филос. наук; **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Цинянь АНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, главный научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция); **Леонид ФИШМАН**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р политических наук, профессор РАН.

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук, доц.; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания), д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИПОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); КиберЛенинку; базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI); международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 г. В 1999–2018 гг. выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 г. журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте <https://www.ural-press.ru>).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 25

Issue 2

Ekaterinburg 2025

Editor-in-Chief

Viktor N. RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Ekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Alexander PAVLOV** – Higher School of Economics; Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); **Qinian AN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Leonid FISHMAN – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Olga MALINOVA** – Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal has been included into the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of science should be published (specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). It is indexed and referenced in the Russian Science Citation Index (RSCI); CyberLeninka; RSCI database on the Web of Science platform; EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Founder and Publisher

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The journal has been published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal has been published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency "Ural-Press" (contacts of the nearest offices are to be found on the website <https://www.ural-press.ru>).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 5, 2019.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Бряник Н.В.</i> Структурализм в логике.....	7
<i>Шавеко Н.А.</i> Русская религиозная философия права в контексте защиты традиционных российских ценностей	22

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Яркеев А.В.</i> Пастырская власть как управленческая парадигма: к истокам идеи полицейского государства	37
<i>Нерсесянц А.В.</i> Исследование древних мифов в историографии политико-правовой мысли	57

ПРАВО

<i>Чирнинов А.М.</i> Типология аргументов в конституционном правосудии	73
<i>Белослудцев О.С.</i> Теория конституционной дисгармонии: поиск причин и следствий конституционных трансформаций.....	104
<i>Маликов С.В., Чучаев А.И.</i> Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая)	138
<i>Корсаков К.В.</i> Традиции консеквенциализма и ретрибутивизма в учениях об уголовном наказании: от досократиков до немецкого идеализма	159
<i>Виноградова Е.В., Раттур М.В.</i> Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма.....	184
<i>Филиппова Н.А., Колос Я.Ю.</i> Общественные объединения, созданные с участием государства: особенности институционализации в Российской Федерации	209

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

<i>N. Bryanik.</i> Structuralizm in Logic	7
<i>N. Shaveko.</i> Russian Religious Philosophy of Law in the context of Protection of Traditional Russian Values	22

POLITICAL SCIENCE

<i>A. Yarkeev.</i> Pastoral Power as a Government Paradigm: towards the Origins of the Idea of the Police State	37
<i>A. Nersesyants.</i> Studying Ancient Myths in the Historiography of Political and Legal Thought	57

LAW

<i>A. Chirninov.</i> Typology of Arguments in Constitutional Justice	73
<i>O. Belosludtsev.</i> Theory of Constitutional Disharmony: Exploring the Causes and Effects of Constitutional Transformations	104
<i>S. Malikov, A. Chuchaev.</i> The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part Two)	138
<i>K. Korsakov.</i> Traditions of Consequentialism and Retributivism in Criminal Punishment Theory: From Pre-Socratics to German Idealism	159
<i>E. Vinogradova, M. Rattur.</i> Historiographic Analysis of Switzerland's State Legal Identity: Transformation of the Principle of 'Legitimism'	184
<i>N. Filippova, Ya. Kolos.</i> Public Associations with State Participation: Institutionalization Features in the Russian Federation	209

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Бряник Н.В. Структурализм в логике // Антиномии.
2025. Т. 25, вып. 2. С. 7-21. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_7

УДК 165.75

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_7

Структурализм в логике

Надежда Васильевна Бряник

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: n.v.brianik@urfu.ru

*Поступила в редакцию 01.10.2024, поступила после рецензирования 26.12.2024,
принята к публикации 20.01.2025*

В статье предпринята попытка обосновать становление в логике конца XIX – начала XX столетия структуралистской методологии, отвечающее общей тенденции неклассической науки, основные подсистемы которой на основе данной методологии открывают структурные/статические законы. Соответственно, под логическим структурализмом автор понимает позицию, для которой указанная методология является приоритетной в развитии современной логики. Возможность использования структуралистской методологии появилась в результате радикальной трансформации предмета логики (которую ряд специалистов оценивают как революцию в логике) – от концептуального анализа она перешла к анализу языка. В логическом структурализме соблюдается «технология» данной методологии, которая была отрефлексирована французскими (Р. Барт, Ж. Делёз и др.) и отечественными (В.Я. Пропп и др.) разработчиками структуралистской методологии. В языковых структурах логики моделируются изоморфные, тождественные по внутренней форме,

© Бряник Н.В., 2025

онтологические структуры. В понятиях «логический строй», «логический каркас», «логические черты», «логический скелет» подчеркиваются изоморфный характер представленных в них онтологических структур и их закономерности. Возможности структуралистской методологии в логике далеко не исчерпаны – она может стать средством объединения данной области знания, прирастающей все новыми теориями, как это произошло в математике в начале прошлого века. Кроме того, сложившиеся в основных подсистемах науки этапы структуралистских исследований ведут от статики/синхронии к динамике/диахронии, что, по-видимому, ожидает и логику.

Ключевые слова: структурализм; структуралистская методология; логика; логические структуры; онтологические структуры; структурные законы; Б. Рассел; Р. Карнап; Л. Витгенштейн; Г. Кюнг; Г.Х. фон Вригт

Structuralizm in Logic

Nadezda V. Bryanik

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia
E-mail: n.v.bryanik@urfu.ru

Received 01.10.2024, revised 26.12.2024, accepted 20.01.2025

Abstract. The article attempts to substantiate the formation of structuralist methodology in logic at the beginning of the 20th century. This development aligns with the broader trend in non-classical science, whose main subsystems identify structural and static laws grounded in structuralist method. Accordingly, the author understands logical structuralism as the position that regards this methodology as fundamental to the advancement of modern logic. The adoption of structuralist methodology became possible due to a profound transformation in the subject matter of logic – a shift which many experts consider a revolution in the field. This transformation marked a move away from conceptual analysis to the analysis of language itself. Logical structuralism, therefore, emphasizes the “technology” of this method, which was reflected in the works of French thinkers, such as Roland Barthes and Gilles Deleuze, and domestic scholars like Vladimir Y. Propp, who developed structuralist approach. Within this framework, the linguistic structures of the logic model are seen as isomorphic and internally identical to ontological structures. Terms such as *logical structure*, *logical framework*, *logical features*, and *logical skeleton* capture the isomorphic nature of these ontological entities and the regularities they exhibit. The potential of the structuralist methodology in logic remains far from fully realized. This approach could serve as a unifying tool for the expanding field of knowledge, much like it did in mathematics at the beginning of the 20th century. In addition, the stages of structuralist research – initially developed within major scientific subsystems – progress from statics and synchrony to dynamics and diachrony. This evolution suggests that logic too may follow a similar trajectory in the future.

Keywords: structuralism; structuralist methodology; logic; logical structures; ontological structures; structural laws; Bertrand Russell; Rudolf Carnap; Ludwig Wittgenstein; Guido Küng; Georg Henrik von Wright

For citation: Bryanik N.V. Structuralizm in Logic, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 7-21. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_7

Введение

Структурализм как особая методология и философская концепция заявил о себе в первые десятилетия XX в. и активно обсуждался с этого времени в течение полувека – до 60–70-х гг. Как правило, структуралистскую методологию связывают с социально-гуманитарными науками, в которых на основе принципов данной методологии возникли новые направления, как то: структурная лингвистика (Ф. де Соссюр), структурное литературоведение (В.Я. Пропп, В. Шкловский, Р. Якобсон), структурная культурологи (Р. Барт, Ю.М. Лотман), структурная психология (Ж. Лакан), структурная антропология (К. Леви-Стросс) и др. Попытка разобраться в принципах структуралистской методологии привела автора этих строк к выводу о том, что структурализм был выражением значимых событий в науке первой половины XX столетия, охвативших *всю ее систему*, а не только социально-гуманитарный блок (Брянник 2020). Все основные области научного знания, включая естественные и математические науки, пришли к необходимости открытия и признания структурных законов – по сути, это стало отличительной чертой законов этапа неклассической науки.

Одна наука (если не брать технические науки, объект которых по своей целевой направленности предстает в формате структуры) остается в тени философских исследований структурализма – это логика. Однако обращение к значимым именам и текстам начала прошлого века заставляет признать, что логика не была исключением – структуралистская методология не просто присутствовала в ней, а была востребованной и даже ведущей темой. Так, известный логик и представитель логического позитивизма Р. Карнап, проводя отличие новой логики от старой (одна из его работ так и называется «Старая и новая логика» (1930–1931), указывает, что в новой логике «...рассматривается важное понятие *структуры*... и обосновывается его основополагающее значение для науки», и далее объясняет, что это происходит, поскольку «...в принципе... *все научные высказывания можно преобразовать в высказывания о структурах*» (Карнап 2006а: 88; курсив наш. – Н. Б.).

При этом Р. Карнапа вряд ли можно назвать первооткрывателем структуралистской методологии в логике; фактически все, кто прямо или косвенно анализировал становление новой логики в начале XX в., обращались к каким-то аспектам данной методологии (сам Р. Карнап особую роль в рефлексии над структурализмом в логике отводил работам Б. Рассела и А. Уайтхеда). Позиция Карнапа представляет для нас интерес прежде всего тем, что она носит *концептуальный* характер, а также и тем, что его обоснование коррелирует с «технологией» структуралистской методологии, выявленной в других науках.

«Технология» структуралистской методологии в логике

В числе тех, кто не только работал в ключе структуралистской методологии, но и по-философски осмысливал ее, может быть назван Р. Барт. Суть этой методологии он выразил, введя образ «структурального человека»,

который «берет действительность, расчленяет ее, а затем воссоединяет расчлененное» (Барт 1989: 255). В этом тезисе акцент сделан на преобразующей деятельности того, кто обнаруживает структуры в исходном объекте (что и отражено в названии статьи Барта «Структурализм как деятельность»). Отсюда и пояснения такого рода: «...оперирование структурой... представляет собой особый тип человеческой практики» (Барт 1989: 254).

Структуральная деятельность, как и всякая методологически обоснованная деятельность, подчиняется определенным правилам. Барт подчеркивает значимость этого момента, указывая, что «...структурализм принципиально выступает как... упорядоченная последовательность определенного числа мыслительных операций» (Барт 1989: 254). По сути, эта мыслительная деятельность предстает как умственный/мысленный эксперимент, который был выделен и исследован, наряду с физическим экспериментом, Э. Махом¹ (Мах 2003).

Если обратиться к логике, то нельзя не отметить выход в 1928 г. книги Р. Карнапа «Логическое построение мира», в которой реализован проект искомой им новой логики. Понятие «построение» в названии не метафора, а точное обозначение авторского замысла, который конкретизируется через постановку цели – построение «конструкционной системы понятий» (Карнап 2006а: 78). В разных контекстах проясняется, что понимать под построением/конструированием, вводятся понятия «конструкционная теория», «конструкционная система», «конструируемый предмет». Содержательно они связываются, например, таким образом: «Конструкционная теория пользуется нейтральным языком: с ее точки зрения, объект не “создается”, не “познается”, а “конструируется”» (Карнап 2006а: 87). При этом Р. Карнап не скрывает, чью методологию он заимствует, – он реализует заложенный Б. Расселом (Рассел 1999) принцип, согласно которому «везде, где возможно, на место выводимых *сущностей* следует ставить логические конструкции» (Карнап 2006а: 84; курсив наш. – Н. Б.).

И тогда возникает необходимость выяснить, что собой представляют «логические конструкции» и что понимать под «логически сконструированным миром». Но этими понятиями закрепляется уже результат конструирования, а чем является исходный объект, который, согласно структуралистской методологии, подвергается демонтажу или деконструкции? Это также принципиально значимый вопрос.

Для ответа на эти вопросы целесообразно обратиться к «старой логике» (если воспользоваться карнаповской терминологией). В этой связи можно отметить, что еще у Дж.Ст. Милля в трактовке логики все вращается вокруг собственно мыслительной деятельности и при всей глубине его проникно-

¹ Вот только одна из характеристик мысленного эксперимента, выделенная Э. Махом: «Поскольку физик размышляет о действительности, его деятельность отличается... от свободной фантазии. Но и элементарнейшая мысль физика... содержит меньше, чем факт опыта, воспроизводит его только схематически, иногда же делает к нему неумышленно прибавки. <...> Так происходит логико-экономический очистительный процесс, – процесс прояснения мысленно построенного содержания опыта» (Мах 2003: 196).

вения в возможности и *предмет* данной области знания (а это и есть для него исходный объект) мы находим такую трактовку: «...логика есть наука об отправлениях разума... она есть учение как о самом процессе перехода от известных истин к неизвестным, так и о всех других умственных действиях...» (Милль 2011: 67). При таком подходе Дж.Ст. Милль однозначно может быть отнесен к представителям «старой логики» и является типичным ее выразителем. Суть подобного понимания (логики) такой исследователь истории логики, как Г.Х. фон Бригт, отождествляет с «концептуальным анализом» (Бригт 1992: 82), поскольку понятия – то, с чем имеет дело логика, – рассматриваются лишь в их *внутренних отношениях* (когерентности, альтернативности и др.), а не в их отношениях с *внешним миром*.

«Новая логика» в лице Р. Карнапа, используя именно структурный метод, выходит за пределы сугубо понятийного мира. «...Все предметы, – пишет он, – можно охарактеризовать посредством чисто структурных свойств...» (Карнап 2006а: 88). И здесь нет никакой двусмысленности в отношении «всех предметов», которые, казалось бы, не могут быть представлены иначе как через понятия. Р. Карнап особо проговаривает связь структурированной логики с внешним миром, выявляя, как он его называет, «материал» для построения подобной логики. В качестве такового он рассматривает «важнейшие виды объектов, в частности, физические, психические и духовные объекты» (Карнап 2006а: 87). При этом он подчеркивает: «...мы опираемся не на конструкционистскую теорию и ее язык, а на... обычный (реалистический) язык эмпирической науки. Это позволяет нам получить общее представление о том материале, для которого мы строим конструкционистскую систему» (Карнап 2006а: 87-88).

Таким образом конкретизированный «материал» доводится до исходного, базисного уровня всех научных понятий, который, по Карнапу, составляют чувственные данные, полученные исследователем. «Конструкционная теория показывает, – пишет он, – что каждое предложение науки... можно соответствующим образом свести к некоторому предложению о чувственно данном» (Карнап 2006b: 116). На возникающее возражение, что чувственные данные принадлежат все-таки внутреннему, а не внешнему миру, ведь это (как называет их сам Р. Карнап) переживания познающего субъекта, есть вполне определенный ответ. Приведенное возражение можно было бы принять, если не учитывать идеи, витавшие (а возможно, и господствовавшие) в интеллектуальной среде конца XIX – начала XX столетия, к которой, безусловно, надо отнести европейское научное сообщество. Речь идет о непосредственных предшественниках логических позитивистов – эмпириокритиках и в первую очередь о такой фигуре, как Э. Мах, который оказал колоссальное влияние на мировоззрение современников. Элементы мира, по Маху, являют собой *единство/сплав физического и психического* (Мах 2005), поэтому внешний мир не только не отделен от чувственных переживаний – он воплощен в них. В эти представления о мире органично вписывается карнаповский тезис: «Все физические понятия можно свести к понятиям о собственной психике, ибо, в принципе, каждый физический процесс устанавливается посредством восприятий» (Карнап 2006b: 116).

Данное положение реализовано и концентрированно выражено в принципе верификации.

Разве не из этого же исходит Л. Витгенштейн в своем знаменитом трактате, заявляя в первом же тезисе: «Мир – целокупность фактов, а не предметов» (Витгенштейн 1994: 5)? Факты здесь противопоставляются предметам, потому что под предметами понимают «вещи в себе», которые существуют независимо от познающего субъекта – во внешнем по отношению к нему мире; тогда как факты добываются субъектом, ему принадлежат. По большому счету главный принцип маховской философии о неразрывности физического и психического, а значит, данности нам только фактов, а не предметов – это констатация ситуации, сложившейся в неклассической науке. Основанием неклассической науки становится эксперимент, в котором невозможно отделить наблюдаемое от наблюдателя, объект от субъекта. Методологи неклассического эксперимента констатируют «неустранимую примесь субъективности» (Борн 1973: 127) из результатов эксперимента. Вот почему мир – это совокупность фактов, а не предметов. А дальше идет *конструирование мира* на этом основании: «Происходящее, факт, – существование со-бытий» (Витгенштейн 1994: 5). Понятие «структура» органично включено в концепцию Л. Витгенштейна: «Способ взаимосвязи объектов в со-бытия суть структура со-бытия» (Витгенштейн 1994: 8).

Выше был представлен лишь *материал*, с которым имеет дело структурирующий его логик. Это важно, но приведенные тезисы и аргументы оставляют нас все-таки на пороге логики, а по большому счету в круге тех проблем, которые сам же Р. Карнап квалифицировал как метафизические (а как иначе оценить обращение к соотношению физического и психического, рассмотрение эмпирии как способа связи с реальностью). Для проникновения собственно в саму «новую логику» мы должны отталкиваться непосредственно от *логических структур* и трактовать их либо как результат структурирующей деятельности (= выстроенную модель), либо как исходный (отправной) пункт, подвергаемый деконструкции.

От логических структур к структурам онтологическим

Нацеленность на исследование статуса логических структур (а значит, и структурализма в логике) заставляет по-особому интерпретировать историю логики конца XIX – начала XX столетия. Обращение к указанному периоду неслучайно – в это время в социально-гуманитарных науках, физике и математике возникает структуралистская методология, что позволило совершить прорыв в данных областях знания (см.: Бряник 2020). Что касается логики, то в ряде исследований не просто признается становление «новой логики» (как у Р. Карнапа), но и подчеркивается *революционный* характер произошедших изменений, связанных с «рождением современной аналитической философии» (Кюннг 1999), «возрождением логики» и ее «героической эпохой» (Вригт 1992) и т.п. В этом отношении показательна оценка В.Л. Васюкова: «...революция в логике... началась в конце XIX века... Уже в 10-х годах XX столетия появились первые ласточки... нового логическо-

го мышления» (Васюков 2006а: 33). Какие бы события, связанные с логикой (как то: становление логического анализа языка, возникновение математической логики, а вместе с ней таких методологических установок, как логицизм, формализм и интуиционизм) ни приводились авторами для подтверждения озвученного вывода, важно занять некую обобщающую позицию, которая позволила бы объединить всю конкретику рассматриваемого периода и понять причину и смысл произошедшего.

Убедительной представляется позиция, при которой указанные выше изменения связываются с переориентацией предмета современной логики и, соответственно, исследований логических структур на язык и именно в обращении к языку усматривается отличие новой логики от старой. Так, Г.Х. фон Вригт, признавая значимость лингвистического поворота, не соглашается с оценкой логики как всего лишь одного из ответвлений в исследовании языка – он считает, что «...возрождение логики поставило язык на центральное место в философии» (Вригт 1992: 83). Г. Кюнг в этом повороте логики к языку отдает приоритет Б. Расселу, отмечая, что именно данный мыслитель заместил базовые теоретико-познавательные проблемы и концепции языковыми. Вот что Г. Кюнг пишет по этому поводу: «Рассел... больше не противопоставляет двух гносеологических позиций, между которыми необходимо делать выбор, он сравнивает языки, в которых формулируются эти позиции» (Кюнг 1999: 61). Его аргумент принимается даже на уровне здравого смысла, ведь, действительно, «...языки обладают тем преимуществом, что они гораздо более понятны, чем мысли людей» (Кюнг 1999: 61-62). Важно иметь в виду и аргумент о том, что логика языка, в отличие от лингвистики, проникает в глубинные структуры языка, тогда как базовая область лингвистики – грамматика – рассматривает лишь его поверхностные структуры.

А ведь обращение к языку – это один из критериальных признаков структурализма, поскольку для структуралистов «...в действительности существуют только языковые структуры...» (Делёз 1999: 134). Этот признак выделяет в своей статье «По каким критериям узнают структурализм?» один из известных исследователей структурализма Ж. Делёз. Выход за пределы языка означает выход за границы структуралистской методологии, а из изложенного выше получается, что и за пределы современной логики. В этой связи представляет интерес неоднозначная оценка, данная Г. Кюнгом Л. Витгенштейну. Видя в нем ученика Б. Рассела и отдавая ему должное в развитии современной логики, Кюнг вместе с тем высказывает в адрес позиции популярного мыслителя серьезное критическое замечание: «К сожалению, параллельно с логическим анализом языка Витгенштейн осуществлял также онтологический анализ реальности и в своем “Трактате” говорил не только о структуре высказываний, но и о структуре положений дел, т.е. занимался онтологией. Вследствие этого верная... мысль о том, что онтология получает выражение в логике языка, была дискредитирована» (Кюнг 1999: 63). Данное критическое замечание имеет прямое отношение к интересующей нас теме, поскольку речь в нем идет о «структуре высказываний» и о «структуре положений дел».

У самого Г. Кюнга эта проблема стала центральной в книге с характерным названием «Онтология и логический анализ языка» (1957). В ней от введения, в котором утверждается, что «...сознательно конструируемые логические языки четко определены теми взглядами на мир, которых придерживаются их создатели», а «...логический анализ языка всегда опирается на *осознанные* онтологические предпосылки» (Кюнг 1999: 36-37; курсив наш. – Н. Б.), до заключения, где в концентрированном виде выражена та же мысль: «Формальные отношения в логических языках изображают онтологическую структуру реальности» (Кюнг 1999: 216), рассматриваются различные аспекты данной проблемы в концепциях таких ярких представителей современной логики, как Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Г. Фреге, Т. Котарбиньский, Дж. Мур, Ст. Лесьневский, А. Тарский, У. Куайн, Н. Гудмен и др.

Для нас важен тот принципиальный момент, что какой бы статус ни придавался предполагаемым онтологическим структурам («онтологические допущения», «структуры положений дел» и пр.), во всех этих концепциях устанавливается связь между онтологическими и логическими структурами. И здесь возможны два подхода: искомые онтологические структуры интерпретируются как модели для логических структур либо, наоборот, онтологические структуры, в силу их принадлежности к реальности, рассматриваются как исходные, а логические – как их модели². Поскольку мы идем от логики, то надо принять первый подход. Для структуралистской методологии проведенное различие имеет принципиальное значение, поскольку «...структурализм по самой своей сути является моделирующей деятельностью» (Барт 1989: 255). Не стоит считать, что это разделение – чистая условность, ведь «...модель предмета выявляет нечто такое, что оставалось невидимым, или... неинтеллигибельным, в самом моделируемом предмете» (Барт 1989: 255). Это, наверное, самое важное в структурном моделировании, ради чего оно и затевается, так как «...в промежутке между этими двумя объектами [моделируемым предметом и моделью], или двумя фазами структуралистской деятельности, рождается *нечто новое*» (Барт 1989: 255). Структурное моделирование – это все-таки разновидность метода, а всякий метод предназначен для получения нового знания.

Естественно, возникает вопрос: что нового рождается при моделировании онтологических структур с помощью логических структур? Для ответа на данный вопрос приведем один из тезисов Л. Витгенштейна, который Г. Кюнг как раз и относит к недостаткам позиции мыслителя; он касается предложения как важнейшей составляющей языка: «Предложение конструирует мир с помощью логического каркаса, и поэтому в предложении,

² Данное направление исследований представлено так называемой формальной онтологией (см., напр.: Васюков 2006b; Лобовиков 1998). В.О. Лобовиков, один из известных специалистов по формализации философии, дает следующую характеристику этой области знания: «Формальная онтология – такой раздел... онтологии, в котором исследуются (отвлеченные от конкретного содержания) формы явлений, составляющих предмет онтологии, а также фундаментальные онтологические отношения между этими *формами* и базисные онтологические свойства этих *форм*» (Лобовиков 1998: 19).

если оно истинно, действительно можно усмотреть все логические черты реальности...» (Витгенштейн 1994: 20). Как видим, здесь «логические черты» обнаруживаются у самой реальности. Что это, как не онтологизация логики? Усилим сказанное еще одним достаточно известным тезисом Л. Витгенштейна: «Граммофонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны – все они находятся между собой в таком же внутреннем отношении отображения, какое существует между языком и миром. Все они имеют общий логический строй» (Витгенштейн 1994: 19). «Логический строй», «логический каркас», «логические черты» реальности – как это понимать, если изначально не настраиваться на недопустимость какой-либо онтологизации логических конструкций?

Второй из приведенных выше тезисов вызывает ассоциации с исследованиями В.Я. Проппа в области литературоведения, посвященными изучению русской волшебной сказки в рамках традиционного фольклора (Пропп 1983; Пропп 2001). Проппу удалось выстроить модель-схему волшебной сказки. Модель-схема (= композиция, структура) предстает как знаковая система, включающая в качестве своих элементов функции – действия сказочных героев – и отношения между ними. Традиционный фольклор, который в начале XX в. находился «в полном загоне» (по выражению самого В.Я. Проппа), был поднят на уровень современных исследований благодаря тому, что жанр волшебной сказки (как одна из разновидностей фольклора) был промоделирован в виде структурного объекта и тем самым вошел в обиход теоретической поэтики. Теоретический уровень был достигнут за счет обнаружения *структурного закона* (как раз и представленного в модели-схеме), которому подчиняется множество конкретных сюжетов волшебных сказок.

То же самое присутствует и в различных феноменах, связанных с музыкой, которые перечислены в тезисе Л. Витгенштейна. Здесь перед нами физическое явление (звуковые волны), а также материальные (граммофонная пластинка) и духовные (музыкальная тема, нотная запись) плоды человеческой деятельности. У них общий логический строй, который позволяет обнаружить некое глубинное сходство – все они представляют собой музыкальные феномены. В самом тезисе содержится важное пояснение, что следует понимать под «логическим строем» и, соответственно, под «логическим каркасом», «логическими чертами», – по Витгенштейну, данные термины указывают, что между всеми рассматриваемыми явлениями существует «внутреннее отношение отображения». Г. Кюнг называет такого рода отношения *изоморфными*, обладающими подобной, сходной, а по сути общей формой. Изоморфные отношения, которые представляют внутреннюю форму, общую для ряда явлений, – что это, как не глубинный закон их существования? И здесь уже возникают ассоциации с античным Логосом (= Разумом, Законом) бытия. Г. Кюнг, анализируя концепцию Л. Витгенштейна, в главе об отношении отображения (Глава 4. Отношение представления) выделяет параграф, посвященный обоснованию общности структуры и формы (4.1. Общность структуры и формы), где утверждает: «Витгенштейн убежден в том, что существует некая базисная форма

отображения, которая присутствует всегда – *логическая форма*. Она наиболее ясно проявляется в предложениях логических языков» (Кюнг 1999: 81).

Из этого следует, что мы должны признать, что в логических языках, которые и выражают логические формы/структуры, присутствуют законы. И у самого Л. Витгенштейна мы находим подтверждение такому достаточно сильному утверждению: «Исследование логики, – пишет он, – означает исследование *всего закономерного*. Вне логики же все случайно» (Витгенштейн 1994: 66). Эти структурные законы моделируемых явлений и есть то *невидимое*, и то *новое*, что нацелена раскрывать структуралистская методология. Несмотря на то, что при обосновании изложенной идеи речь шла преимущественно о позиции Витгенштейна, стоит признать, что в данной идее выражено умонастроение большинства из тех, кто был погружен в логическую проблематику. Так, даже критик Витгенштейна по вопросу об онтологизации логики завершает свой текст словами: «...*формальные структуры* представляют собой... *скелет онтологии*, без которого все дальнейшие онтологические исследования лишаются прочной опоры» (Кюнг 1999: 218; курсив наш. – Н. Б.). К «логическому строю», «логическому каркасу», «логическим чертам» добавляется и такой образ логической структуры, как «логический скелет».

Перспективы структуралистской методологии в логике

Признание в логике в рассматриваемый период разработок, основанных на структуралистской методологии, влечет за собой, как нам представляется, два важных следствия и для самой логики.

Первое, что хотелось бы отметить, это возможности рассматриваемой методологии обобщать и наводить единство в данной области научного знания, разрастающейся через появление все новых и новых теорий и новых направлений исследования. Примером в этом отношении может служить математика. Для логики математика – особо значимая область знания. «...В неопубликованной рукописи [Л.] Витгенштейна мы читаем: “Формальная логика есть часть математики”», – отмечает Г.Х. фон Вригт (Вригт 1992: 89). А у самого Л. Витгенштейна есть диаметрально противоположная оценка соотношения этих наук: «Математика – логический метод» (Витгенштейн 1994: 64). Для нас в данном случае не принципиально, что с чем отождествлять – математику с логикой или логику с математикой, важен сам факт их близости и способность представлять в языках этих наук изоморфные отношения, а через них и законы.

С начала XX столетия в математике происходили события, которые ставили под вопрос единство в данной области знания и даже само существование единой науки математики. Вот как эту ситуацию описывает группа французских математиков под псевдонимом Н. Бурбаки: «...каждый год математическая наука... дает ответвления в виде теорий, которые беспрестанно видоизменяются, перестраиваются, сопоставляются и комбинируются друг с другом» (Бурбаки 2010: 245). Все это с необходимостью заставило представителей одной из самых развитых областей науки

задаться вопросами: «...является ли это обширное разрастание развитием крепко сложенного организма... или, напротив, оно является только внешним признаком тенденции к идущему все дальше и дальше распаду... Одним словом, существуют в настоящее время одна математика или несколько математик?» (Бурбаки 2010: 246). Выход был найден в аксиоматизации, то есть в усилении формализации математического знания, что позволило обнаружить базовые структуры математики – алгебраические, топологические и структуры порядка составляют основу всего сложившегося многообразия математических теорий, что дало основание Н. Бурбаки утверждать: «“Структуры” являются *орудиями* математика» (Бурбаки 2010: 253).

Очевидно, что переход от «классической математики» (как ее называет Н. Бурбаки) к аксиоматизированной/неклассической осуществлялся за счет использования структуралистской методологии. В параллель ситуации с математикой похожие вопросы возникают и в отношении логики. Так, Г.Х. фон Вригт, описывая области современной логики, в отношении только одного из ее направлений рассуждает следующим образом: «Одним из результатов нового старта было то, что может быть названо Общей теорией модальности. Вместо “общей теории” можно также говорить о *семействе* родственных “логик” со сходной формальной структурой. Эти ответвления от старого древа традиционной модальной логики стали известны как эпистемическая, доксатическая, прохеретическая (*prohairesis*), деонтическая логика и логика вопросов» (Вригт 1992: 86). А еще в логических исследованиях говорится об экстенциональной и интенциональной логике, двужаночной и многозначной логике, релевантной и паранепротиворечивой логике, металогики и метаметалогики, математической и символической логике и т.д. Естественно, что и у самих логиков возникает вопрос «Логика или логики?» (Васюков 2006а: 33). Может быть, как и в математике, необходимо *структурировать* сформировавшееся проблемное поле логических теорий и направлений, сложившихся в современной логике?

Второе соображение касается возможностей развития структуралистской методологии в логике.

Начнем с того, что собственно сама структуралистская методология имеет определенную логику: она включает в себя синхронический и диахронический аспекты. Если синхрония абстрагируется от временного параметра и исследует статику изучаемого объекта, то диахрония, по сути, рассматривает его эволюцию/историю. Здесь уместно провести параллель с лингвистикой, объектом изучения которой также является язык. Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» (Соссюр 1999) производит подбор понятий для обозначения двух этих аспектов. Так, для фиксации «внутренней двойственности лингвистики» он использует понятия «статическая лингвистика» и «эволюционная лингвистика». Если *статическая* лингвистика изучает «*состояния языка*», то *эволюционная* – последовательность смены *этих состояний*. По аналогии логический анализ языка во всем многообразии его теорий и направлений, по-видимому, может быть отнесен к статике, то есть к синхроническому аспекту. А вот что касается *эволюционной* логики языка, то для автора этих строк этот вопрос остается открытым.

Возможно, к эволюционной логике можно отнести работы по истории логики языка, но здесь важно проследить, как происходили трансформации в формальных структурах логических систем.

Но есть и еще один не менее важный пласт вопросов, связанный с перспективой развития структуралистской методологии в логике языка – какой-то «логический каркас» должен иметь и принципиально иной мир. И это, с одной стороны, допускают мыслители, чьи позиции мы рассматривали. Так, у Л. Витгенштейна встречаются весьма любопытные в этом плане тезисы: «Целокупность существующих со-бытий определяет и то, какие со-бытия не существуют» (Витгенштейн 1994: 8); «Очевидно, что нечто общее с действительным миром – форму – должен иметь и воображаемый мир, еще весьма отличающийся от действительного» (Витгенштейн 1994: 7).

С другой стороны, развитие современной науки, основанной в том числе на компьютерном и космическом экспериментах, вводит такие представления о мире и его законах, которые не выразимы ни в языке классической, ни в языке неклассической науки. Но это тема специального исследования.

Заключение

Изложенное позволяет признать, что логика, как и все остальные области науки, в начале XX столетия приходит к осознанию необходимости структуралистской методологии. Одним из первых концептуально осмыслил использование данной методологии в логике Р. Карнап. Структуралистский подход стал применяться, когда произошли радикальные изменения предмета логики, – новая логика обратилась к анализу языка. Саму же переориентацию на анализ языковых структур (что, по оценке исследователей, является критериальным признаком структурализма) специалисты связывают с именем Б. Рассела.

Структуралистская методология в логике отвечает всем требованиям «технологии» данной методологии. При моделировании онтологических структур в ходе построения логических структур, независимо от того, как трактуется статус онтологических структур, раскрывается нечто глубинное, скрытое, в категориальном плане называемое внутренней формой. Традиционное понятие внутренней формы, тождественное в современном категориальном языке с понятием структуры, есть не что иное, как структурный закон, на открытие которого и нацелена структуралистская методология. В своей логической специфике изоморфные/тождественные по внутренней форме/структуре «онтологические допущения» получили названия «логический строй», «логический каркас», «логический скелет» и т.п.

На почве логики возможности структуралистской методологии не исчерпаны, в статье приведены примеры возможных проблем, которые могут быть решены с ее помощью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барт Р. 1989. Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва : Прогресс. 616 с.
- Борн М. 1973. Моя жизнь и взгляды. Москва : Прогресс. 176 с.
- Брянник Н.В. 2020. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке // Вопросы философии. № 1. С. 74–84. DOI 10.21146/0042-8744-2020-1-74-84
- Бурбаки Н. 2010. Архитектура математики // Бурбаки Н. Очерки по истории математики. Москва : Либроком. С. 245–259.
- Васюков В.Л. 2006а. Логика или логики? // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы / отв. ред. В.Л. Васюков. Санкт-Петербург : Издат. дом «Мирь». Вып. 1. С. 33–35.
- Васюков В.Л. 2006b. Формальная онтология. Москва : Ин-т философии РАН. 140 с.
- Витгенштейн Л. 1994. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Москва : Гнозис. Ч. 1. С. 5–75.
- Вригт Г.Х. фон. 1992. Логика и философия в XX веке / пер. А.Б. Фроловой // Вопросы философии. № 8. С. 80–91.
- Делёз Ж. 1999. По каким критериям узнают структурализм? // Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. Санкт-Петербург : Алетейя. 189 с.
- Карнап Р. 2006а. Логическое построение мира (фрагменты) // Журнал «Erkenntnis» («Познание») : избранное / пер. с нем. А.Л. Никифорова; под ред. О.А. Назаровой. Москва : Издат. дом «Территория будущего» : Идея-Пресс. С. 75–94.
- Карнап Р. 2006b. Старая и новая логика (фрагменты) // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное / пер. с нем. А.Л. Никифорова; под ред. О.А. Назаровой. Москва : Издат. дом «Территория будущего» : Идея-Пресс. С. 105–119.
- Кюнг Г. 1999. Онтология и логический анализ языка / пер. с нем. и англ. А.Л. Никифорова. Москва : Дом интеллектуал. кн. 240 с.
- Лобовиков В.О. 1998. Формальная философия вообще и формальная онтология в частности // Эпистемы : Альманах : материалы межвуз. семинара / сост. и общ. ред. Н.В. Брянник. Екатеринбург. С. 11–22.
- Мах Э. 2003. Познание и заблуждение : Очерки по психологии исследования. Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний. 456 с.
- Мах Э. 2005. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Москва : Издат. дом «Территория будущего». 304 с.
- Милль Дж.Ст. 2011. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ.; предисл. и прилож. В.К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. Москва : ЛЕНАНД. 832 с.
- Пропп В.Я. 1983. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Семиотика : сб. статей, переводы / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. Москва : Радуга. С. 585–628.
- Пропп В.Я. 2001. Морфология волшебной сказки. Москва : Лабиринт. 192 с.
- Рассел Б. 1999. Исследование значения и истины / пер. с англ. Е.Е. Ледникова, А.Л. Никифорова. Москва : Идея-Пресс : Дом интеллектуал. кн. 400 с.
- Соссюр Ф. де. 1999. Курс общей лингвистики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 432 с.

References

- Barthes R. The Structuralist Activity, *Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika*, Moscow, Progress, 1989, 616 p. (in Russ.).
- Born M. *My Life and My Views*, Moscow, Progress, 1973, 176 p. (in Russ.).
- Bourbaki N. Architecture of Mathematics, *Burbaki N. Ocherki po istorii matematiki*, Moscow, Librokom, 2010, pp. 245–259. (in Russ.).
- Bryanik N.V. The Concept of Structural Law and the Methodology of Structuralism in Non-Classic Science, *Voprosy filosofii*, 2020, no. 1, pp. 74–84. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-74-84>. (in Russ.).
- Carnap R. Old and New Logic (fragments), O.A. Nazarova (ed.), *Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie») : izbrannoe*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», Ideya-Press, 2006, pp. 105–119. (in Russ.).
- Carnap R. The Logical Structure of the World (fragments), O.A. Nazarova (ed.), *Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie») : izbrannoe*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», Ideya-Press, 2006, pp. 75–94. (in Russ.).
- Deleuze G. How Do We Recognize Structuralism? *Delez Zh. Marsel' Prust i znaki*, St. Petersburg, Aleteyya, 1999, 189 p. (in Russ.).
- Küng G. *Ontology and the Logistic Analysis of Language*, Moscow, Dom intellektual'noy knigi, 1999, 240 p. (in Russ.).
- Lobovikov V.O. *Formal'naya filosofiya voobshche i formal'naya ontologiya v chastnosti* [Formal philosophy in general and formal ontology in particular], N.V. Bryanik (comp., ed.), *Epistemy : Al'manakh : materialy mezhvuz. seminara*, Ekaterinburg, 1998, pp. 11–22. (in Russ.).
- Mach E. *Knowledge and Error : Sketches on the Psychology of Enquiry*, Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy, 2003, 456 p. (in Russ.).
- Mach E. *The Analysis of Sensations, and the Relation of the Physical to the Psychological*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2005, 304 p. (in Russ.).
- Mill J.S. *A System of Logic, Rationative and Inductiv*, 5th ed., corr. and augm., Moscow, LENAND, 2011, 832 p. (in Russ.).
- Propp V.Ya. *Morphology of the Folktale*, Moscow, Labirint, 2001, 192 p. (in Russ.).
- Propp V.Ya. *Strukturnoe i istoricheskoe izuchenie volshebnoy skazki* [Structural and Historical Study of a Fairy Tale], Yu.S. Stepanov (comp., ed.), *Semiotika : sb. statey, perevody*, Moscow, Raduga, 1983, pp. 585–628. (in Russ.).
- Russell B. *An Inquiry into Meaning and Truth*, Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, 1999, 400 p. (in Russ.).
- Saussure F. de. *Course in General Linguistics*, Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999, 432 p. (in Russ.).
- Vasyukov V.L. *Formal'naya ontologiya* [Formal ontology], Moscow, Institut filosofii RAN, 2006, 140 p. (in Russ.).
- Vasyukov V.L. *Logika ili logiki?* [Logic or logics], V.L. Vasyukov (resp. ed.), *Issledovaniya analiticheskogo naslediya L'vovsko-Varshavskoy shkoly*, St. Petersburg, Izdatel'skiy dom «Mir», 2006, iss. 1, pp. 33–35. (in Russ.).
- Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*, Vitgenshteyn L. *Filosofskie raboty*, Moscow, Gnozis, 1994, pt. 1, pp. 5–75. (in Russ.).
- Wright G.H. von. *Logika i filosofiya v XX veke* [Logic and Philosophy in the Twentieth century], *Voprosy filosofii*, 1992, no. 8, pp. 80–91. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Надежда Васильевна Брянник

доктор философских наук, профессор
кафедры онтологии и теории познания
департамента философии Уральского фе-
дерального университета имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екате-
ринбург, Россия;
ORCID: 0009-000-5298-533X;
SPIN-код: 6184-2791;
E-mail: n.v.bryanik@urfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezda V. Bryanik

Doctor of Philosophy, Professor, Chair
of Ontology and Theory of Knowledge,
Department of Philosophy, Ural Federal Uni-
versity named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0009-000-5298-533X;
SPIN-code: 6184-2791;
E-mail: n.v.bryanik@urfu.ru

Шавеко Н.А. Русская религиозная философия права в контексте защиты традиционных российских ценностей // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 22-36.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_22

УДК 342.721

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_22

Русская религиозная философия права в контексте защиты традиционных российских ценностей

Николай Александрович Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия,

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

*Поступила в редакцию 08.04.2025, поступила после рецензирования 16.05.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

С 2010-х гг. во внутренней политике российского государства наблюдается «консервативный поворот», одним из выражений которой является политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В этом контексте актуальным является обращение к русской религиозной философии права как возможному источнику традиционных для отечественных юристов воззрений в области правового (социального) идеала. Цель статьи – рассмотреть основные характеристики русской религиозной философии права и на этой основе оценить ее применимость в современных реалиях для обоснования политики защиты традиционных ценностей и формулировки конкретного перечня таковых. При этом за основу взят подход, согласно которому теоретическое обоснование традиционных ценностей и их конкретный перечень должны соотноситься с либеральным «ядром» (первой и второй главами) Конституции России, а также с доминирующими среди современных россиян ценностями. Показано, что русская философия права (к большей части которой применимо определение «религиозная») не может служить ни теоретическим обоснованием политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, поскольку консерватизм в ней явно превалирует над либерализмом, что не соответствует текущей правовой системе России, ни источником содержания конкретных традиционных ценностей в области правового идеала, поскольку отстаивавшиеся отечественными мыслителями конструкции правового идеала не были ориентированы на интересы многонациональной и многоконфессиональной гражданской нации, вследствие чего не соответствуют установкам нынешней российской власти. С учетом изложенного сделан вывод, что традиция, на которую, по задумке нынешней российской власти, следует опереться российскому народу (многонациональному и не вполне религиозному) для укрепления граж-

© Шавеко Н.А., 2025

данского единства, должна «изобретаться» заново в рамках широких общественных дискуссий.

Ключевые слова: традиционные ценности; историческая правда; консервативный либерализм; православие; русская религиозная философия; правовой идеал

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Russian Religious Philosophy of Law in the context of Protection of Traditional Russian Values

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Received 08.04.2025, revised 16.05.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. The main characteristics of Russian religious philosophy of law are examined within the context of the modern Russian state's policy aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The policy is interpreted as a manifestation of a "conservative turn" in domestic politics while still maintaining the liberal "core" of the Constitution of the Russian Federation. The article demonstrates that Russian legal philosophy – most of which can be classified as "religious" – cannot serve as a theoretical foundation for such a policy, since conservatism clearly prevails over liberalism in it, which does not align with Russia's current legal system. Furthermore it cannot function as a source of content for specific traditional values within the legal ideal, since the conceptualizations of such ideal historically were not oriented towards the interests of a multi-national, multi-religious civil nation. As a result, they fail to comply with the guidelines of the present Russian government. Given these considerations, it can be concluded that the tradition, which the current Russian government suggests the Russian people as a diverse, multinational and not entirely religious population, should rely on to reinforce civil unity, can only be "reinvented" through broad public discussions. It cannot be simply sought in the past nor imposed "from the authorities" under the guise of "historical truth".

Keywords: traditional values; historical truth; conservative liberalism; Orthodoxy; Russian religious philosophy; legal ideal

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, provided as subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Shaveko N.A. Russian Religious Philosophy of Law in the context of Protection of Traditional Russian Values, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 22-36. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_22

Введение

Русская религиозная философия права первой трети XX века – уникальный культурный феномен, подчеркивающий национальные особенности русского правосознания и его ключевые ценности, что делает актуальным обращение к данному феномену в контексте политики современного российского государства по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, посредством которой оно пытается подчеркнуть уникальность России. Вместе с тем важно иметь в виду разграничение понятий «русский» и «российский»: первое, как правило, отсылает к этнической идентичности, сформировавшейся под влиянием крещения Руси и долгое время неразрывно связывавшейся с православной верой, второе же обозначает политическую нацию («многонациональный народ»), страну или государство, и не случайно в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809¹ (далее – Указ), посвященном защите именно российских (а не русских) традиционных ценностей, упоминается многоконфессиональность Российской Федерации. Тем не менее, поскольку в том же Указе утверждается, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию (а именно оно в течение веков рассматривалось как важнейший маркер «русскости»), русская религиозная философия права, вероятно, может рассматриваться как выразитель части таких ценностей в области правового идеала. Тем более что в современной академической литературе высказываются призывы осуществить «возврат к истокам русского правосознания», заданного православной мыслью (Сугрей, Варакин 2017: 38). С учетом сказанного представляется актуальным рассмотрение воззрений русских религиозных мыслителей на правовой идеал именно в контексте политики сохранения и укрепления традиционных ценностей. Цель настоящей статьи – оценить потенциал соответствующих теоретических наработок для решения задач, стоящих перед современным российским государством.

Сразу отметим два момента. Во-первых, проблематика правового идеала рассматривается преимущественно представителями естественно-правовой теории правопонимания, но поскольку в дореволюционной России таковых было значительно больше, чем представителей конкурирующих позитивистской и социологической школ, постольку их взгляды во многом характеризуют общее состояние философии права указанного периода. Во-вторых, как верно отмечается исследователями, «воззрения практически всех представителей теории естественного права в России имеют религиозный компонент» (Жуков 2017: 7), поэтому характеристика взглядов русских религиозных мыслителей на правовой идеал – это в значительной степени характеристика общего тренда соответствующей эпохи. Оба этих момента, как представляется, подчеркивают значимость настоящего исследования.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

Мнимый консервативный либерализм русской религиозной философии права

Для начала отметим, что воззрения русских теоретиков естественного права характеризуются некоторым парадоксом. С одной стороны, в условиях абсолютизма естественно-правовая теория стала в России ядром либерального правосознания и проводником западноевропейских идей. С другой стороны, исследователи отмечают, что несмотря на огромное влияние западного неокантианства, «характерной чертой русской философии естественного права является ее религиозная ориентированность»; если быть точнее, речь идет об общей тенденции перехода представителей естественно-правовой теории на религиозные позиции (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве и др.) (Жуков 2017: 6). В результате философия естественного права в России стала квинтэссенцией западноевропейских идей и национальных традиций, если угодно – западничества и славянофильства. Одновременно ее можно рассматривать как сплав либерализма и консерватизма, поскольку большинство теоретиков естественного права в дореволюционной России, как считается, тяготели к консервативному либерализму (Жуков 2017: 8) (во всяком случае, ценность личности и начала индивидуализма сочетались в их трудах с пиететом к православной вере и национальной культуре). Таким образом, русская религиозная философия права может рассматриваться не просто как уникальный культурный феномен, но и как пример адаптации западных ценностей на национальной почве, как свидетельство одновременно культурной близости Западу и обособленности от него.

Как представляется, сочетание либерализма и консерватизма в русской философии естественного права может быть актуально в современных условиях как указание на тот путь, которым может быть достигнуто единение различных социальных слоев в рамках приверженности общим ценностям, которые не противоречат конституционному тезису о высшей ценности прав и свобод человека, ведь именно на обеспечение такого единства и направлена политика современного российского государства в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Поэтому на первый взгляд кажется, что в условиях «консервативного поворота» в российской внутренней политике, наблюдаемого с 2010-х гг., и стремления действующей российской власти защитить традиционные ценности русская религиозная философия права представляет собой особый интерес. Особенно привлекательно в ней то, что приверженность ее представителей правам человека и признание ими высшей ценности личности, вероятно, может сочетаться со специфическим статусом первой и второй глав нынешней Конституции России, закрепляющих либеральные по сути идеалы².

² Конечно, ст. 13 Конституции гласит, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной, однако, как представляется, любая конституция имеет идеологическое измерение, поэтому тезис о недопустимости

Однако на поверку выходит, что несмотря на провозглашаемый консервативный либерализм, соотношение либеральных и консервативных начал у русских философов права зачастую оказывается не в пользу либерализма. Так, нередко авторов интересует не столько обеспечение неотчуждаемых прав личности и учреждение с этой целью соответствующего политического устройства (включающего, например, всеобщие выборы, разделение властей, конституционный контроль и т. п.), сколько создание возможностей для духовного саморазвития личности, устремления ее к Богу (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, И.А. Ильин, Е.В. Спекторский, Б.П. Вышеславцев и др.). С этой целью выстраиваются различные проекты, предусматривающие органическое единство личности, общества и государства, а вовсе не противопоставление индивидуального и коллективного, являющееся отличительной чертой либерализма.

Дело в том, что для любого либерала крайне важно обеспечить свободное развитие личности. В классическом либерализме это выражалось в требованиях формального равенства, материального неравенства и «минимального» государства. В социальном либерализме конца XIX – начала XX века государство уже наделялось полномочиями по вмешательству в рыночные механизмы с целью обеспечения «минимального равенства возможностей» и т.п. целей, нивелирующих эксцессы формального равенства. Но такое вмешательство в любом случае оправдывалось обеспечением реальной индивидуальной свободы, то есть способности избирать для себя тот или иной образ и смысл жизни, а никак не необходимостью следовать заранее данным представлениям о том, что есть достойная жизнь. Вместе с тем религиозный компонент в естественно-правовых воззрениях отечественных правоведов нередко затмевает эту первоначальную интенцию либерализма. Ведь если правильной априори является «жизнь во Христе», то права и свободы человека теряют самостоятельное значение – они нужны лишь для того, чтобы сподвигнуть человека к «правильной» жизни, и могут быть ограничены, если человек пользуется ими «неправильно».

Действительно, такие мыслители, как Н.А. Бердяев (Бердяев 1993: 91), Б.П. Вышеславцев (Вышеславцев 1994: 40-41) и С.Л. Франк (Франк 1992: 88) ставят благодать выше закона, рассматривая закон – пусть каждый и по-разному – лишь в качестве противоречивого и явно недостаточного средства достижения благодати. Е.В. Спекторский продвигает идею «воцерковления права» (Спекторский 1925), И.А. Ильин задачу права усматривает в воспитании личности и устремлении ее к Богу, стирая всякие границы между правом и религией (Ильин 1994: 231-232) и т.д. Все эти воззрения на право означают, по существу, полное отрицание либерализма, то есть тезиса о необходимости обеспечения свободного развития личности. Конечно, практически все русские философы и правоведы признавали абсолютную ценность личности, отстаивали ее свободу и саморазвитие, а потому

государственной идеологии, в совокупности с провозглашением человека, его прав и свобод высшей ценностью, фактически означает принятие либерального идеала индивидуального самоопределения.

признавали необходимым ограничение государственной власти. Однако и права человека («образа и подобия Божьего»), и ограниченность власти государства («кесарю – кесарево») обосновывались именно религиозными причинами. В результате, будучи защищенной от государства, личность в трудах этих мыслителей оказывалась подчиненной религиозным постулатам, задающим общую цель и общие ценности социального бытия. Фактически речь идет не о свободном развитии личности, а о развитии ее в соответствии с христианскими идеалами (что для нерелигиозного человека вовсе не одно и то же). В творчестве Ильина подчиненность государству и религии вообще сливаются воедино: личность хоть и наделяется данным мыслителем стандартным набором прав, но одновременно должна жертвовать своими интересами во имя интересов государства (Ильин 1994: 245); в свою очередь, сущность государства трактуется в религиозном ключе.

Представляется, что предпосылки для такого противоречивого понимания свободы личности содержатся еще в философских взглядах И. Канта и его последователя В.С. Соловьёва, оказавших огромное влияние на русских правоведов. Кант, как известно, различал легальность и моральность как характеристики соответственно внешнего поведения и внутреннего мотива (Кант 1965: 396). Однако очевидно, что кантовский категорический императив предъявляет требования не только к мотивам, но и к поведению человека; в результате чего, на наш взгляд, у кенигсбергского философа либеральный правовой идеал конкурирует с более требовательным нравственным идеалом. В свою очередь, В.С. Соловьёв понимал право как «минимум нравственности», то есть как сочетание личной свободы и общего блага (Соловьёв 1988: 450-452); и здесь предпринимается своего рода попытка согласовать требования морали и нравственности. И Кант, и Соловьёв были людьми религиозными и пытались философски обосновать христианскую этику. Проблема, как представляется, состоит в том, что необходимый для торжества христианской нравственности «минимум» (если таковой вообще существует) вовсе не обязательно совпадает с либеральным принципом максимизации равных свобод: вполне может оказаться, что нравственность подразумевает нечто большее, чем некий минимальный набор взаимных правовых ограничений.

В итоге тот проникнутый нравственным идеализмом «либерализм», которого придерживались российские философы права, находящиеся под влиянием Канта и Соловьёва, имел не так много общего с западноевропейским либерализмом. Если на Западе либеральная буржуазия отстаивала экономическую свободу, политические права, плюрализм и свободу совести, то в Российской Империи главным апологетом либерализма стала дворянская интеллигенция, выступавшая за государственную опеку над национальной промышленностью, неравные избирательные права, монархию и консерватизм, связанный с национальными и религиозными ценностями. «По сути, требования либерального дворянства сводились к тому, чтобы побудить государство проводить реформы» (Жуков 2017: 39).

По нашему мнению, некоторые особенности русской философии права вполне могут рассматриваться как «внутренняя» самокритика либерализма,

однако именно в вопросах религии и культуры она скорее порывает с либерализмом, чем поддерживает его. Развернем эту мысль подробнее.

Так, неприятие многочисленными отечественными мыслителями демократии в принципе может рассматриваться как не противоречащее либерализму, поскольку долгое время либерализм не подразумевал демократию (избирательные права были у меньшинства), и только в XX в. ситуация стала меняться. Другое дело, что критика нарождавшегося на Западе в начале XX в. сочетания либерализма и демократии с позиции сегодняшнего дня видится реакционной. Конституция России, например, провозглашает страну демократическим государством, где высшая власть принадлежит народу. И хотя демократия постоянно подвергается критике и в академической литературе, и в публичном пространстве, данные социальных опросов, регулярно проводимых с 1990-х гг., показывают, что большинство россиян поддерживает демократию³. Таким образом, и действующее законодательство, и общественное мнение признают ценность демократии, какой бы относительной она ни была.

В свою очередь, критика русскими мыслителями классического либерализма, основывающегося на принципах *laissez-faire* и государства «ночного сторожа», попытка отстаивать вместо этого сильное государство, поддерживающее национальную экономику и обеспечивающее каждому некий «материальный минимум» (Фролова 2018; Фролова 2019), также может быть рассмотрена как поддержка социальной версии либерализма, а не как отрицание либерализма. Причем эта модификация либеральных воззрений с позиций сегодняшнего дня представляется прогрессивной, а также соответствующей российской Конституции, провозглашающей социальное государство.

Но в области религии и культуры относительно большинства русских философов права нельзя сказать, что они остаются в рамках либерализма. Действительно, все они поддерживают свободу совести, но только потому, что «прийти к Богу» каждый человек должен добровольно. Свобода совести для них вовсе не означает отделение церкви от государства, а высшим идеалом при этом становится церковное братство («соборность») во имя «спасения души». Соборность, однако, вступает в противоречие с либеральной приверженностью автономии индивида, а цель спасения души – с либеральным постулатом, согласно которому каждый индивид вправе сам определять цель своей жизни. Религиозный идеал, согласно ряду мыслителей (Бердяев 1993: 107; Вышеславцев 1994: 21-25), способен оправдать, в том числе, правонарушение. Но это значит, что и права человека (основа либерального мировоззрения) оказываются под угрозой. С.Л. Франк, например, полагал, что социум должен быть построен на начале служения Богу, и жизнь человека должна быть подчинена не утверждению его собственной воли, а исполнению воли Бога. Соответственно, все права человека произ-

³ О демократии : Подходит ли России такая форма государственного управления, как демократия? 17.12.2020. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14519> (дата обращения: 08.02.2025).

водны от этой первичной обязанности, то есть они не абсолютны, а зависят от «духовного состояния» конкретного общества, его религиозной зрелости (Франк 1992: 112); при этом никаких общеобязательных моральных идеалов в духе кантовского «категорического императива» вообще не существует (Франк 2000: 207). Не менее рельефно подобные взгляды представлены и в творчестве И.А. Ильина, который формально признавал права человека, но, по-видимому, лишь постольку, поскольку они позволяют реализовать смысл жизни, который заключается в том, чтобы верить в Бога, молиться, любить и творить (Ильин 1993: 168). В научной литературе Ильин, в отличие от большинства русских правоведов, причисляется к либеральным консерваторам, а не консервативным либералам (Жуков 2017: 186-187); с нашей точки зрения, не только Ильин, но и большинство русских правоведов по указанным выше причинам не могут быть названы либералами. Более того, они принижают право как таковое, отводя справедливости (правовому идеалу) роль средства или части религиозного идеала.

Проблемы и перспективы русской религиозной философия права

Оценивая вышеприведенные характеристики русской дореволюционной философии права, приходится констатировать, что данная философия не может служить основой для определения традиционных российских духовно-нравственных ценностей и их теоретического обоснования (вопреки существующим попыткам использовать с указанными целями, например, философию И.А. Ильина). Этот вывод обусловлен сразу несколькими причинами.

Во-первых, поддержка дореволюционными правоведами монархии, критика демократии и – особенно – отведение ими ключевой роли религии вступают в противоречие с положениями первой и второй глав нынешней российской Конституции. Эти главы закрепляют статус прав и свобод человека как высшей ценности, статус народа как носителя суверенитета и единственного источника власти, а также разделение властей, идеологическое многообразие, светский характер государства, равенство религиозных объединений и их отделенность от государства, неотчуждаемость прав человека и тот факт, что именно эти права определяют смысл и содержание российских законов и государственной политики. По всей видимости, действующая Конституция России показалась бы дореволюционным правоведам чересчур либеральной. Но сегодня задача видится в том, чтобы найти такие традиционные ценности и такое их обоснование, которое не противоречило бы действующей Конституции и законодательству.

Во-вторых, если смысл защиты духовно-нравственных ценностей состоит в том, чтобы укрепить гражданское единство (о чем и говорится в приведенном выше Указе российского Президента), то проблемы возникают с тем, что в современных условиях радикальная религиозность отечественной философии естественного права (а радикальность, по нашему мнению, в ней присутствует, несмотря на весь модернизм и стремление

переосмыслить официальные церковные догматы) попросту не найдет поддержки у российских граждан. Так, данные соцопросов показывают снижение числа православных в российском обществе, возрастание числа атеистов, примерно равное число верующих и атеистов среди молодежи, причем более чем для половины россиян религия либо не играет никакой роли в жизни, либо играет не слишком важную роль⁴.

В-третьих, действующая Конституция России не отдает приоритет ни одной из религий, а также подчеркивает многонациональный характер российского народа. Кроме того, как уже было отмечено, Указ Президента России констатирует многонациональность российского народа и многоконфессиональность российского государства. Неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия в нем признаются христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии. Следовательно, православные ценности, отстаиваемые в русской философии права, надлежит трактовать лишь как часть свойственных населению России традиций.

Данное затруднение можно было бы преодолеть, показав общность множества ценностей всех вышеупомянутых религий. Такие общие ценности действительно есть, однако, как представляется, они являются скорее общечеловеческими, чем «русскими» или «православными». Но раз так, теряется сам религиозно-националистический пафос отечественного подхода к правовому идеалу. Очевидно, что русские правоведы в своем понимании общественного идеала не ставили ислам или буддизм в один ряд с православием. Стало быть, возникает противоречие, описанное нами еще во введении к данной статье, связанное с различием, с одной стороны, русских (православных), с другой стороны, российских (межкультурных и, в сущности, общечеловеческих) ценностей: после проведенного анализа выяснилось, что первые должны быть ограничены, чтобы соответствовать вторым.

К тому же, современные реалии не позволяют нам забыть о противоречиях между различными религиями. Например, в конце 2024 г. Генпрокуратура России внесла представление об устранении нарушения закона председателю Духовного управления мусульман РФ, выпустившему фетву, допускающую многоженство⁵. Это событие примечательно потому, что после 2020 г. в Конституции России особо выделены традиционные семейные ценности, полномочиями по сохранению которых наделено Правительство РФ (ст. 114). Как видим, традиционными для православных и мусульман являются совершенно разные семейные ценности.

В-четвертых, дореволюционная философия естественного права в России недостаточно внимания уделяла институциональному аспекту, край-

⁴ Религия и общество : мониторинг : За последние тридцать лет роль религии в жизни нашего общества несколько возросла, 27.07.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 08.02.2025).

⁵ Генпрокуратура внесла представление ДУМ после фетвы о многоженстве, 23.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241223/genprokuratura-1990895577.html> (дата обращения: 08.02.2025).

не важному для реализации правового идеала. Между тем, как бы ни был обоснован этот идеал, он не будет реализован на практике, если для этого не созданы надлежащие механизмы. В современных условиях, когда принцип разделения властей в Конституции России закреплен, но не обеспечен реальной системой сдержек и противовесов, что на практике выливается в доминирование Президента РФ над всеми ветвями власти (Краснов 2011), институциональный аспект по-прежнему актуален, поскольку именно он обуславливает тот факт, что традиционные ценности на данный момент устанавливаются «сверху». К сожалению, русская дореволюционная философия естественного права не выработала теоретических моделей, которые могли бы быть использованы для решения указанных проблем. В ней, напротив, сквозит презрение к вопросам формы политического устройства. Н.А. Бердяев, например, критиковал либерализм за то, что он «слишком верит в политическую форму», и считал, что «вера в конституцию – жалкая вера», а «делать себе кумира из правового государства недостойно» (Бердяев 1990: 150). На практике же дьявол кроется в мелочах, и такие «недостойные» вопросы оказываются ключевыми; невнимание к ним показывает некоторую оторванность отечественных философов от реальности.

Означает ли это, что русская религиозная философия права должна быть полностью отвергнута в свете стоящих перед современным российским государством задач? Представляется, что положительный ответ на этот вопрос был бы слишком радикальным. Следует определиться, что именно понимать под такой философией. Как было отмечено выше, религиозный компонент свойственен практически всем русским философам права дореволюционного периода и последующей эмиграции (по сути, именно это и придает им характеристику «русскости», поскольку раньше этноним русский нередко использовался в значении «православный»). Однако это не значит, что у всех них религия занимала центральное место в моделях правового идеала. На наш взгляд, перспективными с позиций сегодняшнего дня представляются такие авторы, как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве. Некоторые из них испытали сильное влияние религии (Новгородцев, Трубецкой), некоторые – неокантианства (Новгородцев, Кистяковский, Струве), некоторые – марксизма (Кистяковский, Струве). Однако общим для всех них является приверженность либеральным идеалам, причем даже религиозность отдельных авторов не вступала в противоречие с такой приверженностью. Уже данный факт делает их философию более выигрышной в свете действующей Конституции России и секулярного сознания значительного числа российских граждан. При этом речь у данных авторов идет именно о прогрессивном социальном либерализме, что полностью соответствует характеристике современного российского государства как социального, а также устоявшимся на данный момент представлениям о допустимости вмешательства государства в экономику. Но одновременно этот либерализм можно обозначить и как консервативный, поскольку он связан с защитой определенных ценностей устоев, что коррелирует с политикой современных российских властей по защите традиционных ценностей.

В первую очередь необходимо отметить, что с точки зрения Новгородцева, Струве, Трубецкого и Кистяковского общество должно строиться на основе принципов свободного развития, самоопределения и равенства отдельных личностей. Именно человек, его права и его свобода (внутренняя и внешняя) являются для них высшим нравственным идеалом и безусловной ценностью, что соответствует положениям ст. 2 нынешней российской Конституции.

В то же время, патриотизм для данных мыслителей был не пустым словом, и каждый из них считал необходимым культивировать в человеке высокие духовные качества. Струве, например, сформулировал идею «патриотического эроса» (любовь к родине, по мысли данного автора, побуждает идти на компромиссы с другими людьми и подчиняться законам) (Струве 1999: 44). Но важно понимать, что национальная культура по Струве не может быть ничем иным, кроме продукта свободного творчества конкретных людей. Новгородцев, свою очередь, провозглашал воспитательную функцию государства (Новгородцев 1909: 307). Однако реализуется она, по мысли правоведа, не посредством внушения тех или иных правил, а благодаря совместным социальным практикам, формирующим общую культуру и приверженность этой культуре со стороны граждан. Кистяковский считал, что государство должно воспитывать в людях уважение к личности, поскольку это необходимо для торжества этических целей права – индивидуальной свободы (внутренней и внешней) и справедливости (Кистяковский 1998: 360). В итоге все названные мыслители отстаивали не столько преданность традиции, сколько преданность своему сообществу, своей стране и своему государству.

Здесь, правда, следует упомянуть эволюцию взглядов отдельных упомянутых авторов. П.И. Новгородцев, например, в серии статей послереволюционного периода «прямо обращается к православию как единственной опоре мира политики и в целом общественной жизни» (Жуков 2012: 71), причем выступает не просто за защиту православной веры, но и за связь государства и церкви, отстаивая религиозную трактовку государственного строительства. В этот период для Новгородцева православие с его идеалами соборности и всеобщей любви составляет неотъемлемую часть национального сознания; мыслитель говорит именно о русском народе и русской культуре, критикуя при этом термины «русский» и «народы России» как суррогаты этнических маркеров (Новгородцев 1926: 66). В результате Новгородцев встает в один ряд с вышеперечисленными нелиберальными религиозными мыслителями, а его философия становится менее привлекательной в контексте построения моделей гражданской интеграции современного российского общества, поскольку основана на архаичном и мифифицированном правосознании (Жуков 2016: 248).

Из сказанного, как представляется, следует, что традиция, на которую, по задумке нынешней российской власти, следует опереться российскому народу (многонациональному и не столь религиозному!) для укрепления гражданского единства, должна «изобретаться» заново, а не выискиваться в прошлом. Такое «изобретение традиции» возможно, если будут со-

блюдаться положения действующей Конституции, касающиеся свободы совести, мысли и слова, идеологического и политического многообразия, поскольку данные положения создают условия для соответствующих публичных дискуссий о ценностях. Но это окажется невозможным, если власть, воспользовавшись несовершенством конституционной системы сдержек и противовесов, а также монополией на «историческую правду», будет «сверху» навязывать обществу те или иные ценности, обосновывая их как традиционные. Понятно, что никакая традиция не может взяться из ниоткуда, даже если ее «изобретают». Однако именно поэтому выше было указано на перспективность идей таких авторов, как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве (хотя не следует забывать, что взгляды этих авторов эволюционировали и не всегда являлись одинаково привлекательными с точки зрения рассматриваемой нами проблематики).

Следует признать, что дореволюционные либералы не опирались на хоть сколько-нибудь внушительную социальную базу. Фактически они оказались между молотом и наковальней: реакционным абсолютизмом – с одной стороны, и революционным порывом народных масс (все больше проникающихся социалистическими идеями) – с другой. Либералов того времени не поддерживали ни «сверху», ни «снизу». По сути, в схожем положении находятся в сегодняшней России основывавшийся на идеях классического либерализма «дикий капитализм» 1990-х и, одновременно, левый либерализм западноевропейского образца с его вниманием к различным меньшинствам: они не находят поддержки ни во власти, ни в критически настроенных массах. Однако тот консервативный либерализм, который получил распространение в дореволюционной философии естественного права (с его ставкой на сильную власть, а также на духовно-нравственные ценности) и продемонстрировал практическую несостоятельность еще в 1917 г., когда на политику Временного правительства оказывали существенное влияние кадеты и другие либерально-ориентированные силы, на сегодняшний день парадоксальным образом как раз мог бы снискать поддержку среди широких слоев населения, поскольку все конкурирующие проекты (построение православного царства, самодержавная власть, коммунизм, «дикий капитализм» и размывающий культурные основы западный либерализм), как представляется, дискредитированы в глазах большинства граждан.

Выводы

С 2010-х гг. во внутренней российской политике наблюдается поворот к консерватизму, одним из выражений которого является возникновение в официальном дискурсе и в нормативных правовых актах понятия «традиционных ценностей», а также осуществление государством политики, направленной на их сохранение и укрепление. Вместе с тем, несмотря на поправки 2020 г., ядро действующей Конституции РФ (ее первая и вторая главы) все еще остается по существу либеральным. Теоретическим

обоснованием такого положения дел, а также источником содержания конкретных традиционных ценностей в области правового идеала могла бы стать русская философия права (к большей части которой применимо определение «религиозная»), поскольку она, как считается, развивалась в русле консервативного либерализма. Однако анализ показал, что консерватизм в ней явно превалирует над либерализмом, что не соответствует текущей правовой системе России. В свою очередь, отстаивавшиеся отечественными мыслителями конструкции правового идеала не были ориентированы на интересы многонациональной и многоконфессиональной гражданской нации, вследствие чего они не соответствуют установкам нынешней российской власти. Среди ведущих философов права первой трети XX века консервативными либералами в действительности были лишь несколько авторов. С учетом изложенного, традиция, на которую, по задумке нынешней российской власти, следует опереться российскому народу (многонациональному и не очень-то религиозному) для укрепления гражданского единства, должна скорее «изобретаться» заново в рамках широких общественных дискуссий, чем выискиваться в прошлом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердяев Н.А. 1990. Философия неравенства. Москва : ИМА-пресс. 285 с.
- Бердяев Н.А. 1993. О назначении человека. Москва : Республика. 382 с.
- Вышеславцев Б.П. 1994. Этика преображенного Эроса. Москва : Республика. 368 с.
- Жуков В.Н. 2012. Философия права П.И. Новгородцева как консервативно-религиозная утопия // Государство и право. № 2. С. 68–77.
- Жуков В.Н. 2016. Консервативно-религиозный идеал русского либерала: П.И. Новгородцев // Философия политики и права. № 7. С. 246–267.
- Жуков В.Н. 2017. Русская философия права : от рационализма к мистицизму. Москва : Проспект. 351 с.
- Ильин И.А. 1993. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. Москва : Республика. С. 134–288.
- Ильин И.А. 1994. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Москва : Рус. книга. 620 с.
- Кант И. 1965. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения : в 6 т. Москва : Мысль. Т. 4, ч. 1. С. 209–310.
- Кистяковский Б.А. 1998. Философия и социология права. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та. 798 с.
- Краснов М.А. 2011. Законодательно закрепленные полномочия президента России: необходимость или сервилизм? // Сравнительное конституционное обозрение. № 4(83). С. 91–103.
- Новгородцев П.И. 1909. Введение в философию права : Кризис современного правосознания. Москва : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко. 393 с.
- Новгородцев П.И. 1926. Восстановление святынь // Путь : Орган русской религиозной мысли. № 4. С. 52–71.
- Соловьёв В.С. 1988. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 47–580.
- Спекторский Е.В. 1925. Христианство и культура. Прага : Пламя. 308 с.
- Струве П.Б. 1999. Избранные сочинения. Москва : Росспэн. 470 с.

Сугрей Л.А., Варакин А.С. 2017. К вопросу о традиционности русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2(74). С. 37–43.

Франк С.Л. 1992. Духовные основы общества. Москва : Республика. 510 с.

Франк С.Л. 2000. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. Минск : Харвест ; Москва : АСТ. С. 145–244.

Фролова Е.А. 2018. Идеи социального и правового государства в философии права П. И. Новгородцева // Государство и право. № 7. С. 57–65. DOI 10.31857/S013207690000214-7

Фролова Е.А. 2019. Б.А. Кистяковский как методолог, философ и социолог права // Государство и право. № 3. С. 149–158. DOI 10.31857/S013207690004441-7

References

Berdyayev N.A. *About the Appointment of a Person*, Moscow, Respublika, 1993, 382 p. (in Russ.).

Berdyayev N.A. *The Philosophy of Inequality*, Moscow, IMA-press, 1990, 285 p. (in Russ.).

Frank S.L. *The Downfall of Idols*, S.L. Frank, *Sochineniya*, Minsk, Kharvest, Moscow, AST, 2000, pp. 145–244. (in Russ.).

Frank S.L. *The Spiritual Foundations of Society*, Moscow, Respublika, 1992, 510 p. (in Russ.).

Frolova E. B.A. Kistyakovsky as a Methodologist, Philosopher and Sociologist of Law, *State and Law*, 2019, no. 3, pp. 149–158. <https://doi.org/10.31857/S013207690004441-7> (in Russ.).

Frolova E. The Idea of Social and Legal State in the Philosophy of Law P.I. Novgorodtsev, *State and Law*, 2018, no. 7, pp. 57–65. <https://doi.org/10.31857/S013207690000214-7> (in Russ.).

Ilyin I.A. 1994. *Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 4* [Collected Works, in 10 vols., vol. 4], Moscow, Russkaya kniga, 620 p. (in Russ.).

Ilyin I.A. *The Path of Spiritual Renewal*, I.A. Il'in, *Put' k ochevidnosti*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 134–288. (in Russ.).

Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals, I. Kant, *Sochineniya : v 6 t.*, Moscow, Mysl', 1965, vol. 4, pt. 1, pp. 209–310. (in Russ.).

Kistyakovsky B.A. *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and Sociology of Law], St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo humanitarnogo instituta, 1998, 798 p. (in Russ.).

Krasnov M. Legislative Authorities of the President of the Russian Federation: Necessity or Servility? *Comparative Constitutional Review*, 2011, no. 4(83), pp. 91–103. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Introduction to the Philosophy of Law: The Crisis of Modern Legal Consciousness*, Moscow, Tipo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko, 1909, 393 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Vosstanovlenie svyatyn'* [Restoration of Shrines], *Put' : Organ russkoy religioznoy mysli*, 1926, no. 4, pp. 52–71. (in Russ.).

Solovyov V.S. The Justification of the Good, V.S. Solov'ev, *Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1988, vol. 1, pp. 47–580. (in Russ.).

Spektorsky E.V. *Christianity and Culture*, Praga, Plamya, 1925, 308 p. (in Russ.).

Struve P.B. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Moscow, Rosspen, 1999, 470 p. (in Russ.).

Sugrey L.A., Varakin A.S. The Question of the Traditionality of Russian Legal Consciousness, *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2(74), pp. 37–43. (in Russ.).

Vysheslavitsev B.P. *The Ethics of Eros Transfigured*, Moscow, Respublika, 1994, 368 p. (in Russ.).

Zhukov V.N. Conservative Religious Ideal of the Russian Liberal: P.I. Novgorodtsev, *Filosofiya politiki i prava*, 2016, no. 7, pp. 246–267. (in Russ.).

Zhukov V.N. *Filosofiya prava P.I. Novgorodtseva kak konservativno-religioznaya utopiya* [P.I. Novgorodtsev's Philosophy of Law as a Conservative-Religious Utopia], *State and Law*, 2012, no. 2, pp. 68–77. (in Russ.).

Zhukov V.N. *Russkaya filosofiya prava : ot ratsionalizma k mistitsizmu* [Russian Philosophy of Law: from Rationalism to Mysticism], Moscow, Prospekt, 2017, 351 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko

Candidate of Law Sciences, Senior researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-code: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Яркеев А.В. Пастырская власть как управленческая парадигма: к ранним истокам идеи полицейского государства // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 37-56.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_37

УДК 321

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_37

Пастырская власть как управленческая парадигма: к ранним истокам идеи полицейского государства

Алексей Владимирович Яркеев

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

*Поступила в редакцию 27.03.2025, поступила после рецензирования 19.05.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

Статья посвящена историко-философской реконструкции формирования идейных предпосылок возникновения европейского государства полиции (Polizeistaat) как амбициозного унитарного проекта XVII–XVIII вв. по обеспечению безопасности, роста государственного могущества, благополучия и процветания посредством всеохватывающего административного воздействия на жизненные процессы населения. Актуальность обращения к историко-философской ревизии концептуальных ресурсов идеи полицейского государства связана сегодня в том числе с происходящим в России и либеральных обществах Запада «консервативным поворотом»,

© Яркеев А.В. , 2025

сопровождающимся реанимацией императивности и эффективности сильного патерналистского государства, предполагающего практики масштабной интервенции в общественную жизнь. Как известно, в работах М. Фуко возникновение полицейского государства на заре западной биополитики непосредственно связывается с идеей пастырской власти. Несмотря на несомненные достоинства исследований М. Фуко, его анализ не является исчерпывающим, так как заметным образом упрощает процесс трансформации пастырства в парадигму администрирования. Следуя в русле парадигматической онтологии (Дж. Агамбен), соединяющей в себе историко-герменевтический подход с философской археологией идей, автор обосновывает гипотезу о том, что идея полицейского государства в своем длительном формировании, фактически соразмерном истории самого государства с древнейших времен, вырастает из пересечения двух траекторий эволюции западного управленчества: одна из них черпает свое вдохновение в древнегреческой модели биополитического пастырства, вторая уходит корнями в модель пастырского служения институционального христианства. Зарождение на рубеже XVI–XVII вв. рафинированной политической рациональности, центрированной понятием государственного интереса (*ratio status*), стало началом процесса, в ходе которого две формы пастырской рациональности управления людьми (*ratio pastoralis*) начали тесно переплетаться, породив в XVII–XVIII вв. полицию и биовласть как светские модальности пастырской власти современного государства.

Ключевые слова: полицейское государство; полиция; государственное управление; биополитика; пастырство; пастырская власть; население

Pastoral Power as a Government Paradigm: towards the Origins of the Idea of the Police State

Aleksey V. Yarkeev

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Received 27.03.2025, revised 19.05.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. The article presents a historical and philosophical analysis of the ideological foundations that led to the emergence of the European police state (ger. *der Polizeistaat*) as a comprehensive and unified project in the 17th and 18th centuries. This project aimed to secure safety, expand state power, and promote the well-being and prosperity of the population through extensive administrative regulation of social life. The contemporary relevance of revisiting the conceptual roots of the police state is linked, among other factors, to the current “conservative turn” occurring both in Russia and in liberal Western societies. This shift involves a renewed emphasis on the necessity and effectiveness of a strong paternalistic state, characterized by large-scale intervention in public affairs. Michel Foucault famously connects the rise of the police state at the dawn of Western biopolitics to the concept of *pastoral power*. While Foucault’s insights are certainly valuable, his analysis seems to oversimplify the complex transformation of *pastoral care* into a model of administration. Building on Giorgio Agamben’s paradigmatic ontology, which combines historical, hermeneutic and philosophical archaeology approaches, this article

argues that the idea of a *police state*, whose development parallels the history of the state itself since antiquity, originates at the intersection of two evolving forms of Western governance. One draws from the ancient Greek model of biopolitical pastoral care, while the other is rooted in the pastoral ministry of institutional Christianity. The emergence of refined political rationality centered on the concept of *state interest* (lat. *ratio status*) in the late 16th and early 17th centuries marked the beginning of a process in which these two pastoral rationalities (lat. *ratio pastoralis*) became closely intertwined. This fusion ultimately gave rise, during the 17th and 18th centuries to *police* and *bio-power* as secular manifestations of the pastoral power exercised by the modern state.

Keywords: police state; police; public administration; biopolitics; pastoral power; pastorate; population

For citation: Yarkeev A.V. Pastoral Power as a Government Paradigm: towards the Origins of the Idea of the Police State, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 37-56. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_37

История полиции столь же стара,
как история государства.

А.Ф. Филиппов

Чтобы полнее понять идею полиции, нам нужно
принять во внимание ее эволюцию.

М. Дин

Введение

Термин «полицейское государство» в широком публичном обращении активно эксплуатируется в качестве негативной контекстуализации правительственных действий, предъявляющей государственный аппарат в облике холодного и безжалостного чудовища-левиафана, так как в общественном сознании полицейское государство устойчиво ассоциируется с карательно-репрессивными техниками государственного вмешательства в жизненные процессы общества, сопровождающегося попранием гражданско-политических прав и свобод, жесткой регламентацией поведения людей, подавлением инакомыслия, цензурой, вездесущим контролем и т.п., то есть всем тем, что традиционно числится по ведомству тоталитарной диктатуры и противопоставляется правовому государству (Кильдюшов 2013: 10-11). В исследовательской среде, однако, уже не является какой-то экзотикой или особым секретом то обстоятельство, что идея полицейского государства изначально имела сугубо позитивный смысл, подразумевающий создание и поддержание «доброго порядка» для достижения всеобщего блага, счастья, богатства и процветания. Соответственно, идея полицейского государства как особого режима управления, будучи в свое время центральной составляющей более широкого комплекса идей экономической политики меркантилизма (камерализма в Германии), маркирует собой начальный этап эволюции западной рациональности эпохи модерна в направлении концепций государства всеобщего благоденствия/благополучия (Welfare State) и социального государства (Sozialstaat).

Вероятно, из-за своей дурной репутации в России термин длительное время не подвергался глубокому и всестороннему историко-философскому осмыслению, но за последние годы ситуация в академической среде в этом вопросе – в основном благодаря популярности работ М. Фуко, сыгравших немаловажную роль в актуализации научного интереса к историческому опыту континентального полицейского государства, – заметным образом претерпела некоторые изменения, о чем в первую очередь красноречиво говорит факт растущего количества научных публикаций, теоретически санкционирующих функции государства и полиции в социуме ссылками на классическую идею полицейского государства как совокупного управления жизнью общества¹. К этому стоит добавить, что драматические события последних нескольких лет – пандемия ковида, СВО и сопутствующие им социально-политические, экономические, демографические, духовно-нравственные и др. проблемы – во многом реабилитировали практики масштабной государственной интервенции в общественную жизнь, поскольку со всей очевидностью стало понятно, что государство как общепринятый стандарт политической организации на текущий момент не имеет сопоставимой альтернативы и реальных конкурентов на «рынке спасения» (Каспэ 2022). В контексте сегодняшних реалий, в том числе происходящего в России и либеральных обществах Запада «консервативного поворота», сопряженного с реанимацией императивности и эффективности сильного патерналистского государства, актуальность обращения к историко-философской ревизии концептуальных ресурсов идеи управления общественными процессами в административной форме полицейского государства, как представляется, не подлежит сомнению. Такое комплексное исследование, среди прочего, способно пролить свет на те стороны и моменты генеалогии

¹Классическое немецкое понятие *Polizeistaat* в конце 1930-х годов было освоено англоязычной общественностью в виде синтагмы «*police state*», которая нередко использовалась в политической публицистике в качестве общей дефиниции тоталитарных идеократических режимов. В новом изводе понятие полицейского государства акцентировало внимание на представлении о «централизованном господстве», «не опирающ[е]мся на правовые процедуры как свой основной принцип» (Филиппов 2013), вследствие чего полицейское государство ретроспективно стало казаться «государством без публичного права» (Луман 2012: 232). В итоге возникла семантическая путаница: термин «полицейское государство» стал использоваться без разбора для объединения разных типов государственного управления, которые с формальной точки зрения имеют целый ряд общих черт, но в содержательном плане являются принципиально отличными (Charman 1970: 11). В России после краха СССР термин «полицейское государство» как рамочный концепт инициировал растянувшуюся на многие годы волну разоблачений негативных сторон деятельности государств коммунистического лагеря. Перелом в данном вопросе произошел примерно после 2010 г., когда тот смысл полицейского государства, который вкладывался в это понятие до появления концепции правового государства и до превращения полиции в инструмент подавления и принуждения, стал предметом тематически сфокусированного интереса со стороны российских гуманитариев. Как заявил по этому поводу А. Филиппов, «в исследованиях современного российского общества нам надо учитывать историю полиции и полицейского управления» (Филиппов 2014: 10).

западного управленчества, которые все еще остаются в тени, но являются важными для понимания стратегической связи между идеями прошлого и настоящего.

Существует определенная логика и технология «полицейского управленчества», уяснить которые в своем существе можно лишь обратившись к философско-метафизическим детерминантам политической мысли. Цель нижеследующего текста – проследить в общих чертах извилистый путь становления идеи полицейского государства как режима управления социальным благополучием на основе ее ранних истоков, определяющих человеческое существование в ипостаси *zoon oikonomikon*, а не *zoon politikon* (различие между ними обусловлено аристотелевской дистинкцией между *oikos* и *polis*). Если последняя в длительной исторической перспективе фундирует собой политическую схему отношения «город – гражданин», ориентированную на реализацию прав и свобод в границах эгалитарной политико-юридической структуры сообщества, то первая характеризует биополитическую схему отношения «пастух – стадо», связанную с понятием заботы о живых существах с их нуждами и потребностями (Дин 2016: 214-229). Полицейское государство – это максимально рационализированная и бюрократизированная версия пастырской власти, опирающаяся на современные знания, инструменты контроля и управления.

Представленная здесь парадигматическая экспозиция полицейского администрирования в облике *oikonomia* задается в теоретико-методологическом отношении использованием историко-герменевтического подхода и философской археологии (истории) идей², обобщаемых понятием парадигматической онтологии, или парадигматологии (Agamben 2009a), в рамках которой парадигма мыслится как место встречи (пересечения) синхронии и диахронии, структуры и истории, аналогии и генеалогии.

Полицейское государство как биополитический проект

Общенациональная полиция в известном нам ныне виде, то есть как специальное государственное учреждение, являющееся проводником суверенного права на насилие внутри страны и отвечающее за внутреннюю безопасность и принудительное поддержание правопорядка, обособилась только в самом конце XVIII в. (Кревельд 2020: 208-209), тогда как контуры полицейского государства начали вырисовываться раньше – вместе с образованием классического европейского государства после конфессиональных гражданских войн XVI–XVII вв. С этого момента история больше не понимается как конечное движение земных политий к универсальной христианской империи перед Вторым пришествием; отныне история предстает как бесконечная перспектива множества соперничающих государств, подчиненных преследованию собственного государственного интереса

² О философской истории понятия и института полицейской власти более подробно см.: (Lamb 2024).

(ratio status). Понятие государственного интереса предполагает эмансипацию государства от религиозных и юридических рамок конституирования политической рациональности в пользу имманентной необходимости укрепления сил самого государства. Под полицией тогда стали понимать деятельность, направленную на обеспечение общего блага подданных и поддержание внутригосударственного порядка в самом широком смысле «внутренних дел», с политикой же начали отождествлять преимущественно внешнюю деятельность суверенного государства, ориентированную на другие суверенные государства (Дин 2016: 240-241; Шмитт 2016: 282, 410).

В значительной степени учреждение полиции как аппарата, предназначенного для реализации государственного интереса, было обусловлено появлением на горизонте новой реальности – населения, а также тесно связанной с ним политической экономии как новой формы мышления о государственном управлении (Дин 2016: 92-93; Фуко 2011: 363). Задачей полицейского государства было всемерное содействие улучшению качества жизни населения и увеличению его численности на основе наук об обществе и человеке и производных от них техник регуляции. Понятие «население» возникло в тот момент, когда существование государства, умножение его могущества, благосостояние и процветание были поставлены в зависимость от людского множества, «которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия – вместе со всеми условиями, от которых может зависеть варьирование этих процессов» (Фуко 1996: 243-244). Включение в XVIII в. биологических параметров населяющих государственную территорию индивидов во властные механизмы, стратегии и расчеты является отправной точкой становления новой модальности власти – биовласти. Возникновение биополитики М. Фуко связывает с изменением *raison d'être* государства, а именно с переходом (смещением акцента) от обеспечения территориального суверенитета к осуществлению министерского управления, или администрирования, призванного «модифицировать биологическое существование людей» (Фуко 2011: 26). Новая парадигма государственного управления – «биорегуляция с помощью государства» (Фуко 2005: 264) – нуждается в особом, точном и выверенном знании о возможностях государства, средствах и способах увеличения его могущества на основе и за счет жизнедеятельности людей. Такое знание разрабатывалось в XVII–XVIII вв. главным образом в немецкой университетской среде как «полицейская наука» (Polizeiwissenschaft)³. Полиция как способ обеспечения государственного интереса посредством сквозного воздействия на жизненные процессы населения – это «искусство с его практической стороной и со стороной знания» (Фуко 2011: 337). Важно отметить, что для полиции население – это не совокупность политико-юридических субъектов прав и обязанностей (*civitas*), а множество живых индивидов

³ То, чем для Германии 1945 года была социальная рыночная экономика, для Германии 1648 года после Тридцатилетней войны было полицейским государством (Burchell et al. 1991: 11).

(animalia), нуждающихся во внимании и заботе, с одной стороны, а с другой стороны – подлежащих дисциплинаризации и нормализации.

Таким образом, формирование полицейского государства неразрывно связано с рождением биополитики. Согласно ранее высказанной гипотезе (Яркеев 2021; см. также: Попов 2022), биополитические практики управления населением эксплицитно присутствуют на протяжении всей истории развития государства с древнейших времен, что позволяет также сделать вывод о длительном генезисе предпосылок появления классического полицейского государства в эпоху зарождения биополитики⁴. Разумеется, говорить о существовании даже чего-то отдаленно напоминающего полицейское государство применительно к ранним политическим образованиям не приходится, но вполне можно обнаружить в их границах отдельные элементы полицейского администрирования в зародышевой форме, из которых и на основе которых в ходе многовекового процесса выкристаллизовалась идея всеохватывающего управленческого «полицирования» (policing)⁵.

Управление людьми: концепция пастырской власти

Из исследований М. Фуко явствует, что государство полиции, по сути, представляет собой секулярное продолжение пастырских техник в христианстве, послуживших истоком идеи о том, что государство должно заботиться о благосостоянии своих граждан (Дин 2016: 210). Особенностью пастырства как управленческой техники является его обращенность одновременно к каждому индивиду и к множеству в целом (*omnes et singulatum*). По мнению М. Фуко, методы христианского пастырства постепенно внедрялись в политический аппарат формирующегося государства раннего модерна, порождая «полицейское управленчество», задачей которого было вовлечение индивидов в полезную для государства деятельность путем улучшения жизни, обеспечения счастья и здоровья граждан.

В свою очередь христианское пастырство производно от идеи царя как заботливого по отношению к стаду пастуха, зародившейся в ближневосточном регионе, то есть как раз там и тогда, где и когда образовались первые

⁴ «Следует учесть, что те или иные полицейские функции выполнялись в разных странах с глубокой древности самыми разными способами, о чем не уставали напоминать и первые теоретики “полицейской науки”, возводившие слово “полия” к слову “полис”» (Филиппов 2012: 330).

⁵ Например, тот факт, что появление первых государств сопровождалось возникновением первых форм письменности, свидетельствует о необходимости обладания властителями и чиновничеством специфическим знанием как знанием по существу своему *полицейским* для эффективного управления территорией и подданными с помощью систематических технологий количественного учета (земли, населения, поголовья скота, урожая, налогов, хранилищ, посевного зерна и т.п.), что потребовало создания соответствующей системы обозначений и метода их фиксации (во всяком случае, все без исключения древнейшие клинописные таблички из найденных археологами связаны с учетом). Речь идет о государственной статистике, бурное развитие которой в XVII в. было непосредственно связано с идеей полицейского государства.

протогосударственные цивилизации. Концепция доброго и заботливого царя-пастыря была широко распространена в религиозно-политической культуре ближневосточного региона и существовала в течение долгого времени (Астапова 2017; Фуко 2011: 182-187; Waters 1970). Популярность пасторальной метафоры, предположительно, была связана с особенностями скотоводства Древнего Ближнего Востока, где разводили овец, коз и крупный рогатый скот, но овцы составляли самую многочисленную категорию. В отличие от большинства других домашних животных древнего мира, овец разводили в основном ради шерсти, а не мяса. Учитывая, сколько времени и усилий уходило на их разведение, а также то, что шерсть можно было собирать каждый год, разведение овец для забоя не имело особого экономического резона. Это не значит, что овец не ели, но еда была не первой ассоциацией, которая возникала в сознании жителей Ближнего Востока при мысли об овцах. Следовательно, ближневосточные правители могли использовать образ царя-пастыря, чтобы указать на усердную заботу, не вызывая при этом неприятных ассоциаций с убийством. Большое количество овец в каждой отаре также хорошо соотносилось с образом царя, управляющего множеством подданных (Ivy 2010).

Как видно, идея пастырской власти связана не столько с территорией («пастбищем»), сколько с множеством живых единиц («стадом»), составляющих население, о выживании и благополучии которого должен заботиться властитель (Фуко 2011: 185-187). Действительно, население как привилегированный объект управления действительно заявляет о себе с самого начала истории государства. Древние государства были самыми настоящими «машинами по производству населения» (Скотт 2020: 176). Государственный контроль над плодородными землями в древнем мире был лишь одной стороной медали, не имеющей значения без трудящегося населения. Истинная мощь государства определялась не просто наличием территории, а эффективным управлением человеческим ресурсом – умением собирать, расселять вблизи центра власти, удерживать и мотивировать людей к производству излишков, превышающих их собственные потребности. Сила и могущество государства как огромного хозяйства (*oikos*) напрямую зависели от численности и производительности населения, уподобляемого домашней скотине (Скотт 2020: 47). Задача максимизации трудящегося населения, усугубляемая постоянными угрозами сокращения его численности из-за стихийных бедствий, эпидемий, войн, неурожаев и бегства стояла перед правителями древних государств во всей остроте, определяя их успехи и неудачи. Распад государства часто объяснялся именно неспособностью правителя обеспечить воспроизводство и благополучие своего населения, неумением мудро и эффективно управлять этим важным ресурсом (Скотт 2017: 113).

Идея пастырской власти, прочно укоренившаяся в политической традиции, представляет собой куда более сложный феномен, чем простое сравнение правителя с пастухом, а народа – со стадом. Хотя внешне метафора кажется лапидарной – подданные как домашняя скотина (пасущееся стадо), государственная территория как огороженное пастбище, правители как заботливые и умелые пастухи, – ее глубина кроется в понимании ответствен-

ности и природы власти. В отличие от модели власти, основанной на силе и подчинении, пастырский подход акцентирует внимание на заботе о благополучии «стада», на его выживании и процветании, а не только на контроле и подавлении. Правитель в этой модели не просто контролирует территорию, а несет ответственность за всех, кто находится под его «пастырским» попечительством. Это предполагает не только обеспечение безопасности от внешних угроз, но и заботу о внутреннем благополучии: обеспечение довольствия, разрешение конфликтов, установление справедливости. В современной политической мысли понятие пастырской власти подвергается критической оценке: возрастание значения индивидуальных прав и свобод подвергает сомнению саму идею о населении как «стаде», необходимости в едином пастыре и его особой заботе. Тем не менее, идея об ответственности правителей перед своим народом, о заботе об общественном благополучии остается актуальной. Современное понимание пастырства в политике преобразуется в понятие служения народу, в рамках которого роль правителя видится в обеспечении справедливости, равных возможностей и условий для благополучия и процветания всех и каждого в отдельности.

Пасторальная биополитика Античности

Основным способом, с помощью которого царь-пастух должен был управлять своим народом-стадом, были законы⁶. «Пастух есть тот, кто вершит закон, распределяя пищу, управляя стадом, указывая нужное направление, составляя пары особей так, чтобы они принесли хорошее потомство. Все это – функции пастуха, который вершит закон в своем стаде» (Фуко 2011: 197). Отголосок идеи царя как пастуха, устанавливающего внутригосударственный порядок жизни своих подданных посредством закона, сохранился в древнегреческом термине *nomos*, этимологически отсылающем к словам «пастбище» (*nemos*), «пастух» (*nomeus*), «пасущиеся стада» (*nemontai*) (Шмитт 2008: 51-58; Zartaloudis 2019: 121-149). Соответственно, хорошее управление государством (*eunomia*) – это добросовестное исполнение пастырских функций⁷.

Античная политическая мысль унаследовала идею пастырского руководства от политической идеологии восточного Средиземноморья. По словам М. Фуко, «существует достаточно последовательная и устойчивая традиция, которая на протяжении всей Античности сохраняла фундаментальное убеждение в том, что правитель, тот, кто принимает в городе

⁶ В частности, в своде законов древневавилонского царя Хаммурапи, в котором зафиксирована неумолимая интенция властителя укреплять государство и заботиться о внутреннем мире и благоденствии подданных, говорится: «Я, Хаммурапи – пастырь, избранный Энлилем... <...> ...устроивший пастбище и водопой для Лагаш и Гирсу... <...> ...пастырь народа, дела которого приятны Иштар... <...> Когда Мардук призвал меня управлять народом и доставлять стране благополучие, я даровал право и законы на языке страны, создав этим благосостояние народа» (цит. по: Тураев 2018: 51-53).

⁷ В диалоге «Политик» Платон называет искусство управления двуногим стадом людей, или «искусство пасти людей», *anthroponomia* (Политик. 266e).

решения, по сути своей – пастух» (Фуко 2011: 197). Тем не менее, он утверждает, что концепция пастырства для древнегреческой политической культуры была периферийной, не играла заметной роли в понимании того, как должен устраиваться и управляться полис. По его мнению, история политического пастырства на Западе начинается только с институционального христианства, претендующего на методичное управление посюсторонним существованием людей ради спасения и вечной жизни (Фуко 2011: 188). Отвержение им существования политического пастырства в Древней Греции также тесно связано с его утверждением, что в древнегреческих полисах не было биовласти. Полицейская власть и биовласть как формы светской пастырской власти, таким образом, представляют собой для М. Фуко кульминацию процесса, в ходе которого в христианской пастырской власти, занимающейся повседневной жизнью и поведением людей, начинает формироваться специфически политическая пастырская власть (Jobe 2015: 24). Несмотря на то, что в античной политической традиции присутствие образа царя-пастуха по большей части остается теоретико-исследовательским и дискуссионным, критикующим или оправдывающим этот образ, а не использующим его в качестве само собой разумеющегося (Brock 2013: 45), категоричный и далеко идущий вывод о том, что «рассуждения греков о политике непричастны к разработке темы пастушества» (Фуко 2011: 207), принять безоговорочно не получается, хотя бы по той причине, что данный образ дал плодотворную почву древнегреческим философам классического периода для глубоких размышлений о природе политического руководства, целью которого является обеспечение счастливой жизни (*eudaimonia*) граждан государства (Atack 2020). По всей видимости, политический образ пастуха имел особенно широкое хождение в кругах Сократа. Именно усилиями мыслителей сократических школ в философско-политической литературе на рубеже V–IV вв. до н.э. был выработан канонический образ царя-пастыря народа (Brock 2013: 45).

Первоначально выражение «пастырь народа» (*poimen laon*) встречается порядка 65 раз в античной эпической поэзии (в «Одиссее» и «Илиаде» Гомера и других ранних гекзаметрах) в значении руководства неуправляемой толпой или командования войсками (Brock 2013: 43). Среди греческих философов самый заметный след военно-пастырского значения можно обнаружить у Ксенофонта. Так, в «Воспоминаниях о Сократе» хороший царь сопоставляется с хорошим военачальником, отождествляемым с пастухом: стратег заботится, «чтобы солдаты были целы, чтобы они имели продовольствие и чтобы достигалась цель, ради которой они идут в поход» (Ксенофонт 1993: 75). Хороший царь (*basileus agathos*), подобно хорошему стратегу, заботится (*epimeleisthai*) о том, чтобы тем, над кем он царствует, жилось хорошо, чтобы они были счастливы (*eudaimonias*). В этом же сочинении Ксенофонт цитирует слова Сократа о том, что коллегия Тридцати подобна плохому пастуху (*kakos boukolos*), который своими действиями уменьшает число и качество своего стада, но не признаёт своей некомпетентности (Ксенофонт 1993: 15). В «Киропедии» Ксенофонт упоминает изречение персидского царя Кира о том, что «дела хорошего пастыря и хорошего царя

весьма схожи, потому что и пастырю надлежит извлекать из стада пользу, доставляя скотине тот вид счастья, который ей доступен, и царю точно так же подобает извлекать пользу из городов и людей, делая их счастливыми» (Ксенофонт 1976: 189), а также исследует, какие качества позволили Кирю править успешнее других. Для Ксенофонта Кир был образцом того, как нужно руководить войсками и вдохновлять их, а также как после завершения военной кампании создавать стабильное правление на завоеванной территории. Сам Ксенофонт сравнивает пастухов с правителями (*archontes*), резонно при этом отмечая, что «стада охотнее повинуются своим пастухам, чем люди – своим правителям, ибо стадо отправляется в путь туда, куда его ведут, пасется там, куда его пригонят, не идет туда, куда его не пускают. <...> Люди же с величайшей охотой восстают против тех, кого заподозрят в желании установить над ними власть» (Ксенофонт 1976: 5). Однако пример успешного правления царя Кира показывает, что такое руководство вполне осуществимо: «...установление власти над людьми не должно считаться трудным или невозможным предприятием, если браться за него со знанием дела» (Ксенофонт 1976: 5). По мнению Ксенофонта, Кир сохранял свою власть, потому что его подданные были готовы ему подчиняться, отказавшись от политической самостоятельности, и это было следствием его разумного стиля руководства.

Возможность подчинения формально равноправных граждан полиса подобного рода правлению обстоятельно рассматривалась Платоном и Аристотелем. В «Государстве» Платон предлагает на роль лучших правителей обладающих знаниями философов (*philosophoi*), в «Политике» Аристотель допускает власть абсолютного царя (*pambasileus*), правлению которого сознательно подчиняются граждане из-за его выдающихся достоинств (Atack 2020: 179-196). В «Никомаховой этике» Аристотель замечает, что хороший царь, словно пастух (*poimeus*), пекущийся об овцах, делает своим подданным добро и заботится о том, чтобы у них было все хорошо (Никомахова этика. 1161a10-15).

Наиболее проработанный вид идея пастырской власти приобрела в рассуждениях Платона. В «Государстве» он позиционирует правителей в качестве пастухов полиса (*poimenon poleos*), уподобляя при этом сословие воинов-стражей (*phylakes*) сторожевым псам, в обязанность которых входит охрана стада (обеспечение внешней и внутренней безопасности государства). Отвечая на выпад Фрасимаха, утверждающего, что пастухи, когда они откармливают и холят свое стадо, заботятся исключительно о собственном благе, Платон вкладывает в уста Сократа мысль, согласно которой искусство пастуха, подобно искусству врача или кормчего, должно отвечать «не чему-нибудь иному, а своему прямому предназначению, и притом наилучшим образом, тогда овцы и будут в наилучшем состоянии» (Государство. 345d). В «Законах» Платон полагает, что в каждом государстве первой обязанностью правителя-законодателя (*nomothetos*) является проведение чистки в своем городе, аналогичной той, которую хороший пастух проводит в своем стаде, очищая его от слабых и болезненных элементов (Законы. 735b). В диалоге «Политик» Платон лишь по видимости отделяет

политическое искусство от искусства пастуха, сравнивая политика с ткачом. Государственный деятель – это не пастух, так как он не пасет свое стадо лично, а управляющий пастухами, который заботится обо всем сообществе, управляя пастухами, которые, в свою очередь, заботятся о каждом из его членов. «То искусство, которое действительно является царским, не должно само действовать, но должно управлять теми искусствами, которые предназначены для действия; ему ведомо начало и развитие важнейших дел в государстве, благоприятное и неблагоприятное для них время, и все прочие искусства должны исполнять его повеления» (Политик. 305d). Именно здесь вводится метафора ткачества. Искусство ткачества не заменяет искусство управления человеческим стадом, как утверждает М. Фуко, а скорее представляет собой двухступенчатый аппарат государственного управления, в рамках которого государь контролирует и отдает приказы тем, кто непосредственно управляет человеческим стадом (Ojakangas 2016: 82). При этом он не только управляет пастухами, но и занимается селекцией (это его исключительная прерогатива), разведением человеческого рода, потому что невозможно создать хорошее государство, если в нем есть смешение хороших людей и дурных (Политик. 308d).

Античная идея пастырского руководства проделала в своем развитии путь от образа пастуха, имевшего в самом начале в основном военное значение, до тщательно проработанной парадигмы благожелательной и заботливой власти. Не требуется изощренных интеллектуальных усилий, чтобы зафиксировать присутствие концепции биополитического пастырства у Платона и Аристотеля, поскольку ключевая для обоих идея политики как всепроникающего управления жизненными процессами во имя безопасности (*asphaleia*) и благополучия (*eudaimonia*) полиса и его обитателей *биополитична* по самой своей сути (Ojakangas 2016; см. также: Яркеев 2020). Без всякого преувеличения политические сочинения Платона и Аристотеля можно уверенно считать первыми полноценными трактатами не только по биополитике, но и по искусству полицейского управления государством. Показательно, что в текстах по полицейской науке XVII–XVIII вв. полностью отсутствуют ссылки на размышления христианских богословов, но зато в изобилии имеются ссылки на идеи Платона и Аристотеля, с трудами которых европейские полицейисты были очень хорошо знакомы. Именно рецепция переведенной в XIII в. на латынь «Политики» Аристотеля проложила путь для биополитических сюжетов в средневековой и ранней современной Европе. В протестантских университетах Германии, где зародилась полицейская наука, политическая мысль находилась под сильным влиянием аристотелевской политической философии. То же самое можно сказать и о французских концепциях полиции. Так, «Трактат о полиции» Н. Деламара (*Le Traité de la Police*, 1707) не только изобилует отсылками к греческим и римским авторам, институтам и практикам, но извлекает само определение полиции из текстов Платона и Аристотеля (Ojakangas 2016: 133–134). Сам термин «полиция» происходит от греческого слова *politeia* (в латинизированной форме *politia*), под которым подразумевалось государственное устройство и искусство управления полисом с целью его выживания

и процветания. Это искусство включало в себя право регулировать дела города в интересах общественного порядка, безопасности, нравственности, продовольственного снабжения и благосостояния. Оно также предполагало наличие в распоряжении государственной власти группы людей (астиномы, агораномы, метрономы, ситофилаки, токсоты и др.), наделенных полномочиями поддерживать порядок на улицах, обеспечивать честную торговлю на рынках, пресекать скандальное поведение и т.п. Древняя Греция и Древний Рим были очень похожи друг на друга в этом отношении⁸. В рамках традиций римского права слово *politia* постепенно приобрело значение внутреннего управления, обеспечения благосостояния, защиты и надзора.

Oikonomia: от пастырского служения к полицейскому администрированию

Как ранее отмечалось, возникновение идеи полицейского государства было обусловлено рождением нового управленческого интереса, связанного с извлечением выгоды для государства из жизненных процессов населения, превращенного в объект «экономического искусства», *technē oikonomikē* (по Аристотелю). Иными словами, в центре политических вопросов вместо верховной власти и законности оказались проблемы управленческих решений и их эффективности вне теологических и юридических форм суверенитета. Полицейское государство – это административное государство *per se*, в котором ключевая роль отводится не суверену, а «полицейскому» как чиновнику, или «министру» (лат. *minister* – слуга), выступающему в роли *minister Dei* («слуга Господа»)⁹, так как понятие суверена вырабатывалось на основе представления о всемогущем Боге¹⁰, одним из определений которого служит эпитет «князь пастырей» (*princeps pastorum*). В эсхатологической перспективе земные пастыри предстают как временные фигуры, необходимые лишь до пришествия истинного пастыря – Бога. Их роль сводится к подготовке паствы к финальному воссоединению с Богом, после чего их миссия завершается. Вернувшись, Христос освободит земных пастырей, замещавших его на протяжении истории, и сам возьмет на себя заботу о стаде, наставляя и направляя его. Это делегирование власти земным пастырям, таким образом, является временным, обусловленным отсутствием Христа на земле. После вознесения на небо Христос доверил свое стадо земным пастырям, которые должны были выступать в качестве его представителей,

⁸ Более подробно см.: (Иванов, Румянцев 2011; Emsley 2021; Fuhrmann 2012; Hunter 1994).

⁹ М. Фуко называет полицию прямым правлением суверена (Фуко 2011: 439), то есть суверен, минуя судебный аппарат и законы, через полицию осуществляет воздействие на подданных. Так, в марте 1667 г. Людовик XIV назначил высокопоставленного чиновника (Габриэль Николя де Ла-Рени) главой администрации крупнейшего города своего королевства; он назвал этого чиновника генерал-лейтенантом полиции Парижа.

¹⁰ Представление о правителе как о Боге в своем государстве можно обнаружить уже у Фомы Аквинского в трактате «О правлении» (*De Regno*).

ministri Dei. Термин «министр» в XVII в. перекочевал в политический лексикон из церковного языка, где он обозначал священнослужителя. «Именно понятие министр со всей двусмысленностью этого термина является сердцевинной проблемы, той точкой, в которой реально встречаются религия и политика, управление и пастырство» (Фуко 2011: 258).

Как показывает М. Фуко, полицейское государство в качестве парадигмы управления людьми наследует христианскому пастырству, которое представляет собой не что иное, как «управление душами» (*regimen animarum*), или «экономику душ» (*oikonomia psychon*), с целью спасения в потустороннем мире посредством постоянного контроля и заботы о человеке. Отход от античной биополитики с ее акцентом на утопическом эвдемонизме в христианский период истории западного мира очевиден: телесные блага, воспроизводство человеческого рода, совместные формы существования не обладают самостоятельной ценностью, так как не имеют продолжения за пределами земной жизни; посюсторонний политический порядок должен быть организован в соответствии с законами вечного мира для достижения бессмертной жизни души. Государство перестает быть просто механизмом обеспечения порядка и благосостояния; оно приобретает сакральную функцию, становясь инструментом реализации божественного плана на земле. В Римской империи в эпоху правления Константина Великого государство впервые в истории взяло на себя бремя попечения о человеческих душах. Все великие христианские теократии (как западные, так и восточные) были политическими режимами, в которых спасение души было одной из главных целей. Согласно М. Фуко, это стало началом процесса образования сложного сочетания политической и пастырской власти, в результате чего на исторической сцене появилось современное западное государство.

В древнегреческие времена слово *oikonomia* имело значение «организация/ведение домохозяйства», «управление домохозяйством», а слово *oikonomos* обозначало того, кто управляет домом. Суффикс *nomia*, который, как уже отмечалось, этимологически связан с пастушеством, широко использовался тогда для обозначения управления, распределения и надзора. Для целей данного анализа стоит отметить, что одно из значений термина *oikonomia* было связано с греческим семейством слов *dioikein*, *dioikesis*, имеющих тот же корень *oikos* и означающих управление городом. Именно это первоначальное значение термина стоики потом использовали в своих философских рассуждениях о власти, которая внутренне управляет всем (*tes ton holon oikonomias*). Управление городом в режиме *oikonomia* – идея по своему существу чисто биополитическая. Таким образом, европейская полиция XVII–XVIII вв. фактически предстает как античная *oikonomia*, то есть как биополитическое пастырство в рамках государства-домохозяйства, которое, однако, в своем развитии прошло путь опосредования христианской концепцией *oikonomia* как спасительного руководства душами.

В раннехристианскую эпоху термин *oikonomia* был теологически адаптирован святыми отцами церкви в качестве «божественной экономики» (*oikonomia theou*). Уже в посланиях апостола Павла еkkлeсия понимается

как «божественное домохозяйство» (*oikos theou*), а Бог – как «домостроитель» (*theos oikodomos*). Полемика по поводу тринитарного догмата между сторонниками божественного триединства и его противниками, выступающими за идею правления единого Бога (так называемыми «монархианами»), привела к обращению ряда теологов (Тертуллиан, Ириней, Ипполит и др.) к аргументации посредством использования термина *oikonomia*: подобно тому, как отец-домохозяин без потери собственной власти и без ущерба для собственной сущности может поручить своему сыну исполнение некоторых административных функций, Бог делегирует Сыну (Христу) бразды правления человеческой историей. Тем самым слово *oikonomia* в христианском богословии превратилось в специализированный термин, обозначающий искупление и спасение. К слову, гностики называли Христа «человек экономии» (*ho anthropos tes oikonomias*). Однако эта идея «божественной экономии» стала причиной цезуры, разделяющей в Боге бытие и действие (онтологию и праксис), царство и правление (Agamben 2009b: 8-10). Тринитарная ойкономия, основанная на этом разрыве между бездействующим трансцендентным Богом-Творцом и активным имманентным Богом-Пастырем (*pastor magnus*), участвующим в истории ради спасения человечества, образует христианскую доктрину божественного (провиденциального) управления миром в соответствии с эсхатологическим планом. Отсюда – двойная (биполярная) структура современной управленческой машины Запада, определяемой политической теологией «трансцендентного» суверенитета и экономической теологией «имманентного» администрирования, из которого вырастают полиция и биополитика модерна (Агамбен 2019: 13, 453). Парадигма администрирования не нуждается в политическом центре власти, даже если ее претензии на основополагающие принципы и трансцендентные основания остаются в силе.

По утверждению Дж. Агамбена, логическим следствием экономической теологии является тот факт, что полицейско-биополитическое («экономическое», *oikonomikos*) администрирование бесконечно имитирует акт исполнения спасительного действия, а чиновник-министр (администратор) референциально соотносится со священнослужителем как со своим прототипом. Идея пастырского служения (*ministerium pastoralis*) возникает в результате контаминации идеи священника как пастыря и идеи священника как носителя служебной должности. Концепция должностного служения (*officium, ministerium*) сформировалась в институциональном христианстве посредством древнегреческого понятия и практики полисной литургии (*leitourgia*) как публичной повинности ради общественного блага. Когда в Римской империи, где система литургических обязанностей (*munera*) достигла максимального распространения, христианство приобрело статус государственной религии, священство освободили от обязательных общественных повинностей, тем самым придав ему форму публичной службы, содержанием которой является культовая литургия (Агамбен 2022: 21-22).

Литургия является ключевым способом пастырского попечения. Собственно, само слово «литургия», дословно означающее «дело народа»,

по определению связана с заботой о людях. Ритуальная роль пастыря в литургическом собрании соответствует его роли в руководстве жизнью общины. Иначе говоря, пастырские заботы неотъемлемы от литургического собрания, а богослужение является необходимой частью пастырской заботы (Ommen 2016). Таким образом, пастырь одновременно является *oikonomos*, руководителем душ пасомых, и *leitourgos*, носителем богослужебной обязанности. Выход пастырской власти за пределы института христианской церкви в XVI–XVII вв. имел решающее историческое значение для формирования современного административного государства, которое в своей деятельности опирается на производство рациональных знаний о человеке и населении в целом.

Заключение

Представленный здесь историко-философский экскурс в генеалогию ранних предпосылок идеи полицейского государства ввиду ограниченного объема статьи является, конечно же, весьма упрощенным и поверхностным. Казалось бы, к превосходному исследованию М. Фуко о рождении полицейского государства из духа пастырской власти уже особо нечего добавить. Тем не менее, как показывает довольно беглый обзор данной проблематики, его аргументация не лишена определенных лакун и погрешностей, а поэтому нуждается в некотором уточнении и дополнении. Во-первых, он практически полностью игнорирует тему биополитического пастырства в древнегреческой философии и практике полисной жизни. Во-вторых, у него отсутствует обстоятельный анализ трансформации идеи пастырского служения институционального христианства в парадигму административного управления жизнью людей и населения посредством тринитарной ойкономии, а также за счет соединения в лице священнослужителя представления о церковной литургии с миссией попечительства о жизни людей ради их спасения.

Схематично резюмируя, можно сформулировать следующий вывод. Классическая идея полицейского государства в своем длительном «пренатальном» формировании, фактически соразмерном истории самого государства с древнейших времен, вырастает из пересечения двух траекторий эволюции западного управленчества, прослеживаемых на протяжении всего развития западного общества вплоть до наших дней: одна из них черпает свое вдохновение в древнегреческой модели биополитического пастырства, вторая уходит корнями в модель пастырского служения институционального христианства. Зарождение на рубеже XVI–XVII вв. рафинированной политической рациональности, центрированной понятием государственного интереса, стало началом процесса, в ходе которого две формы пастырской рациональности управления людьми (*ratio pastoralis*) начали тесно переплетаться. Тем не менее, только с появлением полиции и биовласти в XVII–XVIII вв. пастырская власть полностью вошла в политический аппарат в качестве светских инструментов современного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агамбен Дж. 2019. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Гайдара : Факультет свободных искусств и наук С.-Петербург. гос. ун-та. 552 с.
- Агамбен Дж. 2022. *Opus Dei*. Археология службы. Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Гайдара : Факультет свободных искусств и наук С.-Петербург. гос. ун-та. 280 с.
- Астапова О. 2017. Истоки сакрализации власти. Священная власть в древних царствах Египта, Месопотамии, Израиля. Москва : РИПОЛ классик. 490 с.
- Дин М. 2016. Правительность: власть и правление в современных обществах. Москва : Издат. дом «Дело» РАНХиГС. 592 с.
- Иванов А., Румянцев Н. 2011. Организация полицейской службы в древнегреческих полисах // Вестник Московского университета МВД России. № 8. С. 106–110.
- Каспэ С. 2022. Жизнь, смерть и государство // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 1. С. 8–34. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-1-8-34
- Кильдюшов О. 2013. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. Т. 12, № 3. С. 9–40.
- Кревельд М. 2020. Расцвет и упадок государств. Москва ; Челябинск : Социум. 543 с.
- Ксенофонт. 1976. Киропедия. Москва : Наука. 334 с.
- Ксенофонт. 1993. Воспоминания о Сократе. Москва : Наука. 380 с.
- Луман Н. 2012. От полицейского государства к правовому государству // Социология власти. № 2. С. 228–236.
- Попов Д. 2022. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают // Научный вестник Омской академии МВД России. Т. 28, № 1. С. 82–93. DOI 10.24412/1999-625X-2022-184-82-93
- Скотт Дж. 2017. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Москва : Новое изд-во. 568 с.
- Скотт Дж. 2020. Против зерна: глубинная история древнейших государств. Москва : Издат. дом «Дело» РАНХиГС. 328 с.
- Тураев Б.А. 2018. Законы Хаммурапи. Москва ; Берлин : Директ-Медиа. 122 с.
- Филиппов А. 2012. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // Отечественные записки. № 2(47). С. 328–340.
- Филиппов А. 2013. Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. № 5 (123). С. 48–63.
- Филиппов А. 2014. Политическое единство, политическое множество и полицейское государство: к постановке проблемы // Пути России. Новые языки социального описания : сб. статей. Москва : Новое лит. обозрение. С. 8–31.
- Фуко М. 1996. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. Москва : Касталь. 448 с.
- Фуко М. 2005. Нужно защищать общество. Санкт-Петербург : Наука. 312 с.
- Фуко М. 2011. Безопасность, территория, население. Санкт-Петербург : Наука. 544 с.
- Шмитт К. 2008. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 670 с.
- Шмитт К. 2016. Понятие политического. Санкт-Петербург : Наука. 568 с.
- Яркеев А.В. 2020. Древнегреческие истоки современной биополитики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2(97). С. 7–21. DOI 10.30570/2078-5089-2020-97-2-7-21

- Яркеев А.В. 2021. Государство и биополитика: к истокам взаимосвязи // Политика и общество. № 3. С. 39–47. DOI 10.7256/2454-0684.2021.3.36524
- Agamben G. 2009a. *The Signature of All Things: On Method*. Brooklyn : Urzone Inc. 124 p.
- Agamben G. 2009b. *What is an Apparatus?* Stanford : Stanford Univ. Press. 56 p.
- Atack C. 2020. *The Discourse of Kingship in Classical Greece*. London ; New York : Routledge. 242 p.
- Brock R. 2013. *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*. New York : Bloomsbury. 252 p.
- Burchell G. et al. 1991. *The Foucault Effect. Studies in Governmentality* / Burchell G., Gordon C., Miller P. Chicago : The Univ. of Chicago Press. 307 p.
- Chapman B. 1970. *Police State*. London : Macmillan Education. 150 p.
- Emsley C. 2021. *A Short History of Police and Policing*. Oxford : Oxford Univ. Press. (ebook).
- Fuhrmann C. 2012. *Policing the Roman Empire. Soldiers, Administration, and Public Order*. Oxford : Oxford Univ. Press. 330 p.
- Hunter V. 1994. *Policing Athens. Social Control in the Attic Lawsuits, 420-320 B. C.* Princeton, NJ : Princeton Univ. Press. 303 p.
- Ivy J. 2010. *The Ancient Near Eastern Origins and Endurance of 'King as Shepherd' Language*. URL: https://www.academia.edu/2603645/Shepherd_as_King_in_the_Ancient_Near_East (дата обращения: 15.01.2025).
- Jobe K. 2015. Foucault and ancient polizei: a genealogy of the military pastorate // *Journal of Political Power*. Vol. 8, iss. 1. P. 21–37. DOI 10.1080/2158379x.2015.1011378
- Lamb M. 2024. *A Philosophical History of Police Power*. London ; New York : Bloomsbury Academic. 220 p.
- Ojakangas M. 2016. *On the Greek Origins of Biopolitics*. London ; New York : Routledge. 158 p.
- Ommen L. 2016. *Liturgy and Pastoral Care: Pastoral Worship and Priestly Counseling* // *Studia Liturgica*. Vol. 46, iss. 1–2. P. 208–221. DOI 10.1177/00393207160461-214
- Waters J.W. 1970. *The Political Development and Significance of the Shepherd-King Symbol in the Ancient Near East and in the Old Testament : Dissertation*. Boston University.
- Zartaloudis T. 2019. *The Birth of Nomos*. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press. 485 p.

References

- Agamben G. *Opus Dei: An Archeology of Duty*, Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, 280 p. (in Russ.).
- Agamben G. *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government*, Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, 552 p. (in Russ.).
- Agamben G. *The Signature of All Things: On Method*, Brooklyn, Urzone Inc., 2009, 124 p.
- Agamben G. *What is an Apparatus?* Stanford, Stanford Univ. Press, 2009, 56 p.
- Astapova O. *Istoki sakralizatsii vlasti. Svyashchennaya vlast' v drevnikh tsarstvakh Egipta, Mesopotamii, Izrailya* [The origins of the sacralization of power. Sacred authority in the ancient kingdoms of Egypt, Mesopotamia, and Israel], Moscow, RIPOl klassik, 2017, 490 p. (in Russ.).
- Atack C. *The Discourse of Kingship in Classical Greece*, London, New York, Routledge, 2020, 242 p.

- Brock R. *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*, New York, Bloomsbury, 2013, 252 p.
- Burchell G., Gordon C., Miller P. *The Foucault Effect. Studies in Governmentality*, Chicago, The Univ. of Chicago Press, 1991, 307 p.
- Chapman B. *Police State*, London, Macmillan Education, 1970, 150 p.
- Creveland M. *The Rise and Decline of the State*, Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2020, 543 p. (in Russ.).
- Dean M. *Governmentality Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANKiGS, 2016, 592 p. (in Russ.).
- Emsley C. *A Short History of Police and Policing*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2021, (ebook).
- Filippov A. *Politicheskoe edinstvo, politicheskoe mnozhestvo i politseyskoe gosudarstvo: k postanovke problemy* [Political Unity, Political Plurality, and the Police State: towards a problem statement], M.G. Pugacheva, V.P. Zharkov (eds.), *Puti Rossii : sb. Statey*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, vol. 19: *Novye yazyki sotsial'nogo opisaniya*, pp. 8–31. (in Russ.).
- Filippov A. *Politseyskoe gosudarstvo i vseobshchee blago. Stat'ya pervaya* [The Police State and General Welfare], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 2(47), pp. 328–340. (in Russ.).
- Filippov A. *Sovetskaya sotsiologiya kak politseyskaya nauka* [Soviet Sociology as a Police Science], *New Literary Observer*, 2013, no. 5(123), pp. 48–63. (in Russ.).
- Foucault M. *Security, Territory, Population*, St. Petersburg, Nauka, 2011, 544 p. (in Russ.).
- Foucault M. *Society Must Be Defended*, St. Petersburg, Nauka, 2005, 312 p. (in Russ.).
- Foucault M. *The Will to Truth: beyond power, knowledge, and sexuality*. Works from different years, Moscow, Kastal', 1996, 448 p. (in Russ.).
- Fuhrmann C. *Policing the Roman Empire. Soldiers, Administration, and Public Order*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2012, 330 p.
- Hunter V. *Policing Athens. Social Control in the Attic Lawsuits, 420-320 B. C.*, Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 1994, 303 p.
- Ivanov A.A., Rumyantsev N.V. *Organizatsiya politseyskoy sluzhby v drevnegrecheskikh polisakh* [Organization of Policing in Ancient Greece Polises], *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 8, pp. 106–110. (in Russ.).
- Ivy J. *The Ancient Near Eastern Origins and Endurance of 'King as Shepherd' Language*, 2010, available at: https://www.academia.edu/2603645/Shepherd_as_King_in_the_Ancient_Near_East (accessed January 15, 2025).
- Jobe K. Foucault and ancient polizei: a genealogy of the military pastorate, *Journal of Political Power*, 2015, vol. 8, iss. 1, pp. 21–37. <https://doi.org/10.1080/2158379x.2015.1011378>
- Kaspe S.I. Life, Death, and the State, *Russia in Global Affairs*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 8–34. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-8-34> (in Russ.).
- Kildyushov O. *Politsiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poryadka iz filosofii i politseyskoy praktiki* [Police as Science and Politics: on the Birth of Contemporary Order from Philosophy and Political Practice], *Russian Sociological Review*, 2013, vol. 12, no. 3, pp. 9–40. (in Russ.).
- Lamb M. *A Philosophical History of Police Power*, London, New York, Bloomsbury Academic, 2024, 220 p.
- Luhmann N. From a Police State to a Rule of Law State, *Sociology of Power*, 2012, no. 2, pp. 228–236. (in Russ.).

Ojakangas M. *On the Greek Origins of Biopolitics*, London, New York, Routledge, 2016, 158 p.

Ommen L. Liturgy and Pastoral Care: Pastoral Worship and Priestly Counseling, *Studia Liturgica*, 2016, vol. 46, iss. 1–2, pp. 208–221. <https://doi.org/10.1177/00393207160461-214>

Popov D. To the Question of Origin of Biopolitics: A Mystery that is Unnoticed, *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 82–93. (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2022-184-82-93>

Schmitt C. *The Concept of the Political*, St. Petersburg, Nauka, 2016, 568 p. (in Russ.).

Schmitt C. *The Nomos of the Earth*, St. Petersburg, Vladimir Dal', 2008, 670 p. (in Russ.).

Scott J. *Against the Grain. A Deep History of the Earliest States*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS, 2020, 328 p. (in Russ.).

Scott J. *The Art of not being governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2017, 568 p. (in Russ.).

Turaev B.A. *Zakony Khammurapi* [The Laws of Hammurabi], Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2018, 122 p. (in Russ.).

Waters J.W. *The Political Development and Significance of the Shepherd-King Symbol in the Ancient Near East and in the Old Testament : Dissertation*, Boston University, 1970.

Xenophon. *Conversations of Socrates*, Moscow, Nauka, 1993, 380 p. (in Russ.).

Xenophon. *Cyropaedia*, Moscow, Nauka, 1976, 334 p. (in Russ.).

Yarkeev A.V. Ancient Greek Origins of Modern Biopolitics, *Politeia*, 2020, no. 2(97), pp. 7–21. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-97-2-7-21> (in Russ.).

Yarkeev A.V. The State and Biopolitics: Towards the Origins of Interrelation, *Politics and Society*, 2021, no. 3, pp. 39–47. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2021.3.36524> (in Russ.).

Zartaloudis T. *The Birth of Nomos*, Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2019, 485 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Яркеев

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-0068-468X;
ResearcherID: K-2735-2018;
SPIN-код: 3460-4549;
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey V. Yarkeev

Doctor of Philosophy, Leading researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-0068-468X;
ResearcherID: K-2735-2018;
SPIN-code: 3460-4549;
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Нерсисянц А.В. Исследование древних мифов в историографии политико-правовой мысли // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 57-72. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_57

УДК 340.11:291.13

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_57

Исследование древних мифов в историографии политико-правовой мысли

Анна Владиковна Нерсисянц

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: nersesancanna@gmail.com

*Поступила в редакцию 16.05.2025, поступила после рецензирования 05.06.2025,
принята к публикации 09.06.2025*

Во введении к статье обосновывается тезис о том, что в отечественной историографии политико-правовой мысли древняя мифология наиболее полным образом представлена в части освещения античных мифов, но при этом не уделяется должного внимания более ранним мифологическим системам, оказавшим существенное влияние на античную мифологию. Автор ставит своей задачей частичное восполнение данного пробела, наличие которого затрудняет для юридической науки осмысление самых глубинных истоков формирования правового сознания человека и человечества в целом. С этой целью в статье прежде всего представлен анализ понятия мифа с акцентом на раскрытие этимологии данного слова, что позволило продемонстрировать внутреннюю связь между словами «миф» и «мысль», значимую, по мнению автора, для построения историографии политико-правовой мысли (в ее отличии от историографии политико-правовых учений). Далее раскрыто значение исследований древних мифов для построения полноценной отечественной историографии политико-правовой мысли. Это продемонстрировано на примере исторической трансформации таких ключевых и самых ранних понятий мифологической картины мира, встречающихся в политико-правовых учениях, как древнеиндийская *Рита* и однокоренное с ним понятие зороастрийской теологии *Арта*, которые затем трансформировались в греческое *Арте*, а впоследствии – в римское понятие *Виртус*. Отмечено, что применение герменевтической методологии для компаративного исследования того, как исходные правовые понятия, содержащиеся в наиболее древних мифологических системах, трансформируются в рамках иных культур, имеет важное значение для углубления знаний о цивилизационных особенностях правового развития разных регионов мира и прежде всего – для анализа под таким углом зрения специфических черт правовых культур Востока и Запада.

© Нерсисянц А.В., 2025

Ключевые слова: политико-правовая мысль; историография; правосознание; миф; онтология права; Рита; Арете; Виртус

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

Studying Ancient Myths in the Historiography of Political and Legal Thought

Anna V. Nersesyants

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: nersesancanna@gmail.com

Received 16.05.2025, revised 05.06.2025, accepted 09.06.2025

Abstract. The article asserts that Russian historiography of political and legal thought has extensively examined ancient mythology in its coverage of classical myths, but has neglected earlier mythological systems that significantly influenced ancient traditions. The author seeks to address this gap, which hinders legal science from fully understanding the foundational origins of legal consciousness in human development. The analysis begins by exploring the concept of myth, emphasizing its etymological roots to demonstrate its intrinsic connection between the words “myth” and “thought”, which is crucial for constructing a historiography of political and legal thought in contrast to the historiography of political and legal doctrines. Furthermore, the study highlights the importance of research into ancient myths, due to developing a comprehensive Russian historiography of political and legal thought. This is illustrated through historical evolution of key mythological concepts, such as the ancient Indian *Rita* and Zoroastrian *Arta*, which later transformed into Greek *Arete*, and subsequently into the Roman *Virtus*. The article underscores the value of hermeneutic methodology in comparative studies of early legal concepts across mythological systems, offering deeper insights into the civilizational distinctions of legal development worldwide – particularly in analyzing the unique legal cultures of the East and West.

Keywords: political and legal thought; legal consciousness; historiography; myth; ontology of law; Rita; Arete; Virtus

Acknowledgements: The study received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, provided as subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Nersesyants A.V. Studying Ancient Myths in the Historiography of Political and Legal Thought, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 57-72. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_57

Введение

Освещение политико-правовой мысли, в особенности относящейся к раннему периоду в развитии того или иного народа, всегда предполагает обращение к ее мифологическим истокам, то есть к тем фундаментальным базовым мифам данного народа, которые отражают его исходные представления о происхождении земли, космоса (космогония) и богов (теогония), а также о месте человека в этом мире. И хотя «миф следует понимать не просто как праоснову, но прежде всего как матрицу, канву, глубинный слой всех форм духовной жизни людей, в том числе и современной жизни» (Малахов 2013: 4), тем не менее именно самые древние, первичные, базовые мифы представляют наибольший интерес для научного осмысления, поскольку они формируют те матрицы культуры человечества, которые в той или иной форме проявляют себя в условиях современности. В юриспруденции, как и в других науках, изучающих древнюю мифологию, эти базовые мифы составляют смыслообразующий контекст и объяснительный принцип, используемый учеными для понимания общественного и политико-правового устройства жизни людей соответствующей эпохи, их взаимоотношений с богами и отношений между собой (Нерсисянц 1979: 6). Описанные в мифах события, а также сам контекст их описания рассматриваются при этом как нормативно-императивная модель устройства человеческих отношений, включающая в себя сложный комплекс взаимосвязанных религиозных, моральных и правовых регуляторов, освященных высшим божественным авторитетом (Нерсисянц 1979: 9). Если вслед за немецким философом К. Хюбнером рассматривать «миф как форму бытия», описываемую «через более или менее систематическую связь правил поведения, которые относятся к обычаям частной и общественной жизни, социальному порядку, к природе, к образу жизни вообще» (Хюбнер 1996: 220), то можно сказать, что миф – это первичная онтология права как особой системы правил поведения.

Политические и правовые учения, которые в строгом и специальном смысле этого понятия появляются лишь в ходе длительного существования раннеклассовых обществ и государств, изначально эволюционировали из общемировоззренческих положений мифа.

В отечественной историографии политико-правовой мысли древняя мифология наиболее полным образом представлена в части освещения мифов Древней Греции и Древнего Рима, при этом значительно меньшее внимание уделяется более ранним мифологическим системам. И хотя в юридической литературе отмечается влияние указанных систем на античную мифологию, однако, как правило, оно не прослеживается на примере конкретных категорий. Такой подход, на наш взгляд, обедняет историографию политико-правовой мысли и затрудняет для юридической науки осмысление самых ранних истоков формирования правового сознания человека и человечества в целом. Далее мы попытаемся продемонстрировать этот тезис на примере конкретных категорий такого фундаментального для политико-правовой мысли понятия, как древнеиндийская *Puta*, а также однокоренного понятия зороастрийской теологии *Арта*, которое

затем трансформировалось в греческое *Арете*, а впоследствии переросло в римское понятие *Виртус*, утратив в этом процессе одни важные качества и приобретая другие. На данный момент важные для осмысления истоков правосознания исторические модификации, которые понятия *Рита* и *Арете* претерпели в понятийном аппарате античной мифологии, не получили освещения в отечественной юридической науке. Одна из задач данной статьи заключается в том, чтобы в какой-то мере восполнить данный пробел. Но прежде хотелось бы остановиться на раскрытии самого понятия «миф» в его соотношении с понятием «мысль» (в том числе в ее политико-правовом аспекте), а также показать наличие внутренней взаимосвязи между этими категориями и соответствующими культурными феноменами, которая, на наш взгляд, имеет несомненное значение для построения историографии политико-правовой мысли.

Понятие мифа и его значение для историографии политико-правовой мысли

Как отмечается в специальной литературе, понятие «миф» относится к числу наиболее сложных культурных феноменов, который можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах. В этом отношении данное понятие аналогично понятию права, которое может быть выражено в многообразии определений, отражающих разные аспекты некоего единого понятия, концентрирующего в себе исходный смысл всех определений (Нерсесянц 1983а: 26). Для того, чтобы выявить этот исходный смысл, то есть сущность феномена, выраженного понятием «миф», целесообразно прежде всего проанализировать этимологию этого слова. В обоснование такого подхода уместно сослаться на известное высказывание Конфуция, который, отвечая на вопрос о том, с чего надо начать управление государством, сказал так: «Прежде всего необходимо вернуть понятиям их изначальный смысл» (Soothill 1910: 607).

С этой целью следует обратиться к работам голландского специалиста по балто-славянской исторической лингвистике Р. Дерксена, в которых показано, что греческое понятие «миф» (*μῦθος* или *mûthos*) по своему содержанию аналогично протославянскому понятию «мысль»¹, с которым оно связано через общий протоиндоевропейский корень, восходящий к слову *mithyā* (представление, недоразумение)². Аналогичной точки зрения придерживалась также известный отечественный филолог А.А. Тахо-Годи (Тахо-Годи 2011: 17). Кроме того, греческое понятие мифа восходит к индоевропейскому слову *mēudh*, означающему заботиться о чем-то, желать чего-то (Тахо-Годи 2011: 554). В свою очередь, эта индоевропейская основа данного слова близка к древнеегипетской конструкции *mdwj*, которая трактуется как «речь, имеющая значение или сердце разума, задаю-

¹ Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 4). Leiden, Boston: IDC Publishers. 2008. P. 337.

² Mahendra C.A. Practical Hindi-English Dictionary. Delhi : National Publishing House, 1987. P. 598.

щее ритм» (Faulkner 1962: 122). Присутствующее в одной из трактовок данного термина выражение «сердце разума» представляется исключительно важным для исследования крайне сложного, ускользающего от понимания современными исследователями глубинного смысла понятия мифа как мысли, древние истоки которой соединяли в себе разум и чувство.

В Древней Греции термин «миф» (mythos), введенный в философский дискурс во времена Платона, в целом представлял собой, как указывает А.А. Тахо-Годи, набор различных смысловых конструкций, связанных не только с существительным «слово», но и с глаголом «говорить» (Тахо-Годи 2011: 554). Так, например, в поэмах Гомера словом «миф» обозначались истинные и правдивые речи в противоположность логосу, который соответствовал пустым и лживым словам. Смысл выражения «говорить ложь» у Гомера обозначен словами *ψευδῆ λέγειν*, где слово *λέγειν* (логос) употребляется в смысле лживых, ложных слов, «лукавых речей или словес (пустословия)» (Науменко 1968: 19). В противоположность этому у Гесиода в «Теогонии» (стихи 22-28) понятие «миф» близко по своему смыслу к выражению «чистой правды, божественной истины дочерей великого Зевса-царя, олимпийских муз, поющих песни о законах, которые всем управляют» (стих 66). Платон же, по мнению А.А. Тахо-Годи, «безошибочно называет беседу Сократа и Диотимы – «логосом». Зато описание истинности занебесной земли в «Федоне», не требующее никакой логической аргументации и поражающее своей категоричностью и аксиоматичностью, есть не что иное, как подлинный миф, так же, как и загробные странствия Эра в «Государстве» (Тахо-Годи 1999: 554). Таким образом, по своему исходному смыслу слово «миф» выражало некую истину, которая могла быть искажена логосом: мифология буквально означает мысль, выраженную словом, которое неизбежно искажает исходную мысль.

Однако с течением времени понятия мифа как мысли и логоса как слова меняют свои рудиментарные смыслы, в результате чего миф, как указывал русский философ С.Н. Трубецкой, «из сказа превращается в сказание или сказку и противопоставляется логосу». Миф, являвшийся некогда выражением истины, обращается в «ложную речь, подражающую истине» (Трубецкой 2000: 20). Отсюда можно сделать вывод, что миф по своей сущности – это мысль, которая изначально открывала человеку целый мир, более того, эта мысль, как пишет современный лингвист и философ права В.В. Биbihин, сама представляла собой «мир как целое», то есть миф (Биbihин 2008: 13). Советский юрист М.А. Рейснер, серьезно занимавшийся изучением политико-правовой идеологии, соглашался (что было совсем не просто для марксиста) с догматом древнеиндийской мифологии, согласно которому «сознанием правится мир, с сознанием связан мир, силе сознания подчинен мир» (Рейснер 2020: 251). Он, в частности, писал, что сознание и мудрость человека того времени «приобретают чудесный характер» (Рейснер 2020: 259), в силу чего «материальный мир оказывается одухотворенным, а сам этот закон причинности слит с законом формального равновесия и какой-то космической справедливости» (Рейснер 2020: 258).

Но этот мир, выраженный в мифе и осознанный древним человеком через «сердце разума», благодаря которому эхо божественного откровения

с небес откликалось в его душе законом космической справедливости, представал как некое «не-доразумение» (не-допонимание) божественного замысла. Как отмечал В.С. Нерсисянц, «существо и специфика мифа – не в ущербности его метода («алогичности» этого метода или каких-то иных его дефектах) и не в произвольной выдуманности его предмета (поэтому миф – это не выдумка или фантазия, а предание), а в том явном познавательном несоответствии (недостаточности) метода мифа его предмету, которое и придает мифу в целом характер недоразумения (в буквальном смысле этого слова)» (Нерсисянц 2004: 22). Таким образом, миф подразумевает нечто непонятное, воспринятое не столько на рациональном, сколько на чувственном уровне, и выраженное доступными непонимающему средствами. При этом непонятное сохранило миф фактически в его первозданной сути. Например, боги – это непонятый древним человеком факт, воспринятый человеком через «сердце разума».

Завершая краткий анализ понятия «миф», особо следует обратить внимание на тот упомянутый ранее, исключительно важный, на наш взгляд, факт, что русское слово «мысль» – это прямой потомок слова «миф», имеющего протоиндоевропейское происхождение. Непосредственная связь между данными словами и выражаемыми ими понятиями позволяет по-новому взглянуть на такое направление исследовательской деятельности, как формирование историографии политической и правовой мысли, а также на значение истории осмысления мифа в качестве важнейшего элемента этой историографии, понимаемой прежде всего как историография именно мысли. Говоря о различении историографии политических и правовых учений и историографии политико-правовой мысли, уместно сослаться на советского историка Б.Г. Могильницкого, который отмечал ошибочность отождествления историографии как «истории исторической науки» с историей исторической мысли, и подчеркивал, что история мысли в ее общем виде как бы одухотворяет любую историческую науку (Могильницкий 1976: 233). В отличие от истории исторической науки, которая «представляет собой концентрированное историческое познание во всем его многообразии и противоречивости» (Данилов 1974: 3), история исторической мысли в любой отрасли научного знания (в том числе и в истории политико-правовых учений) является особым типом историографического исследования, в задачу которого входит «прояснение общих закономерностей развития исторического познания как особой формы социальной активности человека» (Могильницкий 1976: 233). И хотя история исторической мысли – это не самостоятельный раздел историографии, так как все типы исторического исследования находятся в органической взаимосвязи, однако данное обстоятельство вовсе не исключает их дифференциации для более глубокого понимания и воссоздания общей картины истории исторической науки во всем ее многообразии. В современной юридической науке этот подход получил развитие в работах В.С. Горбаня, разграничивающего историографию политико-правовой мысли от историографии политических и правовых учений и подчеркивающего важность компромисса «между институциональными характеристиками права и интеллектуально-духовными или ментальными моментами правосознания» (Горбань 2023: 99). Для дости-

жения такого компромисса, пишет автор, необходимо обратиться к изучению «культуры народа, его представлений о справедливом и целесообразном» как способе познания «национального языка права, его внутренней грамматики, смысла и назначения идей порядка, устройства и мира» (Горбань 2023: 99). При этом история политико-правовой мысли «предстает как определенный путь и тип освоения знаний и достижений древности. Внутри себя он крайне неоднороден, и каждой национальности, каждой культурной единице внутри европейского пространства соответствует сложный набор исторических событий, связанных с их интеллектуальным становлением» (Горбань 2024: 15).

Выявленная через этимологический анализ внутренняя связь понятий «миф» и «мысль» позволяет сделать вывод о том, что вся политико-правовая мысль в определенном смысле предстает как совокупность своего рода мифов, в которых тот или иной мыслитель выражает свое собственное не-доразумение некой объективной реальности, постоянно ускользающей от окончательного понимания. Именно это обстоятельство создает интригу развития политико-правовой мысли, которая никогда не сможет подойти к своему завершению. Как не может быть пресловутого «конца Истории», о котором вслед за Г. Гегелем и В. Кожевным в начале 1990-х говорил Ф. Фукуяма, так не может быть и конца политико-правового осмысления этой Истории, логика развития которой никогда не будет окончательно понята ни одним гениальным мыслителем. Кроме того, исходное тождество понятий «миф» и «мысль» показывает исключительно важную роль мифа как источника политико-правовой мысли.

Отсюда следует также и то, что в историографии политико-правовой мысли прежде всего историография древнего мифа как первичной онтологии права должна занять более достойное место. В настоящее время актуальной задачей построения такой историографии является восполнение пробелов в истории осмысления базовых мифов человечества, связанных с истоками зарождения правовой мысли. К числу таких пробелов относится явно недостаточное внимание к тому, что В.С. Нерсисянц обозначил как «божественный первоисточник существующих порядков», как «способ и характер связи божественного начала с земными отношениями» (Нерсисянц 1985: 6), которые нашли свое отражение в мифах разных народов. Далее мы рассмотрим понятия, в которых эти аспекты древних мифов получили наиболее полное отражение.

Понятие *Puma (Rta)* как древнейший источник формирования правовой мысли

Для анализа истоков правовой мысли следует обратиться прежде всего к ключевому и самому раннему понятию мифологической картины мира в ее нормативном проявлении, каковым большинство специалистов в области правовых учений считает санскритское понятие *Puma (Rta)*, которое, как отмечает историк В.В. Емельянов, является древним прародителем таких слов как *right* «право», *art* «искусство», *rite* «обычай, обряд», русское «ряд», «обряд», «ритуал», «рота», «порядок» и т.д. (Емельянов 2003: 4). В отечественной

юридической литературе понятие Риты на данный момент не получило достаточного освещения. Так, в одной из немногих (если не в единственной) монографий, посвященных праву Индии, а именно в работе Н.А. Крашенинниковой «Индусское право: история и современность», данное понятие отсутствует (см.: Крашенинникова 1982).

Краткий анализ санскритского понятия *Puma (Rta)* дан в монографии В.С. Нерсисянца «Право и закон», где автор раскрывает эту центральную категорию древнеиндийской мысли как символ мирового, космического порядка, в котором Рита предстает в качестве нравственно-правового закона, а в контексте зарождения и эволюции права – в качестве мифологической версии естественного права (Нерсисянец 1983b: 25). Другой отечественный юрист, А.И. Ковлер, в работе по антропологии права упоминает понятия Риты как выражение «космического порядка, закона и обычая» в контексте анализа его соотношения с понятием Истины (Ковлер 2002: 202). В.Г. Графский в своем фундаментальном учебнике «История политических и правовых учений» также говорит о законе Риты (Рты), понимая под ним «порядок, установленный высшей силой на земле и на небесах и требующий от человека определенного поведения, связанного с поддержанием этого порядка». «Рита, – пишет он, – представляет собой закон Долга и Благочестия» (Графский 2009: 100). В ряде иных ведущих российских учебников по истории политических и правовых учений лишь очень кратко упоминается о мировом законе Рите или Рте как о «мифологически-органической концепции, которая определяла конституцию (строение) общества, место, роль, положение (в том числе и правовое) различных варн (сословий), а следовательно права и обязанности членов этих варн» (Нерсисянец 1995: 21).

При восполнении этого пробела в отечественной учебной и научной литературе, посвященной политико-правовым учениям древности, следует, на наш взгляд, опираться на разработанную А.Ф. Лосевым методологию изучения мифов, согласно которой в концепции вечного космического закона Риты как ядра наиболее древней мифологической картины мира можно выделить рудименты разной степени древности (Лосев 1996: 24). Исходя из этого, стоит начать анализ с понятия *Puma*, которое уже с 1600 г. до н.э. присутствует во многих древнейших источниках (Bloomfield 1969: 16). В Ригведе (старейшей из четырех Вед) все события рассматриваются как проявления мирового порядка – Риты (Bloomfield 1969:16), соблюдение которого является верным путем и исполнением долга (кармы). Надо отметить, что Рита, как подчеркивал американский лингвист Л. Блумфилд, является важнейшей категорией в рамках религиозной концепции Вед, поэтому изучение истории религиозных идей необходимо начинать с ее анализа (Bloomfield 1969: 12-13). С позиции правового подхода важно подчеркнуть, что мифология Ригведы – это первая в истории мировой мысли система двоичных бинарных оппозиций, выражающих такие базовые феномены, как добро и зло (Burrow 1959: 142, 227), лежащие в основе социальной регуляции. И в этом своем качестве мифология Ригведы в целом имеет исключительное значение для всей мировой политико-правовой мысли. Наиболее важные формулы этих текстов со-

держатся в законе Риты (Bloomfield 1969: 120, 121, 125). Самое близкое к нему по значению – однокоренное понятие зороастрийской теологии *Арта* (*Asha* или *arta*, *areta*³). Востоковеды убеждены в идентичности авестийской и ведической идеологий, что связано с единством понятий *Рита* и *Арта* (*Asha*) (Bailey 1943: 177). Показательно, что древняя Авеста заканчивается следующими словами: «Есть лишь один путь, это путь праведности / правды (Арта; Аша), все остальное беспутье»⁴.

С точки зрения правового подхода следует иметь в виду, что Рита составляет противоположность амхасу (то есть хаосу) (Радхакришнан 1993: 36). Она олицетворяет закон и незыблемость справедливости, берущей начало от регулярности движения солнца, луны и звезд, справедливого и закономерного равенства в чередовании дня и ночи, времен года (Радхакришнан 1993: 36). Согласно легендам, Рита была установлена семью космическими божествами для выражения религиозного, нравственного и правового сознания. Это был некий принцип организации, которому подчинены устройство мира, космос, времена года, время, отношения между богами и людьми, отношения между людьми⁵. Законы Риты не определялись извне, она сама была источником всего и определяла ход вещей (Васильков 1979: 123). Вся реальность, считали представители древних восточных цивилизаций – это отражение действия неизменного закона, единого и неделимого, а земная жизнь – лишь иллюзия, изменчивая и переходящая. Космический закон Риты утвержден волей верховного абсолютного божества, как и закон справедливости, который (что принципиально важно) преступить не могут даже боги, они должны придерживаться закона наравне с людьми. «Заря следует путем Риты, будто она знала его раньше. Она никогда не переступает сфер. Солнце следует путем Риты», – цитирует древние тексты индийский философ С. Радхакришнан (Радхакришнан 1993: 36-37). Уточняя эту мысль, он приводит следующие слова Гераклита: «Солнце не перейдет своей меры, иначе его бы настигли Эринии (судьбоносное возмездие), помощницы Правды»⁶. Закон в физическом мире, заключает С. Радхакришнан, аналогичен добродетели в мире нравственном.

Основная идея Авесты – противопоставление праведника (артаван) служителю лжи⁷. Авеста представляет собой выражение глобального и общего закона мироздания, включающего порядок смены времен года. Однако, помимо природного компонента, термин *Арта*, как отмечают ученые, имел социальное и этическое содержание (иерархический уклад

³ См.: Авеста в русских переводах. Священное писание зороастризма / под общ. ред. И.В. Рака. 2-е изд. Санкт-Петербург : Журн. «Нева», Летний Сад, 1998. С. 7.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : I. Хоз-во, семья, общество. II. Власть, право, религия. Москва : Прогресс : Универс, 1995. С. 300.

⁶ Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / подгот. А.В. Лебедев. Москва : Наука. С. 177.

⁷ Там же.

общества, справедливость, верность договорам и т.д.). В учении Заратуштры нравственно-этический компонент занимает первое место: в «Гатах» и «Младшей Авесте» Арта предстает олицетворением триады, включающей в себя «благие мысли, благие речи, благие дела» как в личностном, так и в социальном плане. Существует божественная персонификация Аши/Арты – богиня Арштат, которая является олицетворением справедливости. В древнеперсидских текстах Арта ассоциируется с политическими и социальными концепциями. При этом важное значение для ее понимания представляет, в частности, имя первого правителя династии Сасанидов, Ардашира I. Имя Ардашир происходит от древнеиранского слова *ArtaxšaθRa*. Оно эквивалентно греческому *Artaxérxēs* и армянскому *Artasēs*, что означает «тот, кто правит праведным царством». Первая часть имени заимствована из ведической концепции – *arta*, вторая часть связана с понятием – *xšaθra* «царство», что в конечном итоге привело к греческому эллинизированному варианту «Артаксеркс»⁸. В древнеегипетской мифологии понятию *Arta* соответствует богиня Маат (Нерсесянц 2004: 20), управляющая законами мироздания и социума, а в древнекитайской философии – понятие *Дао*, означающее нравственный духовный путь человека и основанный на морали социальный порядок.

Рита – это своего рода небесный закон, гарант и защитник от темных сил, который распространялся на потусторонний мир, неизвестный и пугающий древнего человека, а также являлся ориентиром для его поведения в земной жизни. Согласно Рите, истина, справедливость и верность – это качества, составляющие суть человека. В индийских текстах добродетель соответствует естественному порядку, а зло представляет собой нарушение этого порядка. Рита предстает в них как космический путь, по которому пройдут лишь хорошие люди, а последователи дьявола не смогут по нему пройти (Mojtaba, Sanaz 2018: 159). С точки зрения правового подхода важно иметь в виду, что Рата (производное от *Rita* в дословном переводе) – это соразмерная часть, а также путь. В своем единстве данные понятия означают жизненный путь как удержание равенства, баланса проб и ошибок⁹.

Понятие Риты является прародителем греческой Арете (Aretē), которая играет центральную роль в греческом мифологическом дискурсе. Точный перевод данного понятия представляет немалую сложность для исследователей, однако целый ряд специалистов сходится во мнении, что перевод Арете как добродетели слишком упрощен и даже может вводить в заблуждение, а в некоторых случаях может «непоправимо исказить смысл оригинала» (Bluck 1961: 202). Наиболее полно Арете выражена у Гомера, Пиндара, Сократа (в исполнении Платона) и Аристотеля. Более емкий диапазон значений Арете присутствует в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, где Арете предстает итогом соединения таких совершенных мужских качеств, как доброта, мужество и доблесть воина, которые, как правило, выражают достигнутое в борьбе превосходство над дру-

⁸ См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 2. Москва : Наука. 1994. С. 506.

⁹ В данном контексте уместно напомнить римскую юридическую формулу «*pro rata temporis*», что означает соразмерно (пропорционально) истекшему времени.

гими людьми, а также над обстоятельствами. Олицетворением Арете считался, например, один из главных героев «Илиады» Ахиллес (Hawhee 2002: 187). Однако в древнегреческой мифологии Арете присуща не только мужчинам: обладательницей Арете является, например, супруга Одиссея – «мудрая Пенелопа», которая предстает у Гомера как носительница непоколебимого духа¹⁰. Важно отметить и то обстоятельство, что у Гомера не существует жесткого классового разделения в этом вопросе: своеобразной Арете обладают и рабы: «Лишь половину цены (ἀρετῆς. – А.Н.), – писал Гомер, – оставляет широкоглядящий Зевс человеку, который на рабские дни осужден»¹¹.

Позднее укоренившееся в греческих песнопениях понятие Арете зачастую предстает уже как выражение воинской доблести, то есть героической силы и мужества. По словам Аристотеля, героический почет был необходим людям чтобы удостовериться в собственной ценности (в собственной Арете), поэтому они желают, чтобы их оценивали люди, способные вынести суждение на основе их подлинной Арете (см.: Никомахова этика. 1095b 26). Героическая Арете, отмечает немецкий историк В. Йегер, достигает завершения лишь после смерти героя, однако переживает его самого в его славе. Иными словами, Арете, которая сопровождала героя при жизни, оставалась в качестве некой самостоятельной субстанции после его смерти. Боги, как и герои, также претендуют на славу и почести. Гомеровы боги, которые, по словам В. Йегера, представляют собой своего рода кружок бессмертной знати, также, как и люди, нуждались в признании их Арете.

Большое значение Арете придавал и другой поэт Древней Греции – Пиндар. Он разделял Арете на четыре добродетели (ἀρετῆ), соответствующих определенным периодам жизни человека: целомудрие (σωφροσύνη), мужество (ἀνδρεία), справедливость (δικαιοσύνη) и разумность (φρόνησις) (Briggs 1984: 240). Постепенно Арете, как отмечает французский историк-эллинист Ж.-П. Вернан, стала ассоциироваться со знатностью происхождения (ἀρετῆ) и этимологическим источником понятия аристократии¹². Однако важно отметить, что в своей аристократической трактовке Арете предстает в качестве оппозиции роскоши (Йегер 2001: 32): она рассматривается как результат упорного труда, самовоспитания, жесткой дисциплины, самоконтроля и стойкости перед искушениями. В Арете спеси богатства противостоит идеал благоразумия, который призывает к воздержанности, чувству меры, золотой середине как к «среднему между крайностями» (Вернан 1988: 103).

В послеведийскую эпоху Арете часто отождествляли с греческой Дике¹³, но затем Дике фактически вытеснит из греческого словоупотребления такое сложное понятие, как Арете. Однако оно вновь возрождается в философии

¹⁰ Гомер. Одиссея / пер. В.В. Вересаева. Москва : Худож. лит., 1953. С. 124.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² См.: Autenrieth G. New York: Harper & A Homeric dictionary for schools and colleges / Based upon the German of Dr. Georg Autenrieth. New York : Harper & Brothers. 1895. P. 45.

¹³ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. Москва : Совет. энцикл., 1983. С. 585.

Сократа, где внутренний мир человека предстает в качестве некоего нового явления Арете, о которой он говорит как о главной добродетели души (Йегер 2001: 70). В контексте данной темы хотелось бы отметить один интересный факт, который, как нам представляется, прошел мимо внимания отечественных и зарубежных исследователей. Имя матери Сократа – Фенарета (Φαινάρητη) – означает дословно «та, кто выявляет добродетель». В беседе с Тезетом (диалоги Платона) Сократ спрашивает: «А не слыхал ли ты, что я – сын повитухи ... Фенареты? ... А не слыхал ли ты, что я промышляю тем же ремеслом? ... Доверься мне как сыну повитухи». По сути, Сократ говорит: «Доверься мне как сыну той, кто выявляет добродетель». Кстати, жрица Диотима в платоновских диалогах отмечает «возможность человека быть “беременным духовно”» и вынашивать то, что должна вынашивать душа – ум, мудрость и всякое добро (Пир. 209b).

Завершая этот краткий анализ, следует отметить, что латинским продолжением Арете стало римское понятие *Виртус* (*virtus*)¹⁴, где *vir* означает «мужчина». Соответственно, *virtus* в римской традиции предстает как «мужественность, храбрость, стойкость, доблесть (часто воинская), добродетель, душевное благородство. В персонифицированном виде Виртус – это богиня воинской доблести»¹⁵. Таким образом, в рамках римской политико-правовой мысли получила дальнейшее развитие наметившаяся в греческой мифологии существенная трансформация понятия *Арете*, которое, в отличие от своих первоисточников, на первый план выносит воинские мужские добродетели: мужественность, храбрость, стойкость, доблесть (часто воинская), добродетель, душевное благородство.

Заключение

Как видно из проведенного анализа, дальнейшие исследования мифологических истоков политико-правовой мысли позволят включить в сферу изучения новый материал, важный не только для понимания закономерностей формирования исходных, базовых категорий правового сознания человечества в целом, но и для осмысления цивилизационных особенностей правосознания разных народов. Применение герменевтической методологии для компаративного исследования того, как исходные правовые понятия, содержащиеся в наиболее древних мифологических системах, трансформируются в рамках иных культур, позволит существенно углубить наши знания о цивилизационных особенностях правового развития разных регионов мира. Наибольший интерес представляет анализ под таким углом зрения специфических черт правовых культур Востока и Запада, которые, в частности, хорошо прослеживаются на рассмотренном примере модификации понятий *Рута*, *Арете* и *Виртус*.

¹⁴ Гусейнов А.А. Добродетель // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2010. Т. 1: А – Д. С. 677.

¹⁵ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Рус. яз., 1976. С. 1084.

Осуществленный нами краткий анализ этой сложной и важной проблемы показывает, что древнеиндийская Рита, раскрывающая суть человека через категории истины, справедливости и верности, перейдя условную границу между Востоком и Западом и пройдя целую цепь трансформаций под воздействием множества факторов этнического, конфессионального, исторического и т.д. характера, модифицировалась в римское понятие *Виртус*, которое при всем своем смысловом многообразии выражает прежде всего такие воинские добродетели, как мужество и доблесть. Уже один этот факт, не получивший пока что должного освещения в отечественной юридической науке, наглядно демонстрирует разницу в мифологических истоках восточной и западной политико-правовой мысли, достаточную для понимания того, что подобные различия оказали несомненное влияние на все последующее политическое и правовое развитие соответствующих стран и регионов мира. Однако при всем значении выявления такого рода различий в правовом развитии разных цивилизаций изучение мифологических истоков политико-правовой мысли может, на наш взгляд, дать также и богатый материал для осмысления общечеловеческого сакрального смысла и значения тех ценностей, которые объединяют разные цивилизации. Оба этих направления исследований древних мифов как первичной онтологии права представляют несомненный научный интерес и заслуживают большего внимания со стороны российской истории политико-правовых учений и философии права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бибихин В.В. 2008. Ранний Хайдеггер : материалы к семинару. Москва : Изд. Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы. 540 с.
- Васильков Я.В. 1979. Земледельческий миф в древнеиндийской эпосе (Сказание о Рашьяшринге) // Литература и культура Древней Средневековой Индии : сб. статей / отв. ред. Г.А. Зюграф, В.Г. Эрман. Москва : Наука. С. 99–133.
- Вернан Ж.-П. 1988. Происхождение древнегреческой мысли / общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича. Москва : Прогресс. 224 с.
- Горбань В.С. 2023. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4. С. 91–101. DOI 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101
- Горбань В.С. 2024. Историографические исследования политико-правовой мысли // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 19, № 4. С. 11–39. DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-4-gorban
- Графский В.Г. 2009. История политических и правовых учений. 3-е изд. Москва : Норма. 735 с.
- Данилов А.И. 1974. Сказки и некоторые вопросы историографического анализа // Вопросы истории. № 8. С. 3–9.
- Емельянов В.В. 2003. Ритуал в древней Месопотамии. Санкт-Петербург : Азбука-классика : Петерб. востоковедение. 318 с.
- Йегер В. 2001. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1 / пер. с нем. А.И. Любжина. Москва : Изд. Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина. 594 с.
- Ковлер А.И. 2002. Антропология права : учеб. для вузов. Москва : Норма. 467 с.
- Крашенинникова Н.А. 1982. Индусское право: история и современность. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 192 с.
- Лосев А.Ф. 1996. Мифология греков и римлян. Москва : Мысль. 944 с.

Малахов В.П. 2013. Мифы современной общеправовой теории. Москва : Юнити. 150 с.

Могильницкий Б.Г. 1976. История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии : к 75-летию акад. М.В. Нечкиной : сб. статей / отв. ред. Л.В. Черепнин. Москва : Наука. С. 233–243.

Науменко Л.К. 1968. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата : Наука. 327 с.

Нерсисянц В.С. (ред.) 1985. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсисянц. Москва : Наука. 347 с.

Нерсисянц В.С. (ред.) 1995. История политических и правовых учений : учебник для юрид. вузов и фак. / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. Москва : Инфра-М : Кодекс. 704 с.

Нерсисянц В.С. (ред.) 2004. История политических и правовых учений : учебник для и вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма. 944 с.

Нерсисянц В.С. 1979. Политические учения Древней Греции. Москва : Наука. 262 с.

Нерсисянц В.С. 1983а. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. № 10. С. 26–35.

Нерсисянц В.С. 1983b. Право и закон : Из истории правовых учений. Москва : Наука. 366 с.

Радхакришнан С. 1993. Индийская философия. Т. 1 / пер. с англ. 2-е изд. Москва : Миф. 623 с.

Рейснер М.А. 2020. Идеологии Востока : очерки восточной теократии. Изд. 2-е. Москва : Либроком. 344 с.

Тахо-Годи А.А. 1999. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах / сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. Санкт-Петербург : Алетейя. С. 536–556.

Тахо-Годи А.А. 2011. Если занимаешься античной философией, то без классической филологии ничего поделать нельзя : интервью с А.А. Тахо-Годи / беседу вела Т.А. Уманская // Вопросы философии. № 12. С. 10–18.

Трубецкой С.Н. 2000. Учение о Логосе в его истории : филос.-ист. исслед. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио. 650 с.

Хюбнер К. 1996. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. Москва : Республика. 448 с.

Bailey H.W. 1943. Zoroastrian Problems in the ninth-century. Oxford : Calendon Press. 235 p.

Bloomfield M. 1969. The religion of the Veda; the ancient religion of India (from Rig-Veda to Upanishads). New York : AMS Press. 300 p.

Bluck R.S. 1961. Plato's Meno. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 482 p.

Briggs W.W. 1984. Gildersleeve on Pindar Nemean 3.74-75 // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 25, № 3. P. 233–242.

Burrow T. 1959. The Sanskrit language. London : Faber and Faber. 288 p.

Faulkner R.O. 1962. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford : Griffith Institute. 391 p.

Hawhee D. 2002. Agonism and Arete // Philosophy and Rhetoric. № 35. P. 185–207. DOI 10.1353/par.2003.0004

Mojtaba D., Sanaz M. 2018. Arta and Aša in proper names and the range of their political and religious concepts // Dialogue Between Cultures & Exchanged of Knowledge

and Cultural Ideas Between India, Iran, Turkey & Central Asia with Special Reference to the Sasanian and Gupta Dynasty / Ed. By O. Zaman. Guwahati, Assam : Department of Persian Gauhati Univ. P. 159–175.

Soothill W.E. 1910. The analects of Confucius. Yokohama : The Author. 1028 p.

References

Bailey H.W. *Zoroastrian Problems in the ninth-century*, Oxford, Calendon Press, 1943, 235 p.

Bibikhin V.V. *Ranniy Khaydegger : materialy k seminaru* [The Early Heidegger. Materials for the Seminar], Moscow, Izdanie Instituta filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2008, 540 p. (in Russ.).

Bloomfield M. *The religion of the Veda; the ancient religion of India (from Rig-Veda to Upanishads)*, New York, AMS Press, 1969, 300 p.

Bluck R.S. *Plato's Meno*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1961, 482 p.

Briggs W.W. Gildersleeve on Pindar Nemean 3.74-75, *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 1984, vol. 25, no. 3, pp. 233–242.

Burrow T. *The Sanskrit language*, London, Faber and Faber, 1959, 288 p.

Danilov A.I. *Skazki i nekotorye voprosy istoriograficheskogo analiza* [Fairy Tales and Some Issues of Historiographical Analysis], *Voprosy Istorii*, 1974, no. 8, pp. 3–9. (in Russ.).

Emelyanov V.V. *Ritual v drevney Mesopotamii* [Ritual in Ancient Mesopotamia], St. Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburgskoe vostokovedenie, 2003, 318 p. (in Russ.).

Faulkner R.O. *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*, Oxford, Griffith Institute, 1962, 391 p.

Gorban V.S. Historiographical Studies of Political and Legal Thought, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 11–39. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-4-gorban> (in Russ.).

Gorban V.S. New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 4, pp. 91–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101> (in Russ.).

Grafsky V.G. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines], 3rd ed., Moscow, Norma, 2009, 735 p. (in Russ.).

Hawhee D. Agonism and Arete, *Philosophy and Rhetoric*, 2002, no. 35, pp. 185–207, <https://doi.org/10.1353/par.2003.0004>

Hübner K. *The Truth of Myth*, Moscow, Respublika, 1996, 448 p. (in Russ.).

Jaeger W. *Paideia: The Ideals of Greek Culture*, vol. 1, Moscow, Izdanie Greko-latinskogo kabineta Yu.A. Shichalina, 2001, 594 p. (in Russ.).

Kovler A.I. *Antropologiya prava* [Anthropology of Law], Moscow, Norma, 2002, 467 p.

Krashenninnikova N.A. *Indusskoe pravo: istoriya i sovremennost'* [Hindu Law: History and Modernity], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1982, 192 p. (in Russ.).

Losev A.F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [Mythology of the Greeks and Romans], Moscow, Mysl', 1996, 944 p. (in Russ.).

Malakhov V.P. *Mify sovremennoy obshchepravovoy teorii* [Myths of Modern General Legal Theory], Moscow, Yuniti, 2013, 150 p. (in Russ.).

Mogil'nitskiy B.G. *Istoriya istoricheskoy mysli kak predmet istoriograficheskogo issledovaniya* [The History of Historical Thought as a Subject of Historiographical Research], L.V. Cherepnin (Resp. Ed.), *Problemy istorii obshchestvennoy mysli i istoriografii : k 75-letiyu akad. M.V. Nechkinoy : sb. statey*, Moscow, Nauka, 1976, pp. 233–243. (in Russ.).

Mojtaba D., Sanaz M. Arta and Aša in proper names and the range of their political and religious concepts, O. Zaman (Ed.), *Dialogue Between Cultures & Exchanged of Knowledge*

and Cultural Ideas Between India, Iran, Turkey & Central Asia with Special Reference to the Sasanian and Gupta Dynasty, Guwahati, Assam, Department of Persian Gauhati Univ., 2018, pp. 159–175.

Naumenko L.K. *Monizm kak printsip dialekticheskoy logiki* [Monism as a Principle of Dialectical Logic], Alma Ata, Nauka, 1968, 327 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy mir* [The History of Political and Legal Doctrines. The Ancient World], Moscow, Nauka, 1985, 347 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines], Moscow, Infra-M, Kodeks, 1995, 704 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines], 4rd ed., rev. and augm., Moscow, Norma, 2004, 944 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Politicheskije ucheniya Drevney Gretsii* [Political Teachings of Ancient Greece], Moscow, Nauka, 1979, 262 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Pravo i zakon : Iz istorii pravovykh ucheniy* [The Law and the Law. From the History of Legal Doctrines], Moscow, Nauka, 1983, 366 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Pravo: mnogoobrazie opredeleniy i edinstvo ponyatiya* [Law: the Diversity of Definitions and the Unity of the Concept], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo (State and Law)*, 1983, no. 10, pp. 26–35. (in Russ.).

Radhakrishnan S. *Indian Philosophy*, 2nd ed., Moscow, Mif, 1993, 623 p. (in Russ.).

Reysner M.A. *Ideologii Vostoka : ocherki vostochnoy teokratii* [Ideologies of the East: Essays on Eastern Theocracy], 2nd ed., Moscow, Librokom, 2020, 344 p. (in Russ.).

Soothill W.E. *The analects of Confucius*, Yokohama, The Author, 1910, 1028 p.

Takho-Godi A.A. *Esli zanimaesh'sya antichnoy filosofiej, to bez klassicheskoy filologii nichego podelat' nel'zya : interv'yu s A.A. Takho-Godi / besedu vela T.A. Umanskaya* [If you study ancient philosophy, then you can't do anything without classical philology. Interview with A.A. Takho-Godi], *Voprosy filosofii*, 2011, no. 12, pp. 10–18. (in Russ.).

Takho-Godi A.A. *Mif u Platona kak deystvitel'noe i voobrazhaemoe* [Plato's Myth as Real and Imaginary], *Takho-Godi A.A., Losev A.F. Grecheskaya kul'tura v mifakh, simvolakh i terminakh*, St. Petersburg, Aleteyya, 1999, pp. 536–556. (in Russ.).

Trubetskoy S.N. *Teaching on Logos in its History*, Moscow, AST, Kharkov, Folio, 2000, 650 p. (in Russ.).

Vasilkov Ya.V. *Zemledel'cheskiy mif v drevneindiyskoy epose (Skazanie o Rash'yashringe)* [The Agricultural Myth in the Ancient Indian Epic (The Legend of Rashyashring)], *G.A. Zograf, V.G. Erman (Resp. eds.), Literatura i kul'tura Drevney Srednevekovoy Indii : sb. statey*, Moscow, Nauka, 1979, pp. 99–133. (in Russ.).

Vernant J.-P. *Origins of Greek Thought*, Moscow, Progress, 1988, 224 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Владимировна Нерсисянц

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, г. Москва, Россия;
ORCID: 0009-0009-0154-4521;
ResearcherID: 0838-2025;
SPIN-код: 9203-9363;
E-mail: nersesancanna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Nersesyants

Candidate of Law, Researcher at the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0009-0154-4521;
ResearcherID: 0838-2025;
SPIN-code: 9203-9363;
E-mail: nersesancanna@gmail.com

Чирнинов А.М. Типология аргументов в конституционном правосудии // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 73-103. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_73

УДК 342

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_73

Типология аргументов в конституционном правосудии

Алдар Мункожаргалович Чирнинов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: chir-alдар@yandex.ru

*Поступила в редакцию 31.01.2025, поступила после рецензирования 18.05.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

В статье рассматриваются различные типологии аргументов, предложенные в юридической науке. Особое внимание уделяется авторским типологиям Ф. Боббитта, Р. Фэллона-младшего, Д. Кеннеди, Р. Алекси, Н. Маккормика, У. Хуна и А. Якаба. Анализируются основания этих типологий и оценивается их применимость для исследования аргументативных закономерностей, характерных для конституционного дискурса. Сравниваются и сопоставляются подходы, используемые обозначенными авторами, а также рассматриваются их сильные и слабые стороны. Также исследуется соотношение различных типов аргументов. Хотя формально их можно упорядочить по абстрактной значимости для правопорядка, в статье доказывается, что невозможно заранее установить строгую иерархию между ними. Сила каждого типа аргументов будет зависеть от конкретного социального и правового контекста. Обобщив существующие типологии аргументов, применяемые в юридическом дискурсе, автор предлагает собственную типологию конституционных

© Чирнинов А.М., 2025

аргументов, которая отвечает требованиям методологического редукционизма и учитывает потребности конституционного нормоконтроля. В работе подчеркивается модальный характер конституционных аргументов. Доказывается, что легитимность каждого типа аргументов основывается на фундаментальной ценности, защищаемой и продвигаемой этим типом аргументов. Кроме того, проведенное исследование помогает лучше понять взаимосвязь аргументации и толкования, поскольку в зависимости от усилий, прилагаемых для понимания смысла правовых норм, можно выделить интерпретативные аргументы и аргументы неинтерпретационного характера. Показывается, что все обозначенные типологии отражают рассуждения о должном и тем самым направлены на выявление смыслов, заложенных в нормативных текстах. По результатам анализа представленных типологий аргументов и особенностей конституционного нормоконтроля предлагается выделять четыре основных типа конституционных аргументов: текстуальный аргумент, интенциональный аргумент, аргумент к последовательности и прагматический аргумент.

Ключевые слова: типология аргументов; конституционно-судебная аргументация; конституционное правосудие; конституционный дискурс; конституционность; нормоконтроль

Typology of Arguments in Constitutional Justice

Aldar M. Chirninov

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: chir-aldar@yandex.ru

Received 31.01.2025, revised 18.05.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. The article examines various typologies of legal arguments, focusing on those developed by prominent scholars such as Philip Bobbitt, Richard Fallon Jr., Duncan Kennedy, Robert Alexy, Neil McCormick, Wilson R. Huhn, and András Jakab. It analyzes the foundations of these typologies, assessing their applicability in explaining the argumentative patterns found in constitutional discourse. The author compares and contrasts the approaches taken by these scholars, examining their strengths and weaknesses, as well as exploring the relationships between different types of arguments. Despite the fact that they can be formally ordered by abstract significance for the legal system, the article acknowledges that it is difficult to establish a strict hierarchy among them in advance, as the strength of each argument type will depend on the specific social and legal context. After summarizing the existing typologies of arguments used in legal discourse, the author proposes his own typology of constitutional arguments that meets the requirements of methodological reductionism and takes into account the features of constitutional review. The article emphasizes the modal nature of constitutional arguments and argues that the legitimacy of each type of argument depends on the fundamental values defended and promoted by that type. It also helps to better understand the relationship between argumentation and interpretation, as it distinguishes between interpretative and non-interpretative argu-

ments depending on the efforts made to understand the meaning of legal norms. All the studied typologies are aimed at identifying the meanings embedded in normative texts. Based on the analysis of the different types of arguments and the characteristics of constitutional review, the author identifies four main categories of constitutional arguments: textual arguments, intentional arguments, arguments based on consistency, and pragmatic arguments.

Keywords: typology of arguments; constitutional argumentation; constitutional justice; constitutional discourse; constitutionality; judicial review

For citation: Chirninov A.M. Typology of Arguments in Constitutional Justice, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 73-103. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_73

Введение

Проверка конституционности нормативных положений требует прежде всего уяснения смысла конституционных установлений применительно к конкретной правоприменительной ситуации. Однако уяснить этот смысл можно по-разному, прибегая к различным аргументативным средствам. В контексте обоснования конституционно-судебных решений речь идет об использовании и сочетании различных типов аргументов для достижения наилучшего интерпретационного результата.

Типологизация является важным инструментом в процессе познания. Она помогает установить взаимосвязи между различными категориями объектов, а в контексте аргументации – между различными категориями аргументов. Благодаря этому появляется возможность сравнивать их потенциал и фиксировать, какого рода суждения оказываются наиболее востребованными в конкретных нормативных контекстах и почему. В свою очередь, это позволяет участникам конституционно-судебного разбирательства приводить наиболее действенные аргументы и эффективнее добиваться необходимых изменений в системе правового регулирования.

Также важно отметить, что адекватная типология помогает обнаружить закономерности, которым подчиняются отдельные категории аргументов. Изучение этих закономерностей способствует более глубокому пониманию природы конституционных аргументов, выявлению их легитимирующего основания для конкретного дискурса и описанию особенностей их конструирования. Это особенно важно для обеспечения объективности при оценке аргументов в конституционном правосудии и для выполнения основного предназначения конституционно-судебной аргументации – усиления конституционной нормативности и более глубокого раскрытия нормативного потенциала конституционных положений (Чирнинов 2022: 59).

Какие типы аргументов было бы разумно выделять в контексте судебного контроля за конституционностью нормативных положений? Какие в принципе аргументы можно использовать для обоснования представлений о конституционно должном? Что конкретно придает вес тому или иному типу аргументов и как они конкурируют между собой? Отвечая на эти вопросы, необходимо проанализировать представленные в юридической

науке типологии правовых аргументов, оценить обоснованность выделения соответствующих аргументов и предложить собственную их типологию с учетом особенностей, присущих конституционному правосудию.

Прежде чем начать исследование типологий аргументов, следует подчеркнуть, что конституционно-судебная аргументация, безусловно, обладает всеми чертами именно практической аргументации. Ее основной задачей выступает обоснование того, «как нужно поступать в той или иной ситуации, или почему необходимо поступать именно так» (Лисанюк 2018: 6) с точки зрения конституционных стандартов правового нормирования. Иными словами, выстраиваемые рассуждения должны давать ответ на вопрос, является ли спорное нормативное положение конституционно корректным и действительным. В этом смысле в конституционном правосудии аргументы помогают найти и обосновать наиболее приемлемое с конституционной точки зрения решение рассматриваемой юридической проблемы.

1. Типология юридических аргументов

Предлагается рассмотреть типологии аргументов, предложенные в юридической науке, уделив особое внимание типологиям Ф. Боббитта, Р. Фэллона-младшего, Д. Кеннеди, Р. Алекси, Н. Маккормика, У. Хуна и А. Якаба. Выбор данных авторов обусловлен фундаментальным характером их научных трудов, а также общепризнанностью их вклада в теорию юридической аргументации.

Типология аргументов Ф. Боббитта

Американский конституционалист Ф. Боббитт, проанализировав конституционный дискурс, выделил шесть типов аргументов: исторический аргумент, текстуальный аргумент, структурный аргумент, аргумент к благоразумию (пруденциальный аргумент), доктринальный аргумент и этический аргумент (Bobbitt 1984). Основанием выделения данных типов аргументов стало то, что они позволяют обеспечить обоснованное выведение правил поведения из конкретных конституционных положений. Это, в свою очередь, преследует цель гарантировать легитимность конституционно-судебного контроля (Bobbitt 1984: 3, 6) и избежать ситуаций, когда конституционно-судебные решения «мотивированы предрассудками, привычками, капризами, невысказанными убеждениями и так далее» (Bobbitt 1984: XVI). Важно отметить, что, будучи американским исследователем, Ф. Боббитт приводит примеры, основанные исключительно на правовой системе США.

Открывает типологию Ф. Боббитта исторический аргумент, который, по его мнению, призван «подтверждать намерения составителей Конституции и людей, ее принявших» (Bobbitt 1984: 7). Данный тип аргументов основывается на идее первичности воли тех, кто разрабатывал и принимал конституцию. Цель исторического аргумента – продемонстрировать, какой смысл первоначально закладывался в каждый фрагмент конституционного текста, какие подходы к решению различных вопросов подразумевались

и что скрывается за определенными словами и формулировками. В этом контексте исторический аргумент служит защите «изначального понимания конституционных положений» (англ. *original understanding*) (Bobbitt 1984: 9).

Легитимирующее значение исторического аргумента Ф. Боббитт связывает с тем, что «Конституция была предложена совещательным органом, за нее велась кампания, и она была ратифицирована народом, а не навязана ему или объявлена указом» (Bobbitt 1984: 230). В этом контексте исторический аргумент приобретает особую значимость в правопорядках, где в процесс принятия конституции вовлекалось множество заинтересованных субъектов, уполномоченных предлагать и принимать соответствующие формулировки. Кроме того, значимость данного типа аргументов обусловлена тем, что конституция является историческим документом, отражающим контекст своей эпохи, и этот контекст не должен игнорироваться.

Текстуальный аргумент раскрывает нормативный смысл конституционных положений, опираясь на значение использованных слов и выражений, которые были бы понятны среднестатистическому гражданину. Рассматривая легитимирующее значение текстуального аргумента (Bobbitt 1984: 33), Ф. Боббитт отмечает, что его сила определяется «реакцией на непоследовательность, которая возникла бы, если бы ясные слова определенной части текста – даже если они не относятся к конкретной проблеме – были проигнорированы, и Суд одобрил бы толкование, несовместимое с этими словами» (Bobbitt 1984: 38).

При этом он справедливо отмечает, что конституционный текст не существует изолированно, вне социального контекста. В этом смысле текстуальный аргумент можно рассматривать как «клапан, через который современные ценности могут быть интегрированы в Конституцию» (Bobbitt 1984: 36). В качестве примера автор приводит понятие торговли (англ. *commerce*), указывая, что современное значение этого слова значительно шире, чем было сто лет назад, учитывая заметное усложнение экономических отношений и торговых связей. Одновременно с этим Ф. Боббитт указывает на «отупляющую жесткость» и ригидность текстуальных аргументов, иллюстрируя это на примере длительных, поначалу безуспешных попыток подвести прослушивание телефонных разговоров под действие Четвертой поправки к Конституции США, которая в своем тексте упоминает лишь обыски и аресты (Bobbitt 1984: 36).

Цель *структурного аргумента* заключается в том, чтобы «извлечь выводы из отношений, которые Конституция устанавливает между структурами, которые она создает» (Bobbitt 1984: 74). По мнению Ф. Боббитта, его востребованность связана с тем, что «Конституция устанавливает три основополагающие структуры власти: трехветвевую систему национального правительства, двухуровневую систему федерализма и отношения между гражданином и государством» (Bobbitt 1984: 230). Объясняя значение структурного аргумента в конституционном дискурсе, автор анализирует споры о распределении властных полномочий как по горизонтали, так и по вертикали, а также о допустимости наделения отдельных органов публичной власти определенными полномочиями.

Можно предположить, что выделение этого типа аргументов связано с тем, что в американской практике часто возникают конституционные споры, вытекающие из принципов разделения властей и федерализма. Однако неясно, почему апеллирование к особенностям структуры властеотношений нельзя отнести к текстуальным аргументам. В этом плане Ф. Боббитт признает, что структурный аргумент основывается на конституционном тексте, однако отмечает, что «в отличие от текстуальных аргументов, важны не те отрывки, которые прямо предоставляют полномочия или конкретные запреты, а те, которые, устанавливая определенные структуры, позволяя- ют нам определить требования к отношениям между этими структурами» (Bobbitt 1984: 80).

Далее Ф. Боббитт выделяет *этический аргумент*, «сила которого опирается на особенности американских институтов и роль в них американского народа». В рамках данного аргумента «[и]менно дух, или этос, американского государства становятся источником, из которого вытекают конкретные решения» (Bobbitt 1984: 94). При этом автор сразу оговаривает, что под этическими аргументами он не подразумевает моральные аргументы. Скорее, речь идет о конституционно значимых идеях, отражающих американский дух и к которым, в частности, относится «идея ограниченного правления, презюмирующая, что вся остаточная власть (англ. *residual authority*) принадлежит частной сфере» (Bobbitt 1991: 20). По сути, автор имеет в виду глубинные ценности, которые присущи тому или иному обществу и которые, хотя формально не закреплены в конституции, имеют фундаментальное правовое значение.

Аргумент к благоразумию, или пруденциальный аргумент (англ. *prudential argument*), представляет собой утверждение, содержащее оценку соотношения затрат и выгод, связанных с конкретным правилом. Как отмечает Ф. Боббитт, когда происходит столкновение равных конституционных ценностей, ни один текст не может заранее определить, какая из них должна иметь приоритет. В таких ситуациях «ключевым становится вопрос благоразумия, и требуется оценить необходимость действия с учетом его возможных издержек» (Bobbitt 1991: 61). Именно по этой причине в рамках пруденциального подхода важными факторами принятия решений становятся социально-политические и экономические обстоятельства.

Наконец, Ф. Боббитт выделяет *доктринальный аргумент*, имея в виду обращение к судебным прецедентам, содержащим результаты толкования Конституции (Bobbitt 1991: 18). Данный тип аргумента подтверждает при- верженность к ранее высказанным нормативным суждениям суда, которые «срослись вокруг различных конституционных положений» (Bobbitt 1984: 41), и предполагает необходимость уважения судебных предписаний, вы- несенных в установленной процедуре, как общеобязательных – до тех пор, пока они не будут надлежащим образом пересмотрены (Bobbitt 1984: 42). Исходя из этого, доктринальный подход к обоснованию конституционно-судебных решений отражает, по мнению автора, «не просто верховенство права, но и правление обоснованного, апелляционно продуцированного и письменно-мотивированного права» (Bobbitt 1984: 42). Важно подчер-

кнута, что доктринальный аргумент не только предполагает соблюдение принципа *stare decisis*, но допускает возможность, а в иной раз и требует пересмотра соответствующих прецедентов (Bobbitt 1991: 20). При этом Ф. Боббитт добавляет, что доктринальный аргумент охватывает не только судебные прецеденты, но также прецеденты других институтов, включая практику главы государства (Bobbitt 1991: 18).

Важным наблюдением Ф. Боббитта является то, что каждый тип аргументов отражает определенную конституционную модальность – то есть выражает отношение к «правильности утверждений о должном с точки зрения конституции» (Bobbitt 1991: 12). Данные конституционные модальности могут конкурировать и зачастую конкурируют друг с другом. В качестве примера такой конкуренции Ф. Боббитт приводит концепцию позитивных действий (англ. *affirmative action*). В пользу этой концепции выступает соображение о снижении негативных последствий расовой дискриминации (пруденциальный аргумент), а против – тезис о нарушении принципа равенства (текстуальный аргумент) (Bobbitt 1991: XIV).

Типология аргументов Р. Фэллона-младшего

Одним из наиболее выдающихся конституционалистов, занимавшихся типологизацией конституционных аргументов, является Р. Фэллон. Его интерес к данной теме был продиктован стремлением найти решение проблемы сопоставимости аргументов, используемых для обоснования конституционно-судебных решений (Fallon 1987: 1191-1192). Это стремление весьма похвально, поскольку вопрос о том, как аргументы определяют границы конституционно должного и как различные их типы соотносятся друг с другом, является одним из ключевых в науке конституционного права.

В своей типологии Р. Фэллон особое внимание уделяет *аргументам, основанным на конституционном тексте*, которые исходят из того, что понимание конституционных норм и принципов должно формироваться с помощью авторитетного текста. При этом если этот текст является ясным и недвусмысленным, то его одного будет достаточно для разрешения спора. Однако, когда «текст неоднозначен и расплывчат, можно обратиться к другим источникам, чтобы прояснить его значение» (Fallon 1987: 1195).

Важно отметить, что Р. Фэллон различает два типа текстуальных аргументов: *аргумент о тексте* и *аргумент к тексту*. Он пишет: «В некотором смысле все конституционные аргументы, включая, например, ссылки на прецедент и намерения создателей конституции, касаются текста и его значения» (Fallon 1987: 1195). Аргумент к тексту отличается от аргумента о тексте тем, что он направлен на извлечение нормативного смысла «через прямое обращение к понятному языку Конституции», который «требует или не допускает определенного вывода независимо от того, что можно сказать об этом выводе по другим основаниям» (Fallon 1987: 1195). Таким образом, если конституционно-судебное решение основывается исключительно на тексте конституции, то в его основе лежит аргумент к тексту.

В то же время, как отмечает Р. Фэллон, аргумент к тексту не всегда позволяет разрешить все сложные вопросы, которые возникают в рамках конституционного правосудия, и он связывает это с краткостью самой конституции.

Ко второй группе конституционных аргументов Р. Фэллон относит утверждения о намерениях авторов конституции (конституционного законодателя) (Fallon 1987: 1198). При этом, несмотря на существование многочисленных доктринальных споров относительно того, какой аргументативный вес должен придаваться конституционным намерениям, ученый признает их неоспоримую значимость в практике Верховного суда США (Fallon 1987: 1198). Он отмечает, что в некоторых случаях намерения авторов Конституции могут быть решающим фактором, а других – не играть никакой роли, даже имея непосредственное отношение к рассматриваемому спору.

Р. Фэллон отмечает, что намерения создателей конституции могут быть более и менее конкретными. С одной стороны, есть случаи, когда разработчики четко представляли, как должны решаться определенные дела. Например, к весьма конкретным можно отнести усилия по защите свободы слова. Как отмечает Р. Фэллон, авторы Первой поправки к Конституции США «преследовали четкую и осознанную цель запретить предыдущие ограничения на публикацию» (Fallon 1987: 1199), что, безусловно, предопределяет более высокий уровень конституционных ограничений для законодателя в обозначенном контексте.

Что касается абстрактных намерений, то они представляют собой цели, сформулированные «на более высоком уровне обобщения, и иногда приводят к последствиям, которые разработчики конституции не ожидали» (Fallon 1987: 1199). Например, авторы Четырнадцатой поправки к Конституции США, гарантирующей принцип равной защиты, не имели в виду отмену сегрегации в общеобразовательных учреждениях. Однако в целом они стремились к тому, чтобы градус дискриминации постепенно снижался и установился «режим, в котором белые и черные получают равную юридическую защиту» (Fallon 1987: 1199). Очевидно, что конкретные намерения имеют большее регулятивное значение, чем абстрактные рассуждения о должном и справедливом.

Третью группу аргументов составляют формирующие аргументы конституционной теории (англ. *arguments of constitutional theory*) – «суждения, касающиеся ценностей, целей и содержания государствоведческой теории, которые делают более понятными Конституцию и некоторые элементы ее языка и структуры» (Fallon 1987: 1200). Другими словами, данный тип аргументов обращается к теоретическим концепциям, которые углубляют наше понимание смысла конституционного текста.

Р. Фэллон отмечает, что аргументы конституционной теории можно разделить на несколько видов в зависимости от их масштаба. Они могут касаться как конституции в целом, так и ее отдельных положений. Целостные концепции могут объяснять саму природу конституции и затрагивать такие глобальные вопросы, как роль судов в системе разделе-

ния властей, пределы конституционного контроля и т.д. Что касается более конкретных теорий, то наиболее ярким примером является концепция рынка идей (англ. *marketplace of ideas*), с помощью которой Верховный суд США раскрывает содержание и предназначение права на свободу слова. Конечно, Первая поправка к Конституции США может быть истолкована и без использования метафоричных образов, однако это приведет к значительному снижению нормативного потенциала конституционного текста. Поэтому, как отмечает Р. Фэллон, соответствующие рассуждения должны не только объяснять смысл конституционных гарантий, дозволений и запретов, но и делать это, по его выражению, «нормативно привлекательным способом» (Fallon 1987: 1202).

Аргументы конституционной теории во многом напоминают производные конституционные нормы. Для их использования в конституционном правосудии требуется обосновать применимость конкретной теории к рассматриваемой правоприменительной ситуации с непосредственной опорой на текст конституции. Кроме того, нужно четко определиться с целью, которую преследует концептуализируемая конституционная норма. Основная сложность обращения к положениям конституционной теории заключается в том, что конституционный «текст настолько лаконичен, что он зачастую не позволяет сформулировать только одну теорию, но согласуется с несколькими» (Fallon 1987: 1201). Более того, сами теории могут носить противоречивый характер и не иметь общепринятого содержания.

Четвертая группа аргументов связана с апелляцией к прецеденту. Автор отмечает, что «конституционные споры нередко сопровождаются глубоким анализом значений судебных прецедентов» (Fallon 1987: 1203). Это обусловлено тем, что ранее принятые конституционно-судебные решения могут содержать результаты толкования конституционных положений. Поэтому их необходимо учитывать при обсуждении вопросов, связанных с границами конституционно должного. Важность этого типа аргументов обусловлена тем, что конституционно-судебное решение вносит нормативный вклад в систему действующего правового регулирования и формирует элемент правопорядка. Соответственно, в случае отхождения от содержащегося в нем предписания необходимо продемонстрировать отличия рассматриваемого дела (Fallon 1987: 1203, 1261).

В пятую группу аргументов Р. Фэллон включает ценностные аргументы (англ. *value arguments*), понимая их довольно узко лишь как «утверждения о моральной или политической значимости фактов или о нормативной желательности [определенных] результатов» (Fallon 1987: 1205). По мнению автора, ценностные аргументы позволяют определить, что является «хорошим или плохим, желательным или нежелательным в соответствии с некоторым стандартом, который не зависит от требований конституционного текста» (Fallon 1987: 1205). Однако это не означает, что ценностные аргументы приобретают автономность от конституционных стандартов правового нормирования. Скорее, они служат инструментом для извлечения нормативных смыслов из уже сконструированных конституционных положений. В качестве примеров Р. Фэллон приводит положение о надлежащей правовой

процедуре, положение о равной защите, запрет на необоснованные обыски и аресты, гарантии защиты от жестоких и необычных наказаний. Очевидно, что разные субъекты могут вкладывать в оценочные понятия неодинаковый смысл, который во многом будет диктоваться системой ценностей лица, принимающего решение (Fallon 1987: 1205).

Кроме того, автор выделяет вторую разновидность ценностных аргументов. Если первая используется «для придания конкретного смысла конституционным положениям, которые непосредственно требуют оценочных суждений», то вторая разновидность влияет на процесс принятия решений, опираясь на другие типы конституционных аргументов (Fallon 1987: 1207). В частности, при использовании аргументов конституционной теории важно учитывать теоретико-правовые взгляды судей.

Наконец, Р. Фэллон анализирует, из каких источников черпаются суждения о ценностях. К числу внешних (а потому более объективных) источников автор относит традиционную мораль, естественное право и экономическую эффективность (Fallon 1987: 1208). Также возможна ситуация, когда судья руководствуется внутренними представлениями, но это обстоятельство, как правило, особо не артикулируется (Fallon 1987: 1209).

В целом Р. Фэллон признает существование определенной иерархии между типами аргументов. По умолчанию она выстраивается именно в том порядке, в каком приведены обозначенные выше типы аргументов (Fallon 1987: 1244-1246). Вместе с тем автор отмечает, что в зависимости от контекста конкретный тип аргументов может иметь решающее значение вопреки своему месту в обозначенной иерархии (Fallon 1987: 1235-1236, 1241-1242). Кроме того, Р. Фэллон признает внутреннюю связанность ряда типов аргументов (например, текстуального аргумента и аргумента конституционной теории, текстуального аргумента и аргумента к прецеденту, текстуального аргумента и аргумента к намерениям и т.д.) (Fallon 1987: 1238-1239) и связывает качество аргументации с уровнем их сопряженности и конструктивистской последовательности (англ. *constructivist coherence*) (Fallon 1987: 1240).

Типология аргументов Д. Кеннеди

Типология аргументов, предложенная Д. Кеннеди, была разработана в контексте разрешения сложных споров, когда, среди прочего, требуется устранить пробелы, коллизии и недвусмысленности, которые присутствуют в действующем регулировании, прежде чем выносить юридическое решение посредством соотнесения права с фактами.

Д. Кеннеди выделяет две категории аргументов: *субстантивные* и *системные*.

Категория *субстантивных* аргументов включает в себя моральные аргументы, аргументы к правам, аргументы к социальному благополучию (полезности) и аргументы к ожиданиям. Категория *системных* аргументов, по мнению Д. Кеннеди, складывается из аргумента к практичности и аргумента к институциональной компетентности (Kennedy 1994: 326-329).

В своей работе Д. Кеннеди не раскрывает подробно содержание различных типов аргументов. Однако эту задачу можно решить, анализируя конкретные утверждения, которые относятся к каждому из этих типов, и выявляя основания, по которым они были классифицированы.

В качестве примера морального аргумента Д. Кеннеди приводит следующие утверждения: «нет ответственности без вины», «обещания должны соблюдаться», «истец должен позаботиться о своих собственных интересах» (Kennedy 1994: 327), «вред является ожидаемой стоимостью ведения бизнеса», «вред невинным потерпевшим должен быть компенсирован» (Kennedy 1994: 334). Данный тип аргументов направлен на обеспечение моральной обоснованности права. В основе этих суждений лежат нравственные принципы, основанные на представлениях о социальной справедливости, о добре и зле и т.д. Эти суждения, подобно правовым, имеют деонтический характер и отражают пространство должного.

Говоря об аргументах к правам, Д. Кеннеди заявляет парные конкурирующие утверждения о том, что «люди имеют право быть защищенными от (такого рода) вреда» и что «люди имеют право на свободу (такого рода) действий» (Kennedy 1994: 328). В этих утверждениях можно увидеть конкуренцию между правами, а также ценность баланса интересов и определения приоритета прав в зависимости от конкретных обстоятельств. Кроме того, приводимые автором примеры показывают, что данный аргумент может обосновывать существование того или иного права и возможность его реализации в конкретной правоприменительной ситуации (Kennedy 1994: 330).

В качестве примеров аргументов к социальному благополучию Д. Кеннеди приводит конкурирующие суждения о том, что «правовая защита результатов труда стимулирует производство» и что «правовая защита подавляет конкуренцию на рынке идей и товаров», а также о том, что «ответственность заставит лицо принять меры предосторожности» и что «ответственность будет препятствовать [социально] желательной деятельности лица» (Kennedy 1994: 328). В этих суждениях можно выделить три аспекта. Во-первых, подобные аргументы предполагают определение содержания интересов общества в целом и оценку полезности различных вариантов поведения. Во-вторых, они описывают реальные последствия, которые могут возникнуть в случае выбора конкретного регулирования. В-третьих, они носят прогностический характер и требуют дополнительного обоснования причин, по которым соответствующие прогнозы могут воплотиться в жизнь.

Что касается аргумента к ожиданиям, то, судя по приводимым примерам, он направлен на формирование доверия граждан к правовым предписаниям и удовлетворение общественных ожиданий, связанных с содержанием правового регулирования. Ожидания имеют важное значение, поскольку они непосредственно влияют на готовность соблюдать нормативные требования.

В качестве примеров аргумента к практичности Д. Кеннеди приводит, в частности, суждения о том, что «предлагаемое решение будет легко

администрировать» и что «предлагаемое решение не обладает должной гибкостью» (Kennedy 1994: 328). По сути, здесь речь идет о возможности полноценной реализации нормативного решения.

Наконец, в рубрике аргументов к институциональной компетентности Д. Кеннеди приводит такие утверждения, как «роль судов заключается в применении закона, а не в его создании», и «общее право развивается в соответствии с изменяющимися социальными условиями» (Kennedy 1994: 332). В этой же рубрике выделяется утверждение о том, что «общее право развивается в соответствии с изменяющимися социальными условиями, и только законодательная власть обладает всей необходимой информацией для принятия взвешенных решений» (Kennedy 1994: 330). Соответственно, аргумент к институциональной компетентности предполагает необходимость четкого определения полномочий различных органов, прежде всего судов *vis-à-vis* с правотворческими органами.

В целом стоит отметить, что типология аргументов Д. Кеннеди касается политико-правовой аргументации, когда существуют нормативный выбор и пространство для формирования суждений о должном. Аргументы в рамках этой типологии позволяют отдать предпочтение тому варианту нормативного решения, который в наибольшей степени отвечает ценностям, защищаемым соответствующими типами аргументов.

Типология аргументов Р. Алекси

Нужно отметить, что типология аргументов, предложенная немецким конституционалистом Р. Алекси, конструировалась в контексте юридической аргументации в целом. Это означает, что его теоретические разработки в меньшей степени учитывают особенности конституционного нормоконтроля. В то же время предложенная им типология аргументов достаточно универсальна, чтобы охватить ключевые аспекты конституционно-судебной аргументации.

Для лучшего понимания подхода Р. Алекси к конструированию типологии аргументов важно рассмотреть основные постулаты его теории юридической аргументации. В основе этой теории лежит деление обоснования на внутреннее (англ. *internal justification*) и внешнее (англ. *external justification*). Такое деление интуитивно понятно: внутреннее обоснование имеет форму простого логического силлогизма, состоящего из определенных посылок (Alexy 2011: 221-222); внешнее обоснование направлено на то, чтобы продемонстрировать состоятельность посылок, применяемых в этом силлогизме (Alexy 2011: 230).

Согласно позиции Р. Алекси, логический силлогизм является наиболее удачным воплощением принципа универсализации аргументации. По его мнению, решение юридического спора в любом случае должно основываться хотя бы на одной «универсальной норме», а также логически не противоречащих ей утверждениям.

В рамках внутреннего обоснования «универсальной нормой» можно считать любое правило поведения – правовую норму, которая, исходя

из соображений универсальности, должна применяться одинаково ко всем лицам, относящимся к одной категории. В этом контексте «универсальная норма» выступает большей посылкой логического силлогизма. Меньшей его посылкой выступает эмпирический факт о том, что какое-либо конкретное лицо относится к категории лиц, указанной в гипотезе правовой нормы.

Главную задачу внутреннего обоснования Р. Алекси усматривает в раскрытии аргументирующим лицом всех посылок, на основе которых он принимает юридическое решение (Alexy 2011: 230) (судя по всему, именно поэтому Р. Алекси описывает принципы внутреннего обоснования с использованием наглядного языка логики). В правовых рассуждениях это имеет особо важное значение и обеспечивает прозрачность аргументации, раскрытие мотивов субъекта, принимающего решение, что способствует поддержанию доверия граждан к действиям государства. При этом выявление всех посылок для принятия решения принципиально для немецкого правоведа по той причине, что каждая из посылок должна пройти процедуру внешнего обоснования.

Внешнее обоснование занимает центральное место в теории аргументации Р. Алекси. Оно позволяет определить, насколько пригодна та или иная посылка для ее использования в ходе внутреннего обоснования: является ли данная посылка правовой нормой, юридическим прецедентом, релевантным эмпирическим фактом, иным значимым соображением, или же она является продуктом произвола, которая не может быть положена в основу решения. Здесь, отмечает автор, «может возникнуть необходимость в толковании правил, определяющих критерии действительности» (Alexy 2011: 230).

Поэтому в рамках внешнего обоснования Р. Алекси формулирует правила толкования закона (позитивного права), применения прецедентов, общего практического рассуждения (по его выражению, «аргументации к разуму») и эмпирической аргументации (Alexy 2011: 231-232). Отдельно им рассматриваются специфические формы юридической аргументации (аргумент к абсурду, аргументация от противного, аргумент к прецеденту). Также особое внимание автор уделяет канонам толкования.

Р. Алекси выделяет следующие типы аргументов: семантический аргумент, генетический аргумент, исторический аргумент, сравнительный аргумент, системный аргумент и телеологический аргумент (Alexy 2011: 231-232).

Семантический аргумент сосредотачивается на уяснении смысла слов и выражений, использованных в правовой норме, отчего близок апеллированию к буквальному смыслу нормы. Автор здесь прямо указывает на значение словарей для использования этого аргумента, апелляцию к собственной лингвистической компетентности. Однако сам Р. Алекси замечает, что зачастую семантического инструментария недостаточно для принятия обоснованного решения и его использование не исключает необходимости изучения, например, намерений, которыми руководствовался законодатель, используя те или иные выражения.

Генетический аргумент удостоверяет намерение законодателя и цели, которые он преследовал на момент, когда вводил норму в правовое

регулирование. Этому аргументу созвучен *телеологический аргумент*, выделяемый Р. Алекси, однако между ними имеется существенное различие. Последний вид толкования отличается от генетического тем, что направлен на учет не реальных целей, которые законодатель преследовал при введении нормы, а тех целей, которые объективно преследовал бы рациональный субъект на месте законодателя в условиях действующего правового порядка (Alexy 2011: 241).

Исторический аргумент с позиций Р. Алекси сводится к тому, что аналогичное решение возникшей ситуации уже применялось в прошлом. В частности, исторический аргумент помогает указать на последствия принятия таких решений, которые оказались деструктивными и ныне являются нежелательными. Иными словами, исторический аргумент по Р. Алекси предостерегает от повторения неудачного опыта разрешения аналогичных или схожих правовых ситуаций. В интерпретации Р. Алекси с данным типом аргументов схож *сравнительный аргумент*: по его мнению, как и в случае с историческим аргументом, он включает в себя, по крайней мере, одну нормативную посылку, а также множество эмпирических (только имеет своим основанием положение дел не в прошлом, а в другой юрисдикции) (Alexy 2011: 239-240).

Особое значение Р. Алекси придает *системному аргументу*, который призван продемонстрировать логическую связь между различными правовыми нормами. Это важно в контексте высокой роли логических аспектов аргументации в теории Р. Алекси. Также системный аргумент может демонстрировать не только логические, но и телеологические связи между нормами, однако в таком случае он становится ближе к телеологической аргументации. Важнейшей сферой применения системного аргумента автор называет демонстрацию противоречия между нормами и возникновения коллизии (Alexy 2011: 240).

В своей теории Р. Алекси останавливается на таких проблемных вопросах юридической аргументации, как пределы применимости правовых принципов, их логическое значение, соотношение их между собой и т.д. Это имеет большое значение в рамках конституционно-судебного дискурса, где аргументация, как правило, строится на основе баланса конституционных принципов и ценностей. Наиболее важным требованием Р. Алекси к аргументации является принцип насыщенности аргументации (англ. *requirement of saturation*). Насыщенность определяется правоведом как «полное изложение причин», по которым требуется принять именно такое решение (Alexy 2011: 246). В логической плоскости это означает, что аудитории должны быть раскрыты все логические посылки заключения, с тем чтобы избежать впечатления голословности выдвигаемых утверждений.

Что касается соотношения типов аргументов между собой, Р. Алекси не исключает приоритета одних аргументов перед другими – однако при условии, что будут сформулированы рациональные правила их взвешивания (англ. *weighting rules*). Они, конечно, не претендуют на универсальность, поскольку зависят от аргументационного контекста и конкретной отрасли права (Alexy 2011: 249). В качестве общего правила Р. Алекси предлагает ис-

ходить из того, что аргументы, основанные на буквальном смысле закона и целях, преследуемых законодателем, «имеют приоритет над другими аргументами, если только не будут приведены рациональные основания для того, чтобы отдать предпочтение другим аргументам» (Alexy 2011: 249).

В целом Р. Алекси настаивает на том, что правила аргументативного дискурса должны лишь увеличивать вероятность получения «корректного, то есть рационального или разумного результата в любой дискуссии» (Alexy 2011: 248). Наряду с требованием насыщенности, требования рациональности и обоснованности выступают ключевыми критериями качества аргументации.

Типология аргументов Н. Маккормика

Весьма интересный взгляд на типологию аргументов был предложен британским правоведом Н. Маккормиком, занимавшимся проблематикой юридической аргументации на протяжении нескольких десятилетий и издавших ряд крупных монографических работ (MacCormick 1978; MacCormick 2005; MacCormick 2008). Зафиксировав, что интенсивность и разнообразие аргументативных усилий зависит от сложности разрешаемого правового вопроса, шотландский правовед предложил подразделять процесс обоснования решения на обоснование первого порядка и обоснование второго порядка (англ. *first and second order justification*). Обоснование первого порядка имеет место, когда в заданном социальном контексте имеется однозначное понимание подлежащей применению нормы, что позволяет разрешить дело путем дедуктивного умозаключения. Однако если подобная нормативная ясность отсутствует или правовое регулирование характеризуется противоречивостью, то для выстраивания успешного дедуктивного рассуждения не хватит переменных. Поэтому построению юридического силлогизма должно предшествовать конструирование необходимых посылок (здесь можно провести явные параллели с подходом Р. Алекси, который выделяет внутреннее и внешнее обоснование). Прежде всего это происходит путем решения возникших сложностей с интерпретацией, что осуществляется именно в рамках обоснования второго порядка (MacCormick 1978: 100).

Необходимость обоснования второго порядка проявляется в ситуациях, когда возникают сложности с уяснением содержания правовой нормы в конкретном контексте, имеются сомнения в ее применимости либо в принципе отсутствует применимое правило. Понятно, что при таких обстоятельствах возникает пространство для нормативного маневра: можно как создать новое правило, так и сделать выбор между конкурирующими вариантами толкования представленной нормы. И поскольку у субъекта, принимающего решение, появляются альтернативы, то для получения адекватного нормативного результата особую востребованность приобретают аргумент к последствиям, аргумент к согласованности (когерентности) и аргумент к последовательности, которые поочередно выделяются Н. Маккормиком.

Аргумент к последствиям приобретает вес в юридическом дискурсе ввиду того, что при возможности дать нормативному положению различные варианты толкования требуется – в интересах прежде всего правовой определенности – сделать выбор в пользу одного из них. И этот выбор предлагается делать, исходя из результатов сопоставления практического эффекта, к которому приводят конкурирующие варианты толкования, и сравнения их правовой ценности. Н. Маккормик признает, что аргумент к последствиям, по существу, носит оценочный характер, поскольку предполагает анализ допустимости или недопустимости тех или иных последствий (MacCormick 2005: 105). При этом критериями оценки выступают соображения справедливости и здравый смысл, а также основополагающие конституционные принципы (MacCormick 2005: 139).

Что касается типов последствий, имеющих юридическое значение и подлежащих учету, то речь идет как о конкретных фактических последствиях того или иного нормативного решения, так и о последствиях экстраполяции соответствующих правовых подходов на гипотетические дела, которые будут возникать в случае принятия того или иного нормативного решения (Sopiński 2019: 70).

В то же время, как отмечает Н. Маккормик, учета одних лишь последствий недостаточно. Поскольку юридическое толкование влечет выявление новых нормативных смыслов, должна быть обеспечена согласованность (англ. *coherence*) элементов правопорядка. Оценка степени и качества этой согласованности (связанности), по мнению Н. Маккормика, осуществляется с помощью аргумента к правовым принципам и аргумента по аналогии.

Смысл апеллирования к принципам права заключается в том, что в случае применимости какого-либо принципа «к предмету законодательного положения предпочтение следует отдавать тому толкованию законодательного положения, которое в наибольшей степени соответствует общему принципу или принципам» (MacCormick 2005: 130). Иными словами, данный аргумент требует удостовериться, что выводимое правило гармонизировано с исходными правовыми идеями и является их конкретизированным продолжением. В этом смысле общеправовые принципы становятся важным ориентиром в нахождении наиболее адекватного с правовой точки зрения нормативного решения. При этом важно иметь в виду, что обращение к правовым принципам может и не давать удовлетворительного интерпретационного результата, поскольку применимыми могут оказаться два или несколько конкурирующих принципов. В такой ситуации, как ни странно, требуется вновь привлечь аргументы к последствиям, с тем чтобы посредством артикулирования и взвешивания утилитарных соображений сформулировать нормативное решение, которое в наибольшей степени отвечает всем релевантным принципам.

Что касается *аргумента к аналогии*, то здесь согласованность (связанность) правовых предписаний обеспечивается за счет того, что с его помощью определяется необходимость распространения имеющегося правила на пока неурегулированные отношения (в том числе ввиду схожести фактов, при наличии которых это правило применяется), что позволяет избежать

необоснованной дифференциации в правовом регулировании (MacCormick 1978: 192). Здесь принципиально важно отметить, что, согласно Н. Маккормику, обоснование нормативного решения должно отвечать требованиям универсализации (MacCormick 2005: 97-98), а потому любые исключения из обосновываемого правила требуют дополнительного обоснования (приведения объективных оснований для различения).

Наконец, Н. Маккормик выделяет *аргумент к последовательности*, отмечая, что успешные аргументативные усилия должны в конечном счете приводить к выстраиванию непротиворечивой системы правовых предписаний. Это означает, что перед формулированием нормативного положения важно понимать содержание действующих правовых норм во избежание появления конфликтующих правовых предписаний (MacCormick 1978: 196).

В целом отличие аргумента к последовательности от аргумента к согласованности в смысле когерентности состоит в том, что последний аргумент предполагает обеспечение соответствия конструируемого предписания общим принципам, то есть нормативным положениям общего характера, в то время как первый аргумент требует обеспечения его гармонизации со всей совокупностью правовых предписаний.

В последующем Н. Маккормик разработал и представил полноценную типологию аргументации, выделив три категории интерпретативных аргументов.

Первую категорию составляют *лингвистические аргументы*, «которые апеллируют к самому лингвистическому контексту как источнику доводов в пользу того или иного толкования». Речь идет об апелляции к «простому значению» слов (англ. *plain meaning*), используемых в «обычном языке» (MacCormick 2005: 125). Объясняя, отчего по общему правилу необходимо апеллировать именно к обычному значению использованных слов и выражений, автор отмечает, что правотворческий орган обязан использовать «настолько понятный для граждан язык, насколько это возможно», с тем чтобы «предотвратить ретроактивное приращение судьями действующим законодательным актам нового смысла» и «обеспечить фундаментальный принцип справедливости» (MacCormick 2005: 126).

Вторую категорию составляют *системные аргументы*. Она подразумевает «рассмотрение правовой системы как особого контекста авторитетного текста, с тем чтобы понять, как лучше всего осмыслить его [авторитетный текст] в этом контексте» (MacCormick 2005: 124). Важность выделения данной категории аргументов продиктована тем, что правопорядок складывается из сложной иерархической системы нормативных предписаний, образующих самостоятельный контекст и которая должна отвечать требованиям последовательности и согласованности ее элементов. По мнению Н. Маккормика, обеспечение такого качества правопорядка осуществляется путем апеллирования к шести видам аргументов: аргументу к контекстуальной гармонизации, аргументу к прецеденту, аргументу по аналогии, концептуальному аргументу, аргументу к общим принципам и историческому аргументу (MacCormick 2005: 128-132). Их целесообразно рассмотреть отдельно.

Аргумент к контекстуальной гармонизации (англ. *argument from contextual harmonization*) означает, что нормативные положения всегда должны помещаться в общий регулятивный контекст и «любые спорные правила следует толковать в свете всего статута или совокупности связанных с ним нормативных актов» (MacCormick 2005: 128). При этом, судя по приводимым автором примерам, правовой контекст, на фоне которого должно определяться смысловое содержание спорного правила, образуют не только действующие нормативные предписания, но и ранее действовавшее регулирование (MacCormick 2005: 128). Это вполне разумно, поскольку имевшиеся нормативные предписания позволяют определять тенденции правового регулирования и степень последовательности правотворческих органов, что особенно важно для достижения целей конституционного правосудия.

Аргумент к прецеденту предполагает, что «если законодательное положение ранее подвергалось судебному толкованию, оно должно быть истолковано в соответствии с толкованием, данным ему другими судами» (MacCormick 2005: 128). Признавая, что в разных правовых порядках судебное толкование имеет разный нормативный вес (в одних выступает самостоятельным источником права, в других – лишь источником аргументации), Н. Маккормик отмечает, что стремление учитывать судебное толкование имеет общее объяснение: последовательная реализация нормативного положения, согласно приданному ранее судебному толкованию, позволяет обеспечить справедливость, равноправие и должный уровень правовой определенности, а также необходимую «экономия усилий» судей и юристов (MacCormick 2005: 143-144).

Аргумент по аналогии востребован в связи с тем, что он также обеспечивает реализацию обозначенных правовых ценностей. В этом смысле аналогия является обратной стороной медали последовательности и важна для обеспечения равноправия и применения одинаковых правил к схожим отношениям (MacCormick 2005: 129).

Далее Н. Маккормик выделяет *концептуальный аргумент*, отмечая, что в правовых системах, на которые сильное влияние оказали труды Ф.К. Савиньи, данный аргумент известен как логический аргумент (MacCormick 2005: 130). Его суть в том, что «если при формулировании законодательного положения используется какая-либо признанная и доктринально разработанная общеправовая концепция, ее следует интерпретировать таким образом, чтобы обеспечить последовательное использование этой концепции во всей системе как целом» (MacCormick 2005: 130). Понятно, что здесь может быть определенная автономность понятий в зависимости от отраслевой принадлежности, а также от принадлежности юрисдикции к конкретной правовой традиции.

Кроме того, автор выделяет *аргумент к общим принципам*, который, как уже отмечалось, означает необходимость толковать нормативное положение так, чтобы обеспечить наибольшие соответствие и согласованность предписания с этими принципами (MacCormick 2005: 130). *Исторический аргумент* подразумевает, что нормативное положение «должно толковаться

таким образом, чтобы его применение в конкретных случаях соответствовало исторически сложившемуся пониманию сути и цели» закрепившего его документа (MacCormick 2005: 130-131).

Очевидно, что все приведенные виды системных аргументов объединяет стремление обеспечить общую слаженность (согласованность) правового регулирования.

Наконец, третью категорию интерпретативных аргументов составляют *телеолого-оценочные аргументы* (англ. *teleological-evaluative arguments*), предполагающие уяснение смысла нормативных положений исходя из целей, которые они преследуют (MacCormick 2005: 124). Действительно, как справедливо указывает Н. Маккормик, правотворческие акты «не появляются случайным образом» и, как правило, направлены на исправление «существующего дефекта в праве» для искоренения определенного зла (MacCormick 2005: 132).

При этом любопытно, что за рамки трех обозначенных категорий Н. Маккормик выводит *аргумент к правотворческим намерениям* и характеризует его как транскатегориальный тип аргументов. Такой подход вполне оправдан с учетом того, что содержание правотворческих намерений может выводиться путем анализа и лингвистических особенностей представленного нормативного текста, специфики использованной терминологии в правовом контексте, и содержания «целей и ценностей, которые должны быть реализованы посредством законодательства» (MacCormick 2005: 125).

Типология аргументов У. Хуна

Интересная типология была предложена У. Хуном, который выделяет пять типов аргументов: аргумент к тексту, аргумент к намерениям, аргумент к прецеденту, аргумент к традициям и политико-правовой аргумент. Следует отметить, что У. Хун не вкладывает в первые три типа аргументов какого-либо особого содержания, которое отличалось бы от общепринятого понимания. Поэтому есть смысл сосредоточиться на последних двух – *традиции* и *политико-правовых соображениях* (англ. *policy*).

Раскрывая юридическую значимость традиций для американского правопорядка, У. Хун отмечает, что «общее право не подразумевало инкорпорирование мудрейших или самых просвещенных социальных практик. Вместо этого оно отражало обычаи людей и традиции общества» (Huhn 2014: ch. 6, para 1). В юридическом дискурсе данный тип аргумента используется прежде всего для того, чтобы выявить и определить степень укорененности того или иного права в обществе. У. Хун приводит примеры, когда со ссылкой на это соображение отвергались попытки добиться придания конституционного статуса однополым отношениям, праву на получение помощи в самоубийстве и т.д. (Huhn 2014: ch. 6, para 2). Автор также приводит примеры, когда утверждения о традициях становились фактором, влияющим на решение вопросов федерализма и определение конституционных полномочий должностных лиц, в частности президента США (Huhn 2014: ch. 6, para 3-6).

Главный вопрос, который возникает, – можно ли рассматривать традиции в качестве состоятельного фактора, выражающего конституционную модальность? Примеры, приводимые У. Хуном, показывают, что юридическая значимость учета традиции все равно основывается на конституционном тексте. Действительно, важность традиций для конституционного нормоконтроля стала очевидной только после того, как Верховный суд США, опираясь на системное толкование конституционных норм, указал, что для признания какого-либо права основным оно, среди прочего, должно быть «укорененным в традиции и сознании народа»¹.

В то же время нужно признать, что в некоторых правовых сферах традиции могут иметь важное юридическое значение, выступая стандартом и правовым основанием принятия правоприменительных решений, примеров чего достаточно много на практике (Huhn 2014: ch. 6, para 7-11).

Выделяя политико-правовые аргументы, У. Хун отмечает, что их отличительной чертой выступает консеквенциалистская природа: «[Е]сли первые четыре типа аргументов апеллируют к [самим по себе] авторитетным источникам», то политико-правовой аргумент во главу угла ставит достижение «определенного положения дел», приемлемого и желательного с правовой точки зрения (Huhn 2014: ch. 7, para 1). В этом смысле «аргументы к тексту, намерениям, прецеденту и традициям главным образом ищут указания в прошлом, тогда как политико-правовые аргументы ищут подтверждение в будущем» (Huhn 2014: ch. 7, para 1).

Обращаясь к истории развития политико-правового подхода к юридической аргументации, У. Хун прослеживает генезис политико-правового анализа как практики и обнаруживает ее тесную связь с античной телеологией, британской школой утилитаризма и американской школой прагматизма (Huhn 2014: ch. 7, para 7-8). Кроме того, он исследует внедрение политико-правовых соображений как явления в юридический дискурс, а также какую роль в этом сыграли представители правового реализма. В целом заслуживает поддержки вывод о том, что легитимация данного типа аргументов в юридическом дискурсе была обусловлена стремлением преодолеть недостатки правового формализма и четче артикулировать реальные причины, побуждающие принимать те или иные нормативные решения в рамках судебной деятельности (Huhn 2014: ch. 7, para 14-29).

Далее автор исследует структуру политико-правового аргумента и отмечает, что политико-правовой анализ осуществляется в два этапа. На первом этапе формулируется прогностическое утверждение (как правило, посредством описания последствий того или иного толкования нормативного положения), на втором этапе это утверждение сопровождается соответствующей оценкой (Huhn 2014: ch. 7, para 30).

Сложности первого этапа, по мнению У. Хуна, связаны прежде всего с тем, что речь идет о фактических утверждениях, которые касаются не просто спорящих сторон, а затрагивают более широкий контекст. Неслучайно

¹ U.S. Supreme Court. *Palko v. Connecticut*. 302 U.S. 319 (December 6, 1937). United States Supreme Court Reports. 1937. Vol. 302. P. 503 (Huhn 2014: ch. 6, para 2).

автор дает подробное описание так называемым законодательным фактам (англ. *legislative facts*) (Чирнинов 2017: 96-99), обозначает ключевые отличия от судебных фактов (англ. *adjudicative facts*), и указывает на особенности их установления, в том числе путем обращения к правилам о судебной осведомленности (англ. *judicial notice*) (Huhn 2014: ch. 7, para 31-37).

Сложности второго этапа заключаются в том, что порой бывает крайне трудно определить, какой правовой эффект является наиболее желательным. Среди прочего, это может быть следствием того, что право преследует конкурирующие цели, а потому требуется отдавать предпочтение той или иной ценности в зависимости от контекста (Huhn 2014: ch. 7, para 41).

Основной вклад У. Хуна в теорию юридической аргументации состоит в том, что он обозначил требования к конструированию убедительных аргументов, рассмотрел ситуации конкуренции разных типов аргументов между собой и обобщил наиболее часто встречающиеся способы атаки на них. Это позволило увидеть, какие факторы влияют на весомость аргумента конкретного типа и насколько контекстуально зависимым является процесс аргументации в целом.

Типология аргументов А. Якаба

Одним из ведущих специалистов в области конституционно-судебной аргументации является венгерский правовед А. Якаб. Проанализировав и обобщив практику обоснования решений европейских конституционных судов, он предложил свою типологию конституционных аргументов. В ее основе лежит различие между аргументацией и толкованием. Автор подчеркивает, что обоснование конкретного смысла конституционных положений всегда сопровождается приведением аргументов в пользу того или иного варианта толкования. В то же время он отмечает, что конкретные конституционно-судебные решения могут основываться на аргументах, не предполагающих уяснения и разъяснения смысла нормативных положений. Исходя из этого, автор делит конституционные аргументы на *интерпретативные* и *неинтерпретационные*. Если к первой группе относятся утверждения, которые помогают понять содержание нормативного текста, то вторая группа аргументов включает аргументы по аналогии, а также доводы, (1) касающиеся определения действительного текста конституции и (2) его применимости в конкретных ситуациях (Jakab 2013: 1219-1224).

Как отмечалось, А. Якаб относит аргумент по аналогии к аргументам неинтерпретационного характера. Он утверждает, что конституционная норма могла вовсе не предполагаться к применению к спорным отношениям, однако в свете фундаментальных принципов ее применение становится конституционно необходимым. «Аналогия – это не метод толкования, а скорее способ применения правила, которое, конечно, тоже должно быть истолковано для того, чтобы его можно было использовать, но которое на самом деле не распространяется на конкретный случай» (Jakab 2013: 1221). В такой парадигме обоснование аналогичности, безусловно, требует

не выявления смысла конституционной нормы, а демонстрации причин, почему ее стоит применять в конкретной ситуации.

Вторую группу аргументов, не связанных с толкованием, составляют аргументы, касающиеся установления действительного текста конституции. Под ними А. Якаб подразумевает доводы, позволяющие определить, какая конституция является действующей. Подобные вопросы могут возникать, например, в период смены режимов, а также при оценке юридической силы конституционных поправок (Jakab 2013: 1222).

Наконец, третья группа аргументов неинтерпретационного характера связана с обоснованием неприменимости конституционных положений. Это может быть обусловлено чрезмерной политизированностью поднимаемого вопроса (Jakab 2013: 1221; Чирнинов 2020) или же экстраординарностью чрезвычайного положения. При этом автор уточняет, что в последнем случае речь идет лишь о ситуациях, когда под угрозой находится само существование государства. Если же необходимо применять конституционные нормы о чрезвычайном положении, то аргументы, безусловно, будут интерпретационными (Jakab 2013: 1222-1223). Отнесение аргумента о неприменимости конституционных положений к разряду неинтерпретационных аргументов можно признать обоснованным, поскольку он связан с решением вопроса, который действительно предшествует деятельности по толкованию.

Говоря об интерпретативных аргументах, А. Якаб выделяет четыре основных их типа: лингвистические (грамматические, текстуальные) аргументы, системные аргументы, оценочные аргументы и доктринальные аргументы, в том числе сравнительно-правовые (Jakab 2013: 1254).

Применительно к лингвистическим аргументам автор отмечает, что «данный метод часто используется, когда конституционный суд желает решить вопрос без обращения к другим методам» (Jakab 2013: 1231) – с опорой лишь на имеющийся нормативный текст.

Под системными аргументами понимаются аргументы, которые формируют правовой контекст. К таковым А. Якаб относит прежде всего контекстно-гармонизирующие аргументы, суть которых в том, чтобы выводить смысл конституционных норм через «обращение к другим правовым нормам» того же порядка, учитывая в том числе заголовки и названия разделов (глав) конституции (Jakab 2013: 1231). К данному типу аргументов также относятся суждения, увязывающие необходимость толковать конституционные нормы в свете базовых положений конституции (основ конституционного строя), а также принципов и норм международного права (Jakab 2013: 1233-1234). Определяя легитимирующее основание данного типа аргументов, автор упоминает выработанные в доктрине немецкого конституционного права принцип единства конституции (нем. *prinzip der Einheit der Verfassung*), предполагающий необходимость толкования одних конституционных положений в соответствии с другими таковыми, и принцип практического соответствия (нем. *praktische Konkordanz*), который означает, что «конкуренция между общими положениями (принципами) должна разрешаться путем практического примирения, то есть нахождения

компромисса, а не по принципу “все или ничего”» (Jakab 2013: 1234). Также в контексте перечислений, содержащихся в конституциях, автор упоминает, среди прочего, принцип *noscitur a sociis* (неизвестное может быть познано через обращение к сопутствующему) и принцип *eiusdem generis* (правило подобия), а также принцип строгого толкования исключений (лат. *exceptio est strictissimae interpretationis*) (Jakab 2013: 1234).

В категорию системных аргументов А. Якаб также включает ссылки на конституционно-судебные решения, в которых содержатся результаты толкования конституции. Признавая, что степень приверженности к ранее принятым конституционно-судебным решениям варьируется в зависимости от принадлежности к той или иной правовой традиции, автор тем не менее учитывает их по соображениям равенства («аналогичные дела должны разрешаться аналогичным образом») и правовой определенности («граждане должны иметь возможность доверять стабильности правовой системы и [ожидать], что конституционный суд отменит свое предыдущее решение только в том случае, если на то будут веские причины») (Jakab 2013: 1236).

Ценным наблюдением венгерского правоведа является то, что в контексте конституционного нормоконтроля нужно различать полноценные решения, которые подробно раскрывают содержание конституционных положений, и решения, которые приняты *per incuriam* без детального анализа правовой проблемы (Jakab 2013: 1236). Как нетрудно догадаться, аргументативная ценность последних весьма посредственна, и это обстоятельство имеет важное значение с точки зрения реализации немонотонности конституционно-судебной аргументации (Чирнинов 2023).

Помимо контекстно-гармонизирующих аргументов и аргументов к прецеденту, А. Якаб выделяет *толкование конституции в свете доктринальных концепций и принципов* (Jakab 2013: 1239). Здесь он сразу оговаривает, что для методологической корректности важно, чтобы соответствующие концепции были нормативно закреплены в конституции. Суть данного аргументативного подхода заключается в раскрытии юридического содержания использованных в конституции понятий с опорой на доктринальные разработки (Jakab 2013: 1240).

Завершает категорию системных аргументов «лингвистико-логические формулы, основанные на [конституционном] умолчании» (Jakab 2013: 1240). Характерной особенностью соответствующих рассуждений является апеллирование не к тексту, а скорее к особенностям использованных формулировок и отсутствию предписаний конкретного рода. В качестве правовых принципов, легитимирующих данный тип аргументов, А. Якаб выделяет такие принципы, как *expressio unius exclusio alterius* (выражение одного означает исключение другого), *qui de uno dicet, de altero negat* (утверждение одного означает отказ от другого) и др. (Jakab 2013: 1240).

Другую крупную группу аргументов формируют *оценочные аргументы*. Причиной для объединения аргументов в данную группу выступает то, что своим основанием они имеют суждения, выходящие за пределы правового контекста и которые «отсылают не к самому правовому положению или его правовому контексту, а к его субъективному и объективному намерению или

цели, или даже, надо отметить, к неправовым, то есть моральным, социологическим или экономическим, соображениям» (Jakab 2013: 1241). А. Якаб справедливо отмечает, что аргументы, относящиеся к данной группе, содержат «более очевидные оценочные элементы, нежели две предыдущие группы [аргументов]» (Jakab 2013: 1241).

Объективно-телеологические аргументы выводят конкретное понимание конституционной нормы через тезис о том, что это понимание «корреспондирует объективной цели данной нормы». Как указывает А. Якаб, «объективная цель может выводиться напрямую из текста, то есть из его заглавия или преамбулы, или косвенно на его основе, исходя из предполагаемого намерения абстрактного автора». При этом в разных правовых порядках данный тип аргументов получает легитимацию через соответствующие методы толкования: в немецком праве – с помощью объективно-телеологического толкования (нем. *objektiv-teleologische Auslegung*), в странах общего права – посредством целевого толкования (англ. *purposive interpretation*), а во французском праве – с применением телеологического метода (фр. *méthode téléologique*) (Jakab 2013: 1241).

Субъективно-телеологические аргументы подразумевают апеллирование к намерениям конституционного законодателя путем обращения к подготовительным материалам разработки конституции. При этом данный тип аргументов может быть подразделен на два подтипа. С одной стороны, речь может идти о первоначальных намерениях, которые имелись в конкретный исторический момент, когда принималась конституция. С другой стороны, речь может идти о том, что мог бы сказать конституционный законодатель в изменившихся социально-исторических условиях (Jakab 2013: 1246).

Завершают группу оценочных аргументов *субстантивные аргументы*, когда для выявления смысла конституционных положений осуществляется обращение к неправовым (моральным, социологическим, экономическим) доводам (Jakab 2013: 1250). Как отмечает автор, подобные аргументы востребованы в «делах, связанных с довольно абстрактными общими или абстрактными ценностно-нагруженными положениями», когда «другие аргументы не помогают или когда они приводят к противоречивым выводам, и нужно сделать выбор» (Jakab 2013: 1250).

А. Якаб также выделяет сравнительно-правовые аргументы. Помимо упоминания положения Конституции ЮАР, позволяющего в целях конституционного контроля учитывать зарубежный опыт, автор обобщает причины неуклонного роста популярности данной формы аргумента: глобализация, появление международных судов, где происходит взаимопроникновение правовых культур, и восприятие роли судей как защитников ценностей конституционализма (Jakab 2013: 1253). К сложностям использования подобных аргументов он относит проблему легитимности, а также методологическую проблему, связанную с пригодностью тех или иных подходов ввиду различий в социальных контекстах разных государств (Jakab 2013: 1253).

3. Наблюдения относительно представленных типологий аргументов в контексте конституционного правосудия

Очевидно, что ни одна типология аргументов не может быть исчерпывающей. Задача любой типологии – представить наиболее важные явления в определенной области. В данном случае следует говорить о типах аргументов, которые наиболее часто встречаются в конституционном дискурсе и оказывают значительное влияние на формирование суждений о конституционности. Примечательно, что проанализированные типологии, несмотря на различия в акцентах и названиях, во многом совпадают. Их объединяет то, что юридические аргументы используются для рассуждений о должном, то есть направлены на выявление смыслов, заложенных в нормативных текстах.

Оценивая, насколько выделенные типы аргументов подходят конституционному правосудию, важно помнить, что их главная цель – помочь определить, какого рода суждения легитимны для конституционного дискурса и могут быть использованы в качестве исходных пунктов конституционно-судебной аргументации. В этом контексте каждый тип аргументов становится инструментом для выражения соответствующей конституционной модальности и защиты ценностей, на которых она основывается.

Теперь можно проанализировать, насколько обоснованно авторы выделяют отдельные типы аргументов, и оценить, насколько они пригодны для конституционно-судебного контроля. Это позволит выделить типологию аргументов в конституционном правосудии и подготовить почву для дальнейшего изучения феномена аргументативных операций и разработки критериев оценки конституционно-судебной аргументации.

Применительно к типологии конституционных аргументов Ф. Боббитта следует отметить, что автор внес значительный вклад в развитие теории конституционно-судебной аргументации. Его типология получила широкое распространение в юридической доктрине и стала основой для дальнейших исследований в этой области юридической аргументации. Однако, как и любая другая авторская работа, предложенная типология не лишена некоторых недостатков.

Прежде всего, представляется излишним выделение структурного аргумента, по крайней мере в том смысле, в каком его выделяет Ф. Боббитт. Поскольку принципы федерализма и разделения властей закреплены в виде текста, можно уверенно утверждать, что данный тип аргументов, по сути, охватывается текстуальным аргументом. Это справедливо и в ситуациях, когда необходимо соотносить между собой различные конституционные положения, разграничивающие предметы ведения и полномочия, а также соответствующие положения из разных глав и разделов конституции. Более того, многие конституционные споры, касающиеся распределения полномочий между различными властными структурами, требуют обращения к соображениям последовательности, что предполагает оперирование другим самостоятельным типом аргументов (аргументом к последовательности).

Также представляется необоснованным выделение в типологии А. Якаба умолчания как формы аргумента. По сути, умолчание представляет собой способ выражения мысли через отсутствие текста. Установление наличия квалифицированного умолчания всегда требует обращения к другим нормативным документам, а потому умолчание также должно рассматриваться в рамках текстуального аргумента. Кроме того, важно учитывать, что умолчание может выражать правотворческую волю и выступать в качестве интенционального аргумента. Такие же рассуждения о принадлежности к категории текстуального аргумента справедливы и для концептуального аргумента Н. Маккормика, поскольку соответствующие понятия приобретают свое конституирующее значение именно благодаря закреплению в основном законе.

Дискуссионным представляется выделение исторического аргумента. Многие авторы вкладывают в него смысл, выходящий за рамки суждений о намерениях тех, кто разрабатывал и принимал конституцию. В частности, они подразумевают суждения о социально-исторических условиях, в которых принимался тот или иной акт. Между тем релевантный контекст должен анализироваться и определяться в непосредственной связи с текстуальным аргументом. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, фактические обстоятельства обретают свойство относимости именно благодаря нормативным текстам. С другой стороны, конкретные нормативные предписания всегда являются реакцией на необходимость упорядочить общественные отношения, которые складываются в конкретных социально-исторических условиях. Кроме того, как известно, недопустимо какой бы то ни было текст толковать в отрыве от контекста. К слову, по этой причине этические аргументы, к числу которых Ф. Боббитт относит особый дух народа, также будут формировать контекст, обязательный для учета при толковании конституционного текста.

Также стоит отметить, что под историческим аргументом нередко понимаются суждения, описывающие ранее существовавший нормативный контекст (см. подход Р. Алекси). Однако в разрезе конституционного нормоконтроля, по-видимому, уместнее говорить об аргументе к последовательности, поскольку содержание ранее действовавшего права необходимо в первую очередь для оценки степени последовательности или хаотичности действий правотворческих органов, определения нормотворческих приоритетов и т.д.

Таким образом, после проведенной редукции остается компонент, связанный с правотворческими намерениями. Поэтому можно поддержать терминологический выбор Р. Фэллона, который выделяет именно аргумент к намерениям. Для целей конституционного правосудия его можно назвать интенциональным аргументом, подчеркивая значимость как конституционных, так и правотворческих намерений для проверки конституционности нормативных положений.

Типологии аргументов Р. Фэллона и А. Якаба объединяет то, что оба автора выделяют аргументы, основанные на юридической теории, полагая, что конституционные положения необходимо толковать в свете соответ-

ствующих правовых понятий, концепций, конструкций и доктрин. Однако для целей конституционного нормоконтроля выделение данного типа аргументов не совсем оправдано, так как обращение к теоретическим разработкам все равно предполагает опору на нормативный текст. Кроме того, обращение к этим разработкам становится возможным лишь потому, что соответствующие понятия и концепции закреплены в тексте конституции. Использование же теоретических постулатов в отсутствие соответствующих конституционных положений фактически означало бы осуществление органом конституционного правосудия конституционного правотворчества, на что он, разумеется, не уполномочен.

Крайне полезным является выделение аргумента к институциональной компетентности. Особенно учитывая, что в силу доктрины *competence-competence* органы конституционного правосудия во многом сами определяют границы своих полномочий. Выделение Д. Кеннеди такого типа аргументов согласуется с подходом А. Якаба, который обозначает аргумент, позволяющий обосновывать неприменимость конституционных положений из-за чрезмерной политизированности рассматриваемого вопроса (Jakab 2013: 1222), а также с подходом Ф. Боббитта, который отмечает, что посредством аргумента к благоразумию определяется полномочность органа конституционного правосудия рассматривать дело (Bobbitt 1991: 63). Ввиду своей многогранности и неинтерпретационной природы данный вид аргумента, безусловно, требует отдельного внимания и анализа (Чирнинов 2020).

Также представляется целесообразным отказ от выделения традиционного аргумента. В контексте конституционного нормоконтроля значимость соответствующих соображений определяется прежде всего с опорой на текстуальный и интенциональный аргументы. Очевидно, что сами по себе размышления о традициях не являются достаточным основанием для принятия конституционно-судебных решений: они приобретают свой аргументативный вес благодаря конституционным положениям, через которые традиции, по меткому выражению Ф. Боббитта, канализируются в правовое регулирование (Bobbitt 1984: 36). Кроме того, традиции могут формировать соответствующий социальный контекст, который может учитываться при оценке эффективности того или иного регулирования в свете существующих традиций. Подобные рассуждения справедливы и в отношении ценностного аргумента Р. Фэллона в части наполнения оценочных понятий, содержащихся в конституции, конкретным смыслом.

Также излишне выделение системного аргумента, по крайней мере, в том виде, в каком его описывает Н. Маккормик. По своей сути, он вполне укладывается в рамки текстуального анализа, особенно когда речь заходит о соотношении различных правовых предписаний в рамках одного или нескольких нормативных актов, о выявлении общих и частных нормативных положений и т.д. Очевидно, что соотношение исследуемых правовых норм можно объяснить с помощью текстуального аргумента. Кроме того, свойство системности права во многом обеспечивается за счет аргументации, которая апеллирует к последовательности.

В связи с этим представляется целесообразным выделять аргумент к последовательности. Как показывает анализ дискурса, данный тип аргументов охватывает широкий спектр рассуждений. Он включает в себя уважение прецедентных начал права и постоянства судебной практики (англ. *jurisprudence constante*), использование аналогии, применение контекстно-гармонизирующих суждений и соблюдение правомерных ожиданий. Сюда также можно отнести рассуждения о ранее действовавших нормативных актах, анализ которых помогает понять вектор и тенденции правового регулирования. Сюда же хорошо вписываются сами системные аргументы. Как убедительно показал Н. Маккормик, основная цель системных аргументов, направленных на обозначение правового контекста, заключается в обеспечении последовательности в праве. Поэтому логичнее относить этот вид аргумента к аргументу к последовательности.

Наконец, заслуживает внимания прагматический аргумент. Почти все рассмотренные типологии содержат элементы, которые отдают предпочтение определенному пониманию нормы, исходя из соображений ее правовой эффективности. Например, в типологии Н. Маккормика присутствует аргумент к последствиям, в типологии А. Якаба – субстантивный аргумент, в типологии Р. Фэллона – ценностный аргумент, в типологии Д. Кеннеди – аргумент к социальному благополучию и аргумент к практичности, в типологии Ф. Боббитта – аргумент к благоразумию, а в типологии Р. Хуна – политико-правовые аргументы. Выбор термина «прагматический» подчеркивает, что данный аргумент акцентирует внимание на конституционной полезности правового регулирования и необходимости поиска наиболее действенного с точки зрения конституции варианта толкования нормы.

С учетом изложенного для дальнейшего предметного анализа проблем, связанных с конституционно-судебной аргументацией, можно выделить четыре основных типа конституционных аргументов: текстуальный аргумент, интенциональный аргумент, аргумент к последовательности и прагматический аргумент.

Заключение

Каждый тип аргументов тесно связан с определенной конституционной модальностью и служит для извлечения нормативных смыслов из конституционных положений. Поскольку аргументы отражают и отстаивают определенные ценности, их значимость зависит не только от социального и юридического контекста, в котором оценивается конституционность правовой нормы, но и от того, какие ценности являются приоритетными для судей и каких юридико-методологических установок они придерживаются. Это важно учитывать при выборе аргументов и опровержении в первоочередном порядке наиболее весомых доводов, представленных противоположной стороной.

Правильная типологизация аргументов необходима для обеспечения легитимности конституционного правосудия и наиболее полного раскры-

тия нормативного потенциала конституционного текста. Хотя сами по себе типологии не определяют силу аргументов, они предоставляют набор аргументов, которые можно сравнивать друг с другом в различных нормативных контекстах.

Тщательно разработанные типологии аргументов представляют собой мощный инструмент для понимания динамики аргументативных споров. Они позволяют нам взглянуть на процесс аргументации как на процесс принятия решений. Анализируя, почему в одних ситуациях один тип аргументов оказывается более весомым, а в других – другой, можно выявить наиболее эффективные методы противодействия каждому из них. Понимание методологических принципов, регулирующих конкуренцию между различными типами аргументов в конкретных нормативных контекстах, значительно облегчает выбор эффективных стратегий для аргументации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лисанюк Е.Н. (ред.) 2018. Аргументация в праве и морали: колл. моногр. / под ред. Е.Н. Лисанюк. Санкт-Петербург : Издат. дом «Алеф-Пресс». 521 с.

Чирнинов А.М. 2017. Нельзя объять необъятное: предмет доказывания в конституционном судебном процессе (на примере России и США) // Сравнительное конституционное обозрение. № 3(118). С. 91–112. DOI 10.21128/1812-7126-2017-3-91-112.

Чирнинов А.М. 2020. Разрешение политических вопросов средствами конституционного правосудия: исходные пункты аргументации в сравнительно-правовой перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. № 4(137). С. 55–79. DOI 10.21128/1812-7126-2020-4-55-79.

Чирнинов А.М. 2022. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. № 3(148). С. 33–61. DOI 10.21128/1812-7126-2022-3-33-61.

Чирнинов А.М. 2023. «У Бога добавки не просят?» Немонотонность конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. № 5(156). С. 58–80. DOI 10.21128/1812-7126-2023-5-58-80.

Alexy R. 2011. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification. Oxford : Oxford Univ. Press. 352 p.

Bobbitt Ph. 1984. Constitutional Fate: Theory of the Constitution. New York : Oxford Univ. Press. 304 p.

Bobbitt Ph. 1991. Constitutional Interpretation. Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA : B. Blackwell. 228 p.

Fallon Jr R.H. 1987. A Constructivist Coherence Theory of Constitutional Interpretation // Harvard Law Review. Vol. 100, № 6. P. 1189–1286.

Huhn W. 2014. The Five Types of Legal Argument. 3rd ed. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press. 248 p.

Jakab A. 2013. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective // German Law Journal. Vol. 14, № 8. P. 1215–1275. DOI <https://doi.org/10.1017/S207183220000225X>.

Kennedy D. 1994. A Semiotics of Legal Argument // Collected Courses of the Academy of European Law. Vol. 3, b. 2. P. 309–365.

MacCormick N. 1978. *Legal Reasoning and Legal Theory*. Oxford : Clarendon Press. 322 p.

MacCormick N. 2005. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford : Oxford Univ. Press. 304 p.

MacCormick N. 2008. *Practical Reason in Law and Morality*. Oxford : Oxford Univ. Press. 240 p.

Sopiński M. 2019. Neil McCormick's Theory of Legal Reasoning and Its Evolution // *Journal of the Polish Section of IVR*. Vol. 19, № 1. P. 63–78. <https://doi.org/10.36280/AFPiFS.2019.1.63ENG>.

References

Alexy R. *A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2011, 352 p.

Bobbitt Ph. *Constitutional Fate: Theory of the Constitution*, New York, Oxford Univ. Press, 1984, 304 p.

Bobbitt Ph. *Constitutional Interpretation*, Oxford, UK, Cambridge, Mass., USA, B. Blackwell, 1991, 228 p.

Chirninov A.M. “Should One Not Ask God for More?": The Non-Monotonicity of Constitutional Argumentation, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2023, no. 5, pp. 58–80. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-5-58-80> (in Russ.).

Chirninov A.M. Embracing the Unembraceable: Facts at Issue in Russian and American Constitutional Litigation, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2017, no. 3, pp. 91–112. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-3-91-112> (in Russ.).

Chirninov A.M. When Political Questions and Constitutional Justice Meet: The Starting Points of Argumentation in A Comparative Perspective, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2020, no. 4, pp. 55–79. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-4-55-79> (in Russ.).

Chirninov A.M. In Search of Relevant Arguments: The Structure of Constitutional Court Argumentation, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2022, no. 3, pp. 33–61. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-3-33-61> (in Russ.).

Fallon Jr R.H. A Constructivist Coherence Theory of Constitutional Interpretation, *Harvard Law Review*, 1987, vol. 100, no. 6, pp. 1189–1286.

Huhn W. *The Five Types of Legal Argument*. 3rd ed., Durham, North Carolina, Carolina Academic Press, 2014, 248 p.

Jakab A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective, *German Law Journal*, 2013, vol. 14, no. 8, pp. 1215–1275. <https://doi.org/10.1017/S207183220000225X>

Kennedy D. A Semiotics of Legal Argument, *Collected Courses of the Academy of European Law*, 1994, vol. 3, no. 2, pp. 309–365.

Lisanyuk E.N. (ed.) *Argumentation in law and morality. Collective monograph*, St. Petersburg, Izdatelskij dom «Alef-Press», 2018, 521 p. (in Russ.).

MacCormick N. *Legal Reasoning and Legal Theory*, Oxford, Clarendon Press, 1978, 322 p.

MacCormick N. *Practical Reason in Law and Morality*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2008, 240 p.

MacCormick N. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2005, 304 p.

Sopiński M. 2019. Neil McCormick's Theory of Legal Reasoning and Its Evolution, *Journal of the Polish Section of IVR*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 63–78. <https://doi.org/10.36280/AFPiFS.2019.1.63ENG>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алдар Мункожаргалович Чирнинов

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права Уральского
отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0003-0766-4945;
ResearcherID: AAS-7634-2020;
SPIN-код: 850203;
E-mail: chir-alдар@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aldar M. Chirninov

PhD in Law, Associate Professor, Senior
Researcher, Institute of Philosophy and
Law, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0003-0766-4945;
ResearcherID: AAS-7634-2020;
SPIN-code: 850203;
E-mail: chir-alдар@yandex.ru

Теория конституционной дисгармонии: поиск причин и следствий конституционных трансформаций // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 104-137. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_104

УДК 342

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_104

Теория конституционной дисгармонии: поиск причин и следствий конституционных трансформаций

Олег Станиславович Белослудцев

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва
г. Саранск, Россия
E-mail: bos.perm@yandex.ru

*Поступила в редакцию 15.08.2024, поступила после рецензирования 19.01.2025,
принята к публикации 16.06.2025*

В центре внимания статьи находится теория конституционной дисгармонии, разработанная Г.Дж. Якобсоном. В первой части работы рассматривается понятие конституционной дисгармонии и ее значение в объяснении конституционных трансформаций. Концепт конституционной дисгармонии, по мнению автора, имеет принципиальное значение для теории конституционного права. С точки зрения Г.Дж. Якобсона, конституционные дисгармонии выступают источником развития любой конституционной идентичности. Якобсон выделяет два типа дисгармонии: внутреннюю (противоречия внутри самой конституции) и внешнюю (несоответствие конституционных норм социальным и политическим условиям). Его подход объединяет элементы классической диалектики с юридическим реализмом, рассматривая противоречия как движимый механизм конституционного развития. Теория Якобсона укладывается в реалистические взгляды на право, подчеркивающие важность анализа противоречий и пробелов в позитивном праве. В статье приводятся конкретные примеры дисгармонии разных типов. Особенный интерес представляет исследование дисгармоний на уровне «социальный порядок – конституция», поскольку позволяет ответить на важный для конституционализма вопрос – насколько конкретная конституционная модель укладывается в окружающую ее социальную реальность. Критический анализ теории Якобсона показывает, что на дисгармонии может влиять и ряд других факторов (сложность устройства государства, процессы международной и европейской интеграции и др.) усиливая как внутреннюю, так внешнюю дисгармонию конституции. Вторая часть посвящена месту и роли конституционной дисгармонии в контексте российских конституционных преобразований. Исследование включает анализ реальных ценностей россиян через призму

© Белослудцев О.С., 2025

World Values Survey (Всемирного исследования ценностей), что добавляет веса выводам и делает их более релевантными для современных реалий. Данная работа предлагает новый подход к анализу конституционных изменений, интегрирующий правовые исследования с социологией и политологией, что открывает перспективы для более глубокого понимания природы и динамики конституционных систем.

Ключевые слова: конституционная дисгармония; конституционная динамика; конституционные ценности; инкременталистский подход; конституция и социальный порядок; Конституция Российской Федерации

Theory of Constitutional Disharmony: Exploring the Causes and Effects of Constitutional Transformations

Oleg S. Belosludtsev

National Research Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russia

E-mail: bos.perm@yandex.ru

Received 15.08.2024, revised 19.01.2025, accepted 16.06.2025

Abstract. The article centers on the theory of constitutional disharmony developed by Gary J. Jacobsohn. The first section examines the concept of constitutional disharmony itself and its significance in explaining constitutional transformations. From Gary J. Jacobsohn's perspective, constitutional disharmonies serve as an internal drivers for the development of constitutional identity. He distinguishes two types of disharmony: internal, which includes contradictions within the constitution; and external, which encompasses disparities between constitutional norms and social or political realities. His approach combines elements of classical dialectics with legal realism, viewing contradictions as a driving mechanism for constitutional evolution. Jacobsohn's theory aligns with realistic perspectives on law, emphasizing the importance of analyzing contradictions and gaps in positive law. The article provides specific examples of different types of disharmony, with particular attention to conflicts at the level of "Social Order vs. Constitution". This analysis addresses a crucial question in constitutionalism: how well does a given constitutional model align with its social environment? A critical assessment reveals that various factors – such as the complexity of state structures and processes of international and European integration – can intensify both internal and external constitutional disharmonies. The second part of the article explores the place and role of constitutional disharmony within the context of Russian constitutional reforms. It includes an analysis of mass consciousness through data from World Values Survey, which enhances the relevance and the applicability of the findings to contemporary realities. This work proposes a useful approach to studying constitutional changes by integrating legal analysis with insights from sociology and political science, opening new avenues for understanding the nature and dynamics of constitutional systems.

Keywords: constitutional disharmony; constitutional dynamics; constitutional values; incrementalism; constitution and social order; disharmonies in the Constitution of the Russian Federation

For citation: Belosludtsev O.S. Theory of Constitutional Disharmony: Exploring the Causes and Effects of Constitutional Transformations, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 104-137. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_104

Введение

В фокусе научных исследований конституционалистов различных стран находится проблема выявления логики и направленности конституционных изменений. Эта задача приобретает особую значимость ввиду необходимости разработки концептуальных оснований, способных объяснить динамику конституционного процесса и его влияние на эволюцию правовых институтов. Первостепенным шагом на пути к решению указанной проблемы становится формирование релевантной теоретико-методологической базы, позволяющей исследовать конституционную динамику на концептуальном уровне и верифицировать полученные выводы посредством анализа конкретных конституционных реалий.

С нашей точки зрения, в качестве одного из продуктивных инструментов для осмысления и интерпретации конституционной динамики может выступать концепция «конституционной дисгармонии», разработанная выдающимся американским ученым Г.Дж. Якобсоном. Данная концепция основывается на идеях конституционной диалектики, что позволяет рассматривать конституционное развитие как процесс взаимодействия и взаимовлияния различных конституционных начал, нередко находящихся в состоянии конфликта друг с другом. Однако, несмотря на свою очевидную эвристическую ценность, концепция Якобсона нуждается в критическом анализе и возможной доработке с учетом особенностей национального правового опыта.

Целью настоящего исследования является проведение всестороннего анализа и критической оценки теории «конституционной дисгармонии» Г.Дж. Якобсона, а также применение этой концепции к опыту конституционного развития России и других стран. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих взаимосвязанных задач:

1. Провести детальный анализ основных положений теории «конституционной дисгармонии» Г.Дж. Якобсона, уделяя особое внимание выявлению сильных и слабых сторон данного подхода;
2. Рассмотреть основные типы дисгармонии, приведя конкретные примеры дисгармонии различных видов, а также провести дополнительный анализ воздействия факторов, не учтенных Якобсоном;
3. Разработать усовершенствованную методику измерения внешней дисгармонии, дополнив подходы Г.Дж. Якобсона методами социологического анализа и использовав эмпирические данные для оценки соответствия конституционных норм социально-политическим реалиям;
4. Исследовать феномен трансформации конституционной идентичности Российской Федерации, используя концепт «конституционной дисгармонии» в качестве аналитического инструмента, и определить ключевые факторы, оказывающие воздействие на этот процесс.

Решение этих задач позволит не только уточнить и обогатить существующие представления о динамике конституционных изменений, но и предложить новые направления для дальнейших исследований в области конституционного права.

Понятие конституционной дисгармонии

Понятие конституционной дисгармонии (англ. *disharmonic constitution*) вводит Г.Дж. Якобсон в таких своих работах как «Constitutional Identity», «Constitutional revolution» и др. (Jacobsohn 2010; Jacobsohn 2020; Jacobsohn 2012; Jacobsohn 2014). Важность этого концепта у Якобсона выражается в том, что он занимает центральное место в его объяснении конституционных трансформаций. Конституционная дисгармония является *causa causalis* конституционных изменений, их главной движущей силой (Jacobsohn 2010: 3).

В основе этого понятия лежит идея о том, что «в любом обществе существуют конфликты, и эти непрекращающиеся противоречия часто становятся причиной конституционных изменений» (Jacobsohn 2014: 16). Якобсон называет «конституционными дисгармониями» конфликты, которые приводят к изменению или уточнению конституционной идентичности государства. Конституционная дисгармония, согласно подходу Гари Джеффри Якобсона, может быть определена как состояние конфликта между различными элементами внутри самой конституции или между конституцией и социальной средой, в которой она функционирует. Это состояние создает условия для изменения и развития конституционной идентичности через процесс разрешения этих конфликтов (Jacobsohn 2014: 15-18). Таким образом, дисгармония служит источником изменений и эволюции конституционной системы, поскольку конфликтные ситуации требуют своего разрешения, что приводит к пересмотру и адаптации конституционных норм. Согласно Якобсону (Jacobsohn 2014: 16), существует два основных типа дисгармонии:

1) Внутренняя дисгармония, которая возникает внутри самого документа (конституции) и связана с наличием альтернативных видений или стремлений, которые могут отражать различные аспекты общей исторической традиции страны¹.

2) Внешняя дисгармония, которая проявляется в отношениях между конституцией и обществом, в котором она действует. Эта форма дисгармонии возникает, когда нормы конституции вступают в противоречие с реальными социальными условиями или ожиданиями общества².

Якобсон выделяет историческую преемственность как важный аспект конституционной дисгармонии. Он указывает на то, что конфликты

¹ Оригинальная цитата: «...the first is internal to the document... and includes alternative visions or aspirations that may embody different strands within a common historical tradition» (Jacobsohn 2014: 16).

² Оригинальная цитата: «...the second entails a confrontational relationship between the constitution and the social order within which it operates» (Ibid).

и изменения, связанные с этим явлением, зачастую уходят корнями глубоко в историю нации и обусловлены стремлением восстановить или актуализировать определенные принципы прошлого (Jacobsohn 2014: 16). Также Якобсон отмечает, что в ходе непрерывной борьбы и разрешения конфликтов конституция приобретает различные значения на протяжении своей истории, формируя уникальную мозаику идей, которая может быть использована для корректировки конституционной идентичности (Jacobsohn 2014: 16). Исходя из этого, можно дать следующее определение конституционной дисгармонии: конституционная дисгармония представляет собой ситуацию, при которой в конституционном тексте и/или между самим текстом конституции и окружающей его социальной средой возникают противоречия и несоответствия, выраженные в виде конфликтующих, даже радикально несовместимых элементов, которые служат движущей силой постоянного развития и корректировки конституционной идентичности.

Важно подчеркнуть, что конституционная дисгармония является ключевым фактором в процессе формирования и эволюции конституционной идентичности. В концепции Якобсона эти два понятия тесно взаимосвязаны. Конституционная дисгармония выступает движущей силой, которая способствует изменению содержания и значения конституции в ответ на внутренние и внешние вызовы.

Согласно подходу Якобсона, конституционная идентичность не является статичной, а постоянно развивается под воздействием различных факторов, включая конфликты и дисгармонию³. В процессе разрешения этих дисгармоний конституционная идентичность может обновляться, обращаясь к различным аспектам национальной истории и традициям, что позволяет находить новые решения для старых проблем (Jacobsohn 2014: 15).

В отношении генеалогии идей, составляющих основу концепции дисгармонии, можно сделать ряд замечаний. Так, под «конституционной дисгармонией» Г.Дж. Якобсон понимает «конфликтующие, даже радикально несовместимые идеи» (Jacobsohn 2010: 4). Этот подход явно перекликается с основополагающими принципами диалектики, особенно в ее гегелевском понимании, где противоположности одновременно проникают друг в друга

³ Следует отметить, что Г.Дж. Якобсон дает свою оригинальную интерпретацию конституционной идентичности, акцентируя внимание на динамическом аспекте конституционного развития. С его точки зрения, конституционная идентичность носит диалогический характер и представляет собой процесс постоянного переосмысления и адаптации базовых принципов конституции к изменяющимся социальным, политическим и культурным условиям. Этот процесс охватывает как текстуальные изменения в самой конституции, так и эволюцию ее интерпретации судами и другими властными институтами. Конечно, существуют и другие подходы к пониманию конституционной идентичности, в том числе и позитивистские. Согласно этим взглядам, идентичность представляет собой «базовые структуры» конституции, которые непосредственно связаны с текстом Основного закона государства. Эти подходы различаются по своему фокусу: позитивистские сосредотачиваются на статичном понимании текста конституции, подход Якобсона подчеркивает важность изменений и эволюции конституционных норм в времени (см.: Jacobsohn 2006: 7).

и являются взаимоисключающими. Теория Якобсона, следовательно, вписывается в классическую диалектическую схему развития сложных систем, согласно которой внутреннее напряжение между противоположностями служит двигателем развития любой системы.

Например, Якобсон говорит о «столкновении политических устремлений, отражающих прошлое народа с решимостью реформаторов превзойти это прошлое», что приводит к раскрытию подлинной сущности «континуума смысла» правовой системы (Jacobsohn 2010: 4). Здесь прослеживается явное сходство с гегелевским понятием «снятия» (*Aufhebung*), когда старые формы не просто уничтожаются, но сохраняются в новой, синтезированной форме, обогащенной новыми элементами. Конституционная идентичность, по Якобсону, формируется именно через такие диалектические процессы, где «диссонансы и противоречия» играют роль источника развития (Jacobsohn 2010: 4). Таким образом, теория конституционной дисгармонии Г.Дж. Якобсона отражает глубокую связь с диалектикой, рассматривая конституционное развитие как результат борьбы и примирения противоположных сил, что в конечном итоге ведет к формированию более сложной и совершенной конституционной идентичности. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что сам Г.Дж. Якобсон не акцентирует внимание на диалектических истоках своей концепции.

Очевидно, что корни концепции Якобсона уходят главным образом в «реалистический» подход и тесно переплетаются с реалистическими взглядами американской юридической науки на природу права и специфику его реализации, особенно если учитывать точку зрения О.В. Холмса и других представителей «реализма». «Реализм», будь то представители старой школы (*legal realism*) или нового направления (*new legal realism*), всегда делал акцент на противоречиях и пробелах, присущих любому позитивному праву. В теории Якобсона такие противоречия становятся катализаторами изменений и одновременно побуждают судебных акторов к активной работе над проявлением конституционной идентичности, учитывая новые социальные и политические реалии. Якобсон явно тяготеет к новому реализму (NLR), поскольку, подобно другим представителям этого течения, он стремится исследовать правовые явления в интеграции с другими социальными науками, стремясь создать наиболее полную картину причин изменений конституций. Кроме того, в отличие от реалистов «старой школы», Якобсон серьезно относится к тексту конституции, не игнорируя ее позитивное содержание.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) Понятие конституционной дисгармонии, введенное Г.Дж. Якобсоном, играет ключевую роль в его объяснении процессов конституционных трансформаций;

2) Под конституционной дисгармонией следует понимать ситуацию, при которой в конституционном тексте и/или между самим текстом конституции и окружающей его социальной средой возникают противоречия и несоответствия, выраженные в виде конфликтующих, даже радикально несовместимых элементов, выступающие движущей силой постоянного развития и корректировки конституционной идентичности;

3) Якобсон различает внутреннюю и внешнюю дисгармонию, что помогает ему лучше понять источники и динамику конституционных изменений. Внутренние противоречия в конституциях существуют внутри самого документа (конституции) и связаны с наличием альтернативных видений или стремлений, тогда как внешние проявляются в несоответствии конституционных норм современным социальным и политическим реалиям;

4) Подход Якобсона к конституционным изменениям имеет отчетливое сходство с классической диалектикой. Противоречия и конфликты рассматриваются как источник развития, приводящий к формированию более сложной и адаптивной конституционной идентичности;

5) Концепция Якобсона укоренена в реалистических взглядах на право, подчеркивая значимость противоречий и пробелов в позитивном праве. Новый правовой реализм (NLR), с которым Якобсон солидарен, интегрирует юридические исследования с другими социальными науками, стремясь выявить причины и последствия конституционных изменений.

Разумеется, употребляемые Якобсоном понятия «конституционной дисгармонии» и «конституционной идентичности» достаточно трудно использовать в рамках классического юридического позитивизма. Однако концепция конституционной дисгармонии Якобсона не теряет от этого своей методологической ценности.

Внутренняя дисгармония

Под внутренней дисгармонией Якобсон подразумевает прежде всего противоречия, возникающие в рамках конституционного порядка. Эти противоречия могут быть связаны как с самим текстом конституции, так и с разногласиями между теми, кто ее интерпретирует и применяет. В качестве наглядного примера подобной дисгармонии он приводит ситуацию, связанную с различным пониманием прав среди отцов-основателей, а также с неопределенностью в отношении тех прав, которые не были зафиксированы в Конституции и были оставлены отцами-основателями без точного определения. Эта неопределенность порождает различные интерпретации и становится причиной дискуссий и/или конфликтов относительно того, какие права должны быть гарантированы гражданам.

Разногласия в трактовке концепции прав отцами-основателями (выражающиеся в различии взглядов на права как индивидуальное или коллективное явление и др.), Якобсон относит к фундаментальному противоречию американского конституционного порядка. Эти различные подходы к ключевым аспектам конституции, проявившиеся еще на этапе ее создания, а также отсутствие четкости или даже наличие пробелов в формулировках некоторых положений, оказывают непосредственное влияние на дискуссии о правах и конституции, стимулируя диалогические процессы внутри американской конституционной системы. В связи с этим, когда Якобсон говорит о внутренней дисгармонии, присущей американскому конституционному строю, он имеет в виду, что положения конституции не всегда четко сформулированы и могут трактоваться по-разному. Это связано с недостаточной

проработкой отцами-основателями текста конституции, что приводит к многочисленным разногласиям между интерпретаторами.

Якобсон утверждает, что Девятая поправка⁴, которая долгое время игнорировалась как в конституционной теории, так и на практике, пережила своего рода возрождение в последние десятилетия (Jacobsohn 2011: 423). Проблемный или даже конфликтный характер этой поправки проявился уже на раннем этапе американской конституционной истории, в спорах между федералистами и антифедералистами. Якобсон подчеркивает, что Девятая поправка до сих пор остается «в центре дебатов» и представляет собой «горячо оспариваемую конституционную территорию, на которой ведутся очень старые битвы, особенно по таким вопросам, как судебный активизм и права штатов» (Jacobsohn 2011: 423). По мнению ученого, непрекращающиеся дискуссии, связанные с Девятой поправкой, служат ярким свидетельством внутренней дисгармонии, заложенной в саму структуру конституции. Эта дисгармония проявляется в непрекращающихся дискуссиях о границах прав и способствует развитию и эволюции конституционной идентичности.

В дополнение к примерам, приведенным в работах Якобсона, можно выделить и другие проявления внутренней дисгармонии в Конституции США. Одним из таких примеров является дискуссия вокруг Первой поправки, которая связан с поиском конструктивного баланса между защитой свободы слова и предотвращением потенциального вреда, который эта свобода может причинить. Политико-правовой спор между республиканцами и демократами, известный как «Дискуссия о Первой поправке к Конституции США» (*First Amendment Speech Debate*), представляет собой один из самых давних и значимых конфликтов в американской политике и юриспруденции. Первый пункт Первой поправки гласит: «Congress shall make no law abridging the freedom of speech, or of the press, or assembly». Это положение запрещает Конгрессу принимать законы, которые ограничивают свободу слова, печати, собраний и других форм выражения мнений. При интерпретации этого пункта демократы склонны считать, что государство имеет право регулировать выражение мнений, если оно угрожает общественному порядку или здоровью населения. Однако республиканцы придерживаются иной точки зрения, утверждая, что любое ограничение свободы слова недопустимо, даже если оно направлено на предотвращение вреда. Каждая из сторон стремится уточнить и скорректировать американскую конституционную идентичность в соответствии со своим пониманием сферы действия Первой поправки, а именно: распространяется ли она на все виды речи или только на определенные формы. Американские суды также активно участвовали в дебатах о Первой поправке к Конституции. Начиная с XIX века, Верховный Суд США пытался вырабатывать стандарты, определяющие границы свободы слова в Америке. Таким образом, все эти дискуссии служили

⁴ Девятая поправка к Конституции США гласит: «Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом».

катализатором развития, способствуя формированию более сложной и гибкой конституционной идентичности в понимании Якобсона.

Спорная областью является и Четвертая поправка, которая защищает граждан от необоснованных обысков и арестов. Разногласия возникают в связи с применением технологий слежки, наблюдения и анализа данных, которые могут нарушать частную жизнь граждан. Например, ведутся споры о законности использования дронов для наблюдения, прослушивания телефонных разговоров и сбора данных о перемещениях людей. Итак, теория конституционной дисгармонии, предложенная Якобсоном, подчеркивает, что Конституция США содержит в себе противоречивые принципы и ценности, требующие постоянного уточнения и адаптации. Из приведенных выше примеров можно заключить, что внутренняя дисгармония может возникать как вследствие неоднозначности и пробелов в самом тексте конституции, так и из-за различий в интерпретациях и применении конституционных норм разными субъектами.

Также можно заключить, что линия рассуждений Г.Дж. Якобсона скорее касается довольно распространенных конфликтов основных интерпретаторов конституции в рамках американской истории судебной деятельности и политической системы (наиболее богатый на подобные диссонансы материал дают решения Верховного суда США в разное время). К примеру, рассуждая об американской конституционной истории, Якобсон особенно подчеркивает, что «конституции, конечно, всегда находятся в сфере интерпретации» (Jacobsohn 2006: 363). Подобное восприятие конституции и конституционных изменений является общим местом для американской традиции (реалистической) – важен не текст, а деятельность, текст должен соответствовать конституционному опыту. Формулировки текста конкретной конституции могут указывать на «стремление ее авторов установить конституционную идентичность, но до тех пор, пока она не будет подтверждена в накопленной практике конституционного сообщества, цель, какой бы благородной она ни была, останется нереализованной» (Jacobsohn 2006: 365). Таким образом, в конституционном строительстве главным является этап реализации того или иного конституционного проекта. Мартин Лютер Кинг называл эту принципиальную неполноту американской конституции «долговым векселем, наследником которого должен был стать каждый американец» (цит. по: Jacobsohn 2006: 365). Конституция в этой парадигме никогда не может быть полностью реализована, для ее успешного применения «потребуется дальнейшая деятельность, в том числе прямое участие судей и политиков» (Jacobsohn 2006: 366). С этой точки зрения Якобсона, в формальной конституции государства всегда присутствует диссонанс, который способствует переменам, так как на первый план выходит «интерпретирующий аспект», а «интерпретация всегда живет в диалектическом напряжении» (Jacobsohn 2011: 413).

Очень важно подчеркнуть, что тезис Якобсона о внутренних диссонансах в конституции находит прямое подтверждение в судебной практике. Например, Верховный Суд США неоднократно признавал наличие пробелов и противоречий в Конституции США и Билле о правах. Важно отметить, что

решения Верховного суда, связанные с этими вопросами, носят сложный характер, так как суды обычно стараются избегать прямых заявлений о недостаточности или противоречиях в конституции. Тем не менее, некоторые дела, рассмотренные Верховным судом, действительно выявляют внутреннюю дисгармонию Конституции США. Для краткости просто перечислим несколько таких решений: *Marbury v. Madison*, 5 U.S. 137 (1803); *McCulloch v. Maryland*, 17 U.S. 316 (1819); *Griswold v. Connecticut*, 381 U.S. 479 (1965); *United States v. Morrison*, 529 U.S. 598 (2001); *District of Columbia v. Heller*, 554 U.S. 570 (2008); *McDonald v. Chicago*, 561 U.S. 742 (2010) и др.⁵

Преимущественно в американской юридической и политической науке господствует точка зрения о том, что текст конституции не может быть реализован непосредственно, а его адаптация к меняющимся условиям невозможна без помощи судебного и политического активизма. Конституция в этой парадигме является неидеальным документом, содержащим целый ряд неточностей, противоречий и пробелов. Это контрастирует с доминирующим в российской правовой науке взглядом на конституцию как полный документ, не содержащий никаких противоречий⁶. Так, Г.А. Гаджиев указывает, что «официальное толкование Конституции, осуществляемое Конституционным судом, вряд ли можно отнести к способам восполнения пробелов, поскольку деятельность Конституционного суда направлена на выяснение смысла конституционных положений, а не на создание новых норм» (Гаджиев 1998: 22). По этому вопросу не раз высказывался и сам Конституционный суд Российской Федерации, утверждая необходимость толкования Конституции России как единого целого, исключающего наличие лакун и противоречий⁷.

Это позволяет предположить, что концепция дисгармонии может быть неприменима к относительно «молодым» конституциям по сравнению с американской, поскольку они могут быть реализованы без изощренных усилий и конфликтного взаимодействия со стороны основных интерпретаторов – политических и судебных акторов. Однако, по нашему мнению, данный аспект концепции Якобсона вполне применим и за пределами

⁵ Все указанные решения Верховного суда США доступны в электронном виде (см.: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/volume/>).

⁶ Конечно, есть и другие точки зрения. В разные периоды многие российские конституционалисты отмечали различные недостатки и неточности в тексте Конституции России. Среди них такие ученые, как Н.С. Бондарь, М.А. Краснов, Г.А. Сатаров, Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин, В.Л. Шейнис и др. По нашему мнению, гипотеза о потенциальной противоречивости и неполноте любого конституционного текста представляется более плодотворной, нежели утверждение о его полноте и логической безупречности.

⁷ Эта позиция находит свое четкое выражение в таких решениях, к примеру, как Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 года № 1567-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации”» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157806/), в которых суд подтвердил целостность и завершенность Конституции России.

Нового Света. Особенно это касается тех случаев, когда внутренняя противоречивость является вполне сознательной стратегией конституционного дизайна. В некоторых ситуациях, когда общество разделено по основным ценностям, можно сознательно допустить существование в тексте конституции противоречий и недосказанностей. В таких случаях можно использовать стратегию «конструктивной двусмысленности», а вопрос определения реальной конституционной идентичности оставить на усмотрение политических и социальных институтов. Это позволит отложить принятие окончательного решения по принципиальным вопросам. Примером такой «конструктивной двусмысленности» могут служить конституции Индии и Израиля.

Ханна Лернер в своей работе «*Making Constitutions in Deeply Divided Societies*» отмечает, что случай Израиля является ярким примером применения «инкременталистского подхода». Под «инкременталистской моделью» конституционного дизайна Лернер понимает «такие стратегии, как избегание четких решений, использование двусмысленных юридических формулировок и включение в конституцию внутренне противоречивых положений» (Lerner 2011: 7). По мнению Лернер, Израиль выбрал стратегию избегания и компромисса, столкнувшись с неразрешимыми идеологическими противоречиями «между партикуляристскими (приверженность еврейскому государству) и универсалистскими (приверженность к либерально-демократическому государственному устройству) ценностями» (Lerner 2011: 51). Иными словами, в случае такого разделенного общества, как Израиль, установление конституционной идентичности на уровне текста конституции не представляется возможной. Этот вопрос можно отчасти разрешить через диалогические взаимодействия различных политических сил, а также с помощью Верховного суда, который выступает в качестве основного адресата «ключевых вопросов коллективной идентичности» (Jacobsohn 2012: 238).

Случай Индии тоже можно рассматривать как пример использования «инкременталистского подхода». Неразрешимым вопросом для индийских конституционалистов стало отражение в тексте конституции традиционной религиозной идентичности. Ввиду отсутствия принципиального консенсуса в обществе текст конституции зафиксировал двусмысленное статус-кво между светской и религиозной идентичностью индийского государства, то есть фактически стал противоречивым. В то же время реальное аксиологическое балансирование происходило (и происходит) на политической арене в форме диалогического взаимодействия различных политических акторов, а также при помощи органов конституционного правосудия⁸. Таким образом, текст конституции вполне может содержать в себе явные противоречия. В некоторых случаях эти противоречия допускаются вполне сознательно из-за принципиальной невозможности их быстрого разрешения.

⁸ Ведущая роль в уточнении конституционной идентичности индийского государства принадлежит Верховному суду Индии (см., напр.: *Kesavananda Bharati v. State of Kerala*, AIR 1973 SC 1461: (1973) 4 SCC 225).

В контексте анализа примеров внутренней дисгармонии, описанных Якобсоном, особый интерес представляет случай Венгрии. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, конституция Венгрии является относительно «молодой», она вступила в силу 1 января 2012 г. Во-вторых, в процессе принятия конституции в 2011 г. она стала предметом многочисленных споров как внутри страны, так и за ее пределами. Это было вызвано тем, что конституция отражала идеологию правящей партии «Фидес» и основывалась на консервативном христианском мировоззрении, что вызвало резкое неприятие со стороны венгерской оппозиции. В-третьих, конституция содержала некоторые сознательные противоречия и двусмысленности. Например, понятия «конституционной идентичности» и «исторической конституции», основанной на неписанной конституционной традиции Венгрии. Особенный интерес (с точки зрения своего конфликтогенного потенциала) представляют достаточно специфические положения конституции Венгрии, связанные с «исторической самоидентификацией» венгерского народа. Их оценки в доктрине и практике сильно разнятся от вполне благожелательных до крайне отрицательных – «националистическая, самооборонная идеология», «не совместимая с минимальными требованиями современного конституционализма» (Gábor 2018: 562). Так, одна группа ученых указывает на подлинную связь между исторической конституцией и Основным законом (между ними существует преемственность, «историческая конституция» является неотъемлемой частью венгерской конституции наряду с Основным законом). Этой позиции придерживается, к примеру, судья Конституционного суда Венгрии Атила Хорват и такие ученые, как Йозеф Сайер, Лорант Цинк и Йоханна Фрелих (см.: Horváth 2019; Horváth 2021). Однако есть и другая точка зрения: характеризуя позицию противников использования концепции исторической конституции, Имре Вереш отмечает: «...она [историческая конституция] не имеет никакого значения... и совершенно непонятна для конституционалиста 21 века» (Vörös 2015: 186). Все упомянутые противоречия между учеными и практиками представляют собой наглядный пример внутренней дисгармонии, как это описано в концепции Якобсона. Важно подчеркнуть, что это существенно повышает роль интерпретаторов конституции, поскольку данные положения будут разъясняться органом конституционного правосудия *ad hoc*, что дает возможность гибко реагировать на любые внешние и внутренние вызовы.

Подводя итоги данного раздела, следует отметить, что Г.Дж. Якобсон считает внутреннюю дисгармонию неотъемлемой чертой конституционного строя, возникающей из-за неоднозначности конституционных норм и различных подходов к их интерпретации. Якобсон подкрепляет свой вывод многочисленными примерами из американской конституционной истории, а также актуальными кейсами, связанными с фундаментальными противоречиями и пробелами в американской конституции. Концепция Якобсона может быть полезна и для других стран, где в конституциях присутствуют схожие элементы внутренней дисгармонии. Яркими примерами являются Индия и Израиль, где намеренно используется стратегия «конструктивной двусмысленности» в конституциях, чтобы избежать возможных социальных

и этнических конфликтов. На примере конституционного строительства в Индии и Израиле можно прийти к выводу, что нет необходимости скрупулезно избегать двусмысленностей и неточностей при создании конституции. Более того, стремление к созданию исчерпывающего и непротиворечивого документа может привести к излишней жесткости и негибкости. В некоторых случаях неидеальный текст конституции может быть более адаптивным и гибким, особенно если противоречия уже заложены в культуре и социальном порядке.

Внешняя дисгармония (дисгармония конституционного и социального порядка)

Рассмотрим еще один аспект конституционной дисгармонии, который проявляется в расхождении между конституционным текстом и реальным общественным устройством. Этот вид дисгармонии возникает, когда конституционные нормы перестают соответствовать реальному общественному консенсусу относительно модели общества и его ценностей (Jacobsohn 2010: 22). Под внешней дисгармонией Якобсон понимает несоответствие конституционных норм текущему социально-политическому контексту. Общество постоянно меняется, и конституция должна адаптироваться к этим изменениям. Если конституционные нормы перестают соответствовать новым реалиям, возникает необходимость их пересмотра. Таким образом, конституционная дисгармония становится неизбежным следствием социального прогресса и развития. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, «социальные противоречия являются двигателем конституционных процессов в обществе и государстве» (Бондарь 2010: 71).

Так, Г.Дж. Якобсон и М. Розенфельд настаивают на том, что закон (в т.ч. и основной – конституционный) не может быть равен социальной реальности, совпадать с ней полностью: «Напряженность обеспечивает структуру стимулирования, в рамках которой судебные субъекты могут попытаться примирить и адаптировать дисгармоничные элементы в границах конкретных конституционных обстоятельств» (Jacobsohn 2010: 22). В некотором смысле любой конституционный текст содержит «обещание дисгармонии» (Jacobsohn 2010: 355). Как и С. Хантингтон, Г. Дж. Якобсон полагает, что дисгармонии свойственны самой природе конституций, являясь их сущностью⁹. Удачный конституционный текст в лучшем случае является лишь некоторым приближением к конституционной гармонии, выражающейся в соответствии «местным обстоятельствам и конституционным традициям» (Jacobsohn 2010: 355). Сходную мысль высказывает и М. Розенфельд: «...преобладающая идентичность, лежащая в основе американского конституционализма, в лучшем случае лишь частично нашла выражение в Конституции 1787 года»... «Конституция (и шире конститу-

⁹ Первым идею о конфликте (дисгармонии) как основной первопричине всех политико-правовых изменений высказывал С. Хантингтон в своей книге «American Politics: The Promise of Disharmony» (Huntington 1981).

ционная идентичность), – предполагает он, – может принимать множество различных форм и развиваться с течением времени, поскольку часто она погружена в непрерывный процесс, отмеченный существенными изменениями» (Rosenfeld 1994: 8).

Итак, основные идеи Якобсона, касающиеся внешней дисгармонии и ее понимания, заключаются в следующих положениях:

1) Конституционная идентичность не ограничивается одним лишь текстом. Она включает в себя не только текст самой конституции, но также культурный и социальный контексты, в которых она существует и применяется;

2) Диалогическое взаимодействие между конституцией и ее окружением. Внешние факторы, такие как социальные, политические и культурные условия, оказывают значительное влияние на формирование и эволюцию конституционной идентичности. Поэтому конституционные нормы должны адаптироваться к изменениям в окружающей среде;

3) Дисгармоничные аспекты. Якобсон подчеркивает, что неизбежны «disjunctions» (разрывы) между тем, что говорится в тексте конституции, и реальными условиями социальной жизни. Эти разрывы, или, используя авторский термин, «disharmonies», возникают из-за того, что текст конституции был создан в определенный момент времени и не всегда может учесть будущие изменения в обществе (Jacobsohn 2011: 419-421).

Необходимо подчеркнуть: несмотря на то, что дисгармония является неотъемлемым атрибутом любой конституции, при существенном диссонансе с местными условиями и культурными особенностями это состояние становится неприемлемым для социума. Равновесное состояние в любой конституционной системе всегда основано на балансировании, сочетании двух начал – тенденции преэминенции и тенденции к изменению¹⁰. Если этот баланс нарушается в ту или иную сторону, мы можем констатировать явную конституционную дисгармонию. Опыт показывает, что в тех странах, конституционные порядки которых больше зависят от таких факторов, как этническая принадлежность, религия или язык, зачастую возникает большее сопротивление конституционным трансформациям, не в полной мере учитывающим эти факторы.

Классический пример такой дисгармонии мы можем наблюдать в конституционной истории Италии, а также Ирландии. Определяющее значение при формировании конституционной идентичности этих стран сыграл религиозный фактор – вопрос о статусе религии, ее влиянии на различные стороны жизни общества¹¹. В каком-то смысле, это был конфликт между

¹⁰ Эта мысль является ключевым положением в концепции конституционной дисгармонии Якобсона. Для Г.Дж. Якобсона конституционная идентичность проявляет себя в столкновении разнонаправленных («диалогических») политических устремлений, тенденция преэминенции («отражающая прошлое народа») вступает в конфликт с тенденцией к изменению («решимостью реформаторов превзойти это прошлое») (см.: Jacobsohn 2010: 7).

¹¹ Некоторые исследователи (напр., Р. Хиршль в «Constitutional Theocracy») рассматривают религию как наиболее важный катализатор изменений конституционного строя, в нашем случае источник «дисгармоний» (Hirschl 2010).

национальными традициями, отражающими прошлое нации, и «решимостью реформаторов превзойти это прошлое». Тенденция преэминентности оказывала сопротивление тенденции к изменению, что находило отражение и в соответствующих трансформациях конституционного текста¹². Консервативный консенсус в обществе сильно расходился с желанием реформаторов импортировать в конституцию «светские» общеевропейские ценности. Для наглядности рассмотрим пример Италии. Он поможет нам лучше понять, как меняется конституционная идентичность и возникает несоответствие между текстом конституции и реальными социальными институтами. Итальянская Республика была основана после Второй мировой войны, и ее первая республиканская конституция вступила в силу в 1948 г. Одним из ключевых вопросов, стоящих перед страной, был статус католицизма и его влияние на государственные институты. Конституция 1948 г. закрепляла особые отношения между государством и католической церковью (на основе «Латеранских соглашений») как основу особых отношений с римско-католической церковью, признавая католицизм государственной религией¹³.

Возникновение дисгармонии было связано с тем, что со временем итальянское общество становилось все более светским, и начинало проявляться напряжение между традиционным религиозным наследием страны и новыми ценностями, такими как свобода совести и отделение церкви от государства. Особенно остро этот конфликт проявлялся в вопросах развода, контрацепции и аборт, которые долгое время были запрещены или строго регулировались под влиянием католической церкви. Для разрешения возникающего диссонанса между конституционными нормами и реальными общественными настроениями были проведены многочисленные конституционные реформы. В частности, в 1970-х гг. был легализован развод, а в 1980-х — разрешен аборт при определенных условиях. Эти изменения стали результатом длительного общественного диалога и политических дебатов, направленных на адаптацию конституционных норм к новым реалиям. Изменения в законодательстве привели к большей гармонизации между конституционными нормами и общественными ожиданиями. Однако до сих пор остаются определенные разногласия, особенно в отношении некоторых религиозных вопросов, которые продолжают вызывать споры в итальянском обществе.

Рассмотрим другой пример дисгармонии – случай Ирландии. Ирландская Конституция, принятая в 1937 г., содержала ряд положений, отражающих сильное влияние католической церкви на ирландскую культуру и политику.

¹² Возможна и обратная ситуация, когда дисгармония является результатом опережающего развития общественной морали. Так, еще Г. Гурвич отмечал, что мораль общества может развиваться быстрее права и, как правило, является очень важным фактором возможных изменений в праве.

¹³ Договоры, которые были подписаны 11 февраля 1929 г. в Латеранском Апостольском дворце между кардиналом Пьетро Гаспарри и премьер-министром Италии Бенито Муссолини и представляют собой целый комплекс соглашений между Италией и Святым Престолом. Эти договоры определили права и привилегии римско-католической церкви, а также ее положение в Итальянском королевстве.

Например, статья 41 провозглашала особую роль женщины в семье и защищала традиционные семейные ценности, основанные на христианской традиции. По мере модернизации ирландского общества и усиления процессов глобализации возникли значительные разногласия между консервативными ценностями, заложенными в конституции, и новыми либеральными взглядами населения. Особо острые конфликты касались вопросов репродуктивных прав женщин, включая аборты и контрацепцию. Одним из наиболее ярких примеров разрешения дисгармонии стал референдум 2018 г., на котором большинство избирателей проголосовало за отмену восьмой поправки к Конституции, запрещавшей аборты. Данное изменение стало возможным благодаря активному общественному движению и давлению со стороны международных организаций. Легализация абортов стала важной вехой в процессе модернизации ирландской конституционной системы. Это событие продемонстрировало способность конституции адаптироваться к изменяющимся общественным настроениям и требованиям времени.

Оба примера показывают, что дисгармония между текстом конституции и реальными общественными институтами является неизбежным следствием социального прогресса и развития. Важно понимать, что конституция не является статичным документом, а должна быть способна адаптироваться к изменяющимся условиям. В обоих случаях дисгармония была разрешена посредством демократических процедур, таких как референдумы и законодательные реформы, что позволило достичь большего соответствия между конституционными нормами и общественными ожиданиями.

Можно привести и ряд других примеров внешней дисгармонии, в частности, случай Турции и Индии. Выбор этих стран обусловлен тем, что, согласно данным Всемирного исследования ценностей (WVS), они разделены по ряду базовых ценностей (религиозность, традиционные и секулярные ценности, поддержка демократии и социальное доверие). Эти различия обусловлены региональными, религиозными и социальными факторами, что свидетельствует о значительной культурной и социальной неоднородности этих стран¹⁴.

¹⁴ Анализ последней доступной волны Всемирного исследования ценностей (WVS) в Индии и Турции позволяет сделать вывод о существенных различиях в ценностных ориентациях между регионами и социальными группами в этих странах. Это подтверждает гипотезу о том, что в Индии и Турции нет общих ценностей, которые разделяло бы все население. Отношение к секулярным ценностям в данных странах сильно зависит от региона и религиозной принадлежности населения. Так, в Индии северные штаты, такие как Уттар-Прадеш и Бихар, известны своей высокой религиозностью. В то же время южные штаты, например Тамилнад и Керала, а также крупные города (Мумбаи и Бангалор), демонстрируют меньшую зависимость от религии в повседневной жизни. В Турции религиозность варьируется в зависимости от региона и социальной группы. К примеру, восточные регионы – Ван и Эрзурум, известные высокой степенью религиозности, тогда как западные регионы (Стамбул и Измир) демонстрируют меньшую зависимость от религии в повседневной жизни (см.: Культурная карта мира Инглхарта–Вельцеля – Обзор мировых ценностей 7 (2020) [Предварительная версия]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.03.2024).

В 1923 г. под руководством Мустафы Кемалю Ататюрка была создана Турецкая республика. Ее основатель стремился построить современное светское государство. Конституция Турции, принятая в 1924 г., закрепляла принципы «лаицизма» (разделения религии и государства) и запрещала использовать религиозные мотивы в политической жизни страны¹⁵. Однако со временем в турецком обществе усилились исламистские настроения, что привело к напряженности между секуляризмом, установленным конституцией, и растущим влиянием ислама в общественной и политической жизни. Это выразилось в многочисленных конфликтах, связанных с запретом на ношение хиджабов в государственных учреждениях и учебных заведениях, а также в попытках пересмотреть некоторые аспекты конституции, направленные на усиление роли религии в государстве. Для разрешения этих противоречий правительство Турции неоднократно вносило изменения в законодательство и конституцию. Так, в 2008 г. был снят запрет на ношение хиджаба в университетах, что стало значительным шагом в направлении признания религиозных свобод¹⁶. Кроме того, в последние годы наблюдается тенденция к укреплению позиций исламистских партий, что также свидетельствует о постепенной адаптации конституционных норм к изменяющимся общественным настроениям.

Случай Индии – один из самых ярких примеров внешней дисгармонии, описанных Якобсоном. Конституция Индии, принятая в 1950 г., провозгласила страну светским государством, обеспечивающим равные права всем гражданам, независимо от их вероисповедания. Однако в Индии существует богатое и разнообразное религиозное наследие, что может привести к конфликтам между различными группами населения. Одной из самых острых проблем, связанных с дисгармонией между конституционными нормами и реальными общественными институтами, является вопрос кастовой системы. Несмотря на то, что Конституция Индии запрещает дискриминацию по признаку касты, кастовая система продолжает играть значительную роль в индийском обществе, создавая неравенство и социальную несправедливость. Для борьбы с последствиями кастовой системы были введены квоты и программы позитивной дискриминации, направленные на поддержку представителей низших каст. Эти меры помогли улучшить положение некоторых групп населения, но проблема кастового неравенства остается актуальной и вызывает постоянные дискуссии. Борьба с кастовым неравенством демонстрирует сложность достижения полного соответствия между конституционными гарантиями и реальными общественными практиками.

¹⁵ Хотя Турция является преимущественно мусульманской страной, принципы «лаицизма» направлены на создание светского государства, в котором религия отделена от политики и государственного управления. Эти принципы обеспечивают нейтральность государства в религиозных вопросах и защищают свободу вероисповедания.

¹⁶ До 2008 г. в Турецкой Республике существовало законодательное ограничение на ношение хиджаба в государственных учреждениях, включая университеты. Однако в 2008 г. правительство Турции отменило этот запрет, что вызвало оживленные дискуссии и протесты среди сторонников «светских» ценностей.

Несмотря на усилия правительства, кастовые различия продолжают влиять на многие аспекты жизни в Индии, подчеркивая необходимость дальнейших реформ и адаптации конституционных норм¹⁷.

Все эти примеры демонстрируют, что дисгармония между текстом конституции и реальными социальными нормами является распространенным явлением в различных странах мира. Важнейшими факторами успешного разрешения таких ситуаций являются демократические процедуры, общественный диалог и готовность к изменениям. Конституционные системы должны быть гибкими и адаптивными, чтобы соответствовать изменяющимся условиям и ожиданиям общества.

В рамках данного раздела можно сделать ряд обобщающих выводов:

1) Конституционная идентичность не ограничена текстом конкретной конституции, а включает в себя культурный и социальный контексты, в которых она функционирует. Эта идентичность подвержена изменениям под воздействием внешних факторов (внешней дисгармонии), таких как социальные, политические и культурные условия;

2) Вследствие постоянного изменения общественных условий и ценностей неизбежно возникает дисгармония между текстом конституции и реальными общественными институтами. Эта дисгармония является естественным результатом социального прогресса и развития;

3) Поддержание равновесного состояния в конституционной системе требует баланса между тенденциями преемственности и изменения. Нарушение этого баланса ведет к усилению дисгармонии;

4) Исследование дисгармонии предоставляет возможность более глубокого осмысления процессов трансформации конституционных систем и выявления наиболее действенных форм адаптации конституционных норм к актуальным потребностям общества.

Выводы. В заключение данного раздела хотелось бы подвести итоги нашего анализа концепции конституционной дисгармонии, разработанной Г.Дж. Якобсоном. Рассмотрим как сильные, так и слабые стороны этой концепции, а также предложим возможные дополнения, которые могут обогатить содержание и повысить ее полезность для исследования конституционных процессов.

Проведенный анализ показал, что данная концепция Якобсона представляет собой важный шаг вперед в развитии конституционной теории, особенно в контексте осмысления причин конституционной динамики. Диалектический метод, лежащий в основе подхода, имеет свои достоинства и недостатки. Сильной стороной диалектического метода является возможность рассматривать конституционное развитие как процесс, движимый противоречиями (внутренними и внешними дисгармониями). Это делает концепцию

¹⁷ Существуют серьезные научные исследования, которые анализируют влияние кастовых различий на жизнь индийского общества. Они подчеркивают, что кастовая система по-прежнему остается актуальной проблемой, требующей дальнейшей адаптации конституционных норм и проведения реформ (см.: Deshpande 2013; Beteille 2012; Chakrabarty 2019).

гибкой и приспособленной к сложным реалиям общественной жизни, учитывая тот факт, что любая конституция содержит множество конфликтующих идей, и диалектика помогает лучше понять их взаимодействие.

Кроме того, концепция Якобсона акцентирует внимание на динамическом аспекте конституционной идентичности, которая непрерывно изменяется и реструктурируется, что позволяет глубже понимать общественные процессы и прогнозировать будущее развитие. Универсальность концепции подтверждается тем фактом, что сходные идеи встречаются у представителей самых разных научных школ – от советских и российских ученых до индийских и американских исследователей. Это указывает на широкие возможности применения данной концепции в различных правовых системах и социокультурных контекстах. Важно отметить, что концепция Якобсона обладает значительным творческим потенциалом, стимулирующим дальнейшее исследование и обсуждение конституционной динамики. Предложенный автором аналитический аппарат, включающий различные типы конституционной дисгармонии, предоставляет удобный инструмент для изучения как формальной юридической, так и реальной фактической конституции, делая подход практически полезным.

Тем не менее, нельзя не отметить и некоторые слабые стороны этой концепции. Диалектический подход, который лежит в ее основе, довольно сложен и абстрактен. Он требует глубокого понимания философии и диалектики, что делает его малодоступным для широкого круга специалистов. Это ограничивает его применение в практической юриспруденции. Понятия «конституционной дисгармонии» и «конституционной идентичности» недостаточно четко определены, что затрудняет их использование в рамках юридического позитивизма. Они являются скорее политико-философскими концептами, чем точными юридическими дефинициями. К тому же, концепция опирается на ограниченный объем эмпирических данных, что снижает ее убедительность в глазах сторонников строгого научного подхода. Например, было бы полезно дополнить ее социологическими данными (по нашему мнению, для этой цели подходят данные «Всемирного исследования ценностей», WVS) для измерения разрыва между реальными и конституционными ценностями, а не только туманными историческими примерами. Мы попытались восполнить этот пробел в данном разделе и в следующем. Применение точного социологического инструментария позволит более эффективно интегрировать социологические и культурные особенности конституционных порядков в концепцию Якобсона. Необходимо учесть влияние социокультурных особенностей каждой страны на восприятие и интерпретацию конституционных норм. Это поможет лучше понять причины возникновения дисгармонии и способы ее разрешения.

Несмотря на указанные недостатки, концепция конституционной дисгармонии Г.Дж. Якобсона остается важной составляющей дискуссии о конституционной динамике и может послужить стимулом для дальнейшего развития теории. Кроме того, на конституционную дисгармонию могут оказывать влияние и другие факторы, которые Якобсон почти не упоминает. Например, процессы международной интеграции, в частности европей-

ской. В европейских странах на формирование конституционного смысла большое влияние оказывает политико-правовой контекст европейской интеграции, идеи *jus commune europeum* и практика органов международного правосудия, основанная на праве «последнего слова» в любых спорах с национальными юрисдикциями. В результате возникает существенный разрыв между требованиями «универсальной европейской конституции» и желанием некоторых европейских стран, особенно стран «Вышеградской группы», сохранить свою национальную идентичность и особенности конституционных порядков, а также традиции, связанные с их прошлым. Этот разрыв сказывается на появлении национальных доктрин конституционной идентичности. Помимо того, следует отметить, что позиция европейских институтов относительно положений национальных конституций, безусловно, влияет как на общественное мнение, так и на органы власти. В результате это неизбежно приводит к еще большему усилению внешней и внутренней дисгармонии. Таким образом, концепция *disharmonic constitution* может быть расширена за счет еще одного аспекта – конфликта между национальными и международными/наднациональными юрисдикциями.

Еще одним фактором, способствующим усилению конституционной дисгармонии, может стать сложность устройства государства и различные диспропорции между федерацией и ее субъектами. В большинстве федераций нередко возникают конфликты между центральной властью и субъектами федерации, особенно в вопросах разделения полномочий и по другим вопросам конституционного значения. Например, в Индии штаты обладают значительной автономией, что иногда приводит к столкновениям с центральным правительством по самым разным вопросам – от внутренней безопасности и налогообложения до проблем, связанных с учетом этнического и религиозного разнообразия. В России некоторые республики, такие как Татарстан и Башкортостан, требуют признания местных языков государственными, что вызывает определенные противоречия с позицией федерального центра. Практически любая федерация предоставляет богатый материал для возникновения различных региональных дисгармоний – исторических, культурных, религиозных, политических и др. С нашей точки зрения, подобные противоречия могут существенно влиять на уровень конституционной дисгармонии, усугубляя ее.

Якобсон сравнительно мало говорит о способах разрешения конституционных дисгармоний. Отсюда следует, что необходимо уделить внимание изучению тех случаев, когда дисгармония привела к конструктивным изменениям и улучшению конституционной системы. Это позволит расширить понимание природы дисгармонии и ее потенциальных выгод. В нашем исследовании мы привели несколько таких примеров (Индия, Израиль, Венгрия и др.). Одним из примеров такого синтеза теорий является сочетание концепции конституционной дисгармонии и «инкременталистского подхода» Ханны Лернер. Также может быть полезно провести некоторые параллели между концепцией конституционной дисгармонии и теорией «делиберативной демократии». Хотя концепция Якобсона предлагает инструменты для описания и анализа конституционных изменений, она

не содержит практических рекомендаций по управлению этими процессами. Якобсон подчеркивает, что ключевыми участниками конституционных изменений являются судьи и политики, которые активно формируют и уточняют конституционную идентичность. Однако его подход не уделяет должного внимания роли гражданского общества и участию граждан в процессе изменений. Этот пробел может быть восполнен с помощью теории «делиберативной демократии», которая способна стать основой для разработки эффективных стратегий управления конституционными преобразованиями (см.: Руденко 2017; Руденко 2018). Нередко конституционные изменения происходят благодаря активному участию граждан в политических процессах, таких как референдумы, выборы и парламентские процедуры (ярким примером является изменение конституции Ирландии). Теория делиберативной демократии, берущая свое начало от латинского слова *deliberare*, что означает «обдумывать, взвешивать», представляет собой подход к демократическому процессу, основанный на открытом и информированном обсуждении гражданами важных общественных вопросов в рамках рационального коммуникативного дискурса. Широкое общественное обсуждение пробелов и противоречий в конституции может оказать значительное влияние на потенциал конституционной дисгармонии и способствовать ее минимизации, особенно в случае внешней дисгармонии между конституционными нормами и социальным порядком.

Таким образом, критика теории конституционной дисгармонии Якобсона может строиться вокруг нескольких аспектов, касающихся ее методологии и эмпирической основы, а также возможностей интеграции в нее социологических и культурных факторов (на основе проверенных социологических данных). Помимо того, можно предложить дополнения к теории, которые содействовали бы ее большей универсальности и полезности для анализа конституционных систем.

Конституционная дисгармония в контексте российского опыта конституционного развития

По мнению Якобсона, конституции играют ключевую роль в изменениях, происходящих в обществе. Они упорядочивают и направляют эти изменения таким образом, чтобы они соответствовали установленным в тексте конституции правилам и принципам (Jacobsohn 2011: 235). Ученый выделяет два аспекта влияния конституции на трансформацию общества. Первый аспект связан с тем, что конституционные нормы определяют процедуры, по которым происходят перемены в обществе. Второй аспект заключается в том, что эти изменения должны соответствовать духу и целям конституционного текста (Jacobsohn 2011: 235). Соответственно, конституция выступает не просто как механизм регулирования процедурных вопросов, но и как инструмент поддержания идеалов общества. Ее можно рассматривать в качестве набора директив, которые задают рамки и направление социальных, политических и правовых изменений. Конституция, определяющая модель общественного устройства, должна быть основана на реальном консенсусе,

достигнутом в обществе и политической сфере относительно фундаментальных вопросов, связанных с правами человека и институциональными механизмами ограничения власти.

Ключевым аспектом здесь является наличие реального согласия между членами общества относительно основополагающих начал этого договора. Конституционная идентичность не возникает исключительно из текста самой конституции; напротив, этот текст должен отражать базовые принципы и ценности, составляющие основу национальной идентичности. Одним из ключевых аспектов при разработке конституции является подход к ее проектированию. Возникает вопрос: возможно ли создать конституцию в условиях отсутствия консенсуса относительно ее основополагающих принципов? И как это повлияет на восприятие конституционного порядка со стороны граждан? При наличии глубокого общественного раскола на момент создания конституции закрепление конкретных политических идеалов в новом основополагающем документе может привести к негативным последствиям. Это может спровоцировать усугубление существующих общественных конфликтов и противоречий, а также ослабить роль конституции как ключевого документа. Таким образом, при анализе опыта конституционного развития в России, особенно в контексте теории конституционной дисгармонии, необходимо обратиться к моменту принятия действующей Конституции Российской Федерации. Важно понять, существовал ли в обществе консенсус по поводу изменений, происходящих в государстве и обществе.

В самом начале своего существования российский конституционный проект, разработанный в 90-е гг. XX в., представлял собой стремление к некоему идеалу, попытку оттолкнуться от собственного прошлого. Это было своего рода противостояние «советскому тоталитарному наследию», которое стремились преодолеть реформаторы того времени. Этот процесс можно сравнить с первыми этапами становления конституционной идентичности в Германии. Как отмечает Дж. Бомхофф, на начальном этапе развития немецкого конституционного проекта был «страх перед возвращением варварства» (Bomhoff 2013: 117). Стремление преодолеть собственное прошлое также было характерно для ранних этапов становления российской конституционной идентичности. Очевидно, что текст «старой» Конституции РСФСР 1978 г. не соответствовал новым социальным условиям. Это подтверждалось большим количеством поправок, которые были внесены в нее с 1992 по 1993 г. Однако, несмотря на более 400 поправок, должное и сущее не удавалось гармонизировать. Сложилась ситуация конституционной дисгармонии, социальная и правовая ткань взаимно отторгали друг друга.

Задача по преодолению этой очевидной дисгармонии (путем разработки новой конституции) легла на реформаторов из числа членов Конституционной комиссии. Но это их стремление вызывало и ответное сопротивление со стороны самых разных политических сил того времени. Большинство очевидцев и участников работы Конституционной комиссии отмечали, что обстановка, в которой проходила ее работа, была довольно напряженной. Конституция рождалась в атмосфере политической войны Верховного Совета и Президента, социальных потрясений и экономической стагнации.

Таким образом, текст «старой» конституции не соответствовал социальным и политическим реалиям, а новый Основной закон, вступивший в силу 25 декабря 1993 г., не в полной мере отражал общественное согласие. Как по этому поводу отмечал С. Шахрай: «Есть конституции, которые являются очень хорошим форматом договора общественного согласия. Например, это Конституция Испании. У нас в октябре 1993-го никакого общественного согласия не было»¹⁸.

Данное утверждение подтверждается результатами голосования. На референдуме «за» проголосовало 58,43% участников, а «против» – 41,57%. Более трети избирателей (32,03%) либо проигнорировали референдум, либо выступили против проекта новой Конституции. Сегодня можно с уверенностью сказать, что радикальная конституционная реформа была основана на недостаточном общественном и политическом консенсусе. Несомненно, все эти факторы оказали значительное влияние на формирование конституционной идентичности и существенно обострили потенциальные конституционные противоречия. Реформаторы не обладали полным мандатом на внесение изменений в конституцию. Такой мандат мог быть получен только в результате достижения реального компромисса между различными политическими силами, которые предлагали свои конституционные проекты.

Анализируя российский опыт конституционного развития через призму концепции конституционной дисгармонии, можно выделить несколько ключевых условий, которые повлияли на формирование российской конституционной идентичности на начальном этапе ее возникновения. Во-первых, это недостаточный общественный консенсус: принятая в 1993 г. Конституция не стала результатом широкого общественного согласия. Это подтверждается низким уровнем явки на референдум и значительной долей голосов, отданных против проекта. Таким образом, новая Конституция не получила полноценной поддержки большинства населения, что повлияло на ее восприятие и последующую реализацию. Во-вторых, ситуация политического противостояния: процесс разработки и принятия Конституции происходил в условиях острой политической борьбы между Верховным Советом и Президентом. Это привело к тому, что многие решения принимались в спешке и без должного учета мнения всех заинтересованных сторон, что также способствовало конституционной дисгармонии. В-третьих, очень важную роль сыграло «наследие прошлого»: реформаторы стремились создать новое государство, преодолевая советское наследие, что напоминало начальный этап формирования конституционной идентичности Германии после Второй мировой войны. Однако, в отличие от Германии, где страх перед возвращением тоталитаризма стал объединяющей силой, в России отсутствие единства в понимании будущего страны усугубляло ситуацию.

¹⁸ *Дмитров Д.* «Вы что, хотите гражданскую войну развязать?» Кризис экономики, борьба за власть и сепаратизм: в каких условиях создавалась Конституция 1993 года? // Лента.Ру. 2020. 29 июня. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/06/29/constitution1993/> (дата обращения: 20.06.2024).

Все эти факторы оказали значительное влияние на становление российской конституционной идентичности. В связи с этим возникает закономерный вопрос: если принятие конституции не стало настоящим революционным событием, способным преобразовать общество, то, возможно, это проложило путь для эволюционных социальных-политических изменений, как и надеялись реформаторы? Теория Якобсона не дает однозначного ответа на этот вопрос. Для того чтобы произвести оценку трансформации истинных ценностей граждан, необходимо прибегнуть к использованию значительно более строгих и эмпирически подтвержденных методов социологической науки.

Дисгармония конституции и социального порядка

Простая констатация определенных диссонансов, основанная на субъективном мнении (пусть авторитетном) ведущих экспертов-конституционалистов, выглядит недостаточно убедительно. Для обоснования противоречий между Конституцией и социальной реальностью необходимо более объективное основание. Иными словами, придется оценить влияние «реального» содержания конституционной идентичности (на уровне измеряемых ценностей) на специфику конституционной динамики в этот период. Данную задачу невозможно решить без привлечения социологического инструментария. Трансформации социокультурных ценностей и конкретные конституционные трансформации должны быть взаимосвязаны, соотноситься друг с другом. По справедливому замечанию Г.Дж. Якобсона, «конституции нельзя рассматривать только на уровне абстракций, которые позволяют исчезнуть кажущемуся напряжению», никакого конституционного развития не происходило бы, «если бы закон полностью гармонизировал с самим собой и с социальной реальностью» (Jacobsohn 2010: 4).

По нашему мнению, выход за рамки юриспруденции здесь будет оправдан, так как измерение социокультурной динамики (в данном случае, связанной ценностными ориентациями) невозможно без привлечения средств социологической науки. Также желательно, чтобы такое измерение было не произвольным, оценочным, а основывалось на «твердых» эмпирических источниках. Все это позволит решить трудную задачу, поставленную еще А.С. Авакяном. Ученый сформулировал ее следующим образом: «...Во многих случаях определить с математической не только точностью, но даже и приближительностью, какой процент от заложенных в конституции общественных отношений реально существует, очень сложно» (Авакян 2000: 20).

Всем этим критериям отвечает масштабный проект «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey – WVS), консолидирующий информацию о доминирующих ценностных ориентациях в разных странах¹⁹. Всего прошло 7 волн опросов, Россия участвует в нем с 1990 г., последняя

¹⁹ World Values Survey 1981–2014 Longitudinal Aggregate v.20150418. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: JDSYSTEMS, Madrid SPAIN. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 18.03.2024).

волна датирована 2020 г. Данные этого исследования являются вполне операциональными для установления «реального» содержания конкретной национальной идентичности и основных тенденций к изменению этой идентичности почти с «математической точностью». Детальное описание методов и результатов столь масштабного исследования выходит за рамки данной статьи и сферы экспертизы ее автора. Приведем лишь некоторые замечания, связанные с ценностными ориентациями россиян, на основе выводов, сделанных авторами проекта WVS.

Во-первых, интерес представляют не сами первичные данные кросс-культурного исследования, а авторская концепция Инглхarta–Вельцеля (параметрическая матрица), представляющая необходимый инструмент для работы с ними (на ее основе исследователями разработана оригинальная культурная карта мира)²⁰. Р. Инглхарт и К. Вельцель предлагают два измерения кросс-культурных различий: измерение «традиционные ценности»/«светско-рациональные ценности» и измерение «ценности выживания»/«ценности самовыражения» (Инглхарт, Вельцель 2011: 81–85). Эти два четких измерения, на основе 10 элементов факторов), позволяют отразить разнообразие кросс-культурных различий, а также определить специфическое место конкретной национальной идентичности на культурной карте мира²¹.

Во-вторых, в контексте нашего исследования важно установить социокультурную специфику именно России, ценностные установки, свойственные российскому социуму. Можно сразу отметить устойчивую тенденцию: Россия в рамках нескольких волн *Values Survey* стабильно набирала высокие баллы по «секулярно-рациональным ценностям» и «ценностям выживания»²².

Как интерпретировать эти результаты? Инглхарт и Вельцель указывают, что для общества с высокими баллами по «ценностям самовыражения» характерен сдвиг в сторону «постматериалистических ценностей»: высокое значение самовыражения (в том числе политического), индивидуального благополучия, активная вовлеченность в принятие значимых решений по экономическим и политическим вопросам (Инглхарт, Вельцель 2011: 86).

²⁰ Культурная карта мира Инглхarta–Вельцеля – Обзор мировых ценностей 7 (2020) [Предварительная версия]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.03.2024).

²¹ Инглхарт и Вельцель отмечают, что «эти десять элементов отражают ситуацию по измерениям “традиционные/секулярно-рациональные ценности” и “ценности выживания/самовыражения” по результатам факторного анализа данных *Values Survey*, агрегированных на национальном уровне за счет вычисления среднего показателя по каждой стране» (Инглхарт, Вельцель 2011: 82).

²² Необходимо отметить, что в поздних волнах исследования WVS прослеживается определенный сдвиг в социокультурной динамике – медленное движение от ценностей выживания к ценностям самовыражения (если сравнивать данные ранних волн исследования и последней (7) в 2020 г). В данный момент Россия по этому показателю находится примерно на одном уровне с такими странами как Сербия, Греция, Казахстан, Грузия, Украина, Беларусь, Турция, Малайзия, Азербайджан.

Россияне, согласно данному исследованию, ориентированы на сугубо «материалистические» ценности выживания, то есть уделяют основное внимание удовлетворению экономических и витальных (физических) потребностей. Характеризуя «материалистические ценности», К. Вельцель отмечает, что в обществах, где они играют преобладающую роль, «относительно высок уровень веры в возможности науки и техники, слаба экологическая активность и существует скорее позитивное отношение к авторитарным формам правления» (Инглхарт, Вельцель 2011: 87). Разумеется, это некий усредненный портрет, агрегированный на национальном уровне за счет вычисления среднего показателя по стране, российское общество (как и любое) совсем не гомогенно.

Исходя из этого обобщенного социологического портрета, можно сделать вывод о том, что россияне скорее были ориентированы на социальные права, получаемые с помощью государства (дотации, льготы и т.д.), патернализм, а не на индивидуальные «негативные» свободы от государства, неразрывно связанные с «ценностями самовыражения». Негативные свободы, как «область, свободная от вмешательства государства», должны быть неразрывно связаны с ценностями самовыражения (автономия человека от государства, «свобода от произвола» являются необходимым условием для самовыражения, обретения субъектности). Для людей, приверженных этим ценностям, будет справедливым высказывание И. Берлина: «Чем шире область невмешательства, тем шире моя свобода» (Берлин 2001: 127). В объективной социальной реальности мы не находим и следа «революции ценностей», фактически, убеждения среднего российского жителя мало соотносились с идеей эмансипации, значительной автономии человека от государства, скорее напротив, общество по-прежнему было центрировано на всеильном «отеческом» государстве, распространяющем отношения опеки и контроля на личность и общество в целом.

Таким образом, данные WVS показывают, что социокультурная дистанция между «постматериалистическими» ценностями Конституции (в ее первоначальной редакции) и реальными ценностями россиян достаточно значительна. Результаты, полученные в рамках проекта WVS, не раз подтверждались и в ходе других социологических исследований массовых ценностей россиян. Так, например, в ходе мониторинга состояния гражданского общества, Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ на базе опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», российские исследователи пришли к сходным результатам (о приоритете для россиян ценностей выживания, «права на опеку») (см.: Мерсиянова, Корнеева 2011).

Очевидно, что между идеальной конституционной моделью и реальными ценностями россиян существовал и во многом продолжает существовать большой разрыв, подтверждаемый данными приведенных выше исследований. По нашему мнению, формирование и функционирование институтов тесно связано с индивидуальными убеждениями, а при анализе конституционной динамики всегда стоит исходить из наличия связи «население – политическая система» (связи политико-правовой культуры,

определенных институтов, тенденций – и сферы индивидуальных ценностей). Массовые ценности во многом определяют судьбу каждой конкретной нации. Инглхарт и Вельцель отмечают, что факты свидетельствуют о наличии причинно-следственной связи между массовыми ценностями и институтами, причем направленность этой связи идет «от ценностей к институтам, а не наоборот» (Инглхарт, Вельцель 2011: 356). Всякое рассуждение о «действительной», «фактической» конституции без опоры на эту эмпирику выглядит недостаточно убедительно, спекулятивно. В конечном итоге, даже с помощью конституции нельзя навязать обществу тот набор ценностей, который ему не свойственен, вот почему это должно иметь значение для тех, кто исследует конституции и их идентичности. Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что пропасть между идеалами, заложенными в первоначальную версию Конституции, и реальными ценностями граждан России, вопреки надеждам реформаторов, осталась неизменной. Конституционный проект, в своей основе представляющий собой радикальное отступление от социальной реальности, подтвердил тезис Якобсона о том, что конституционная идентичность не может возникнуть сама по себе, из ничего, даже при самых благих намерениях реформаторов.

Конституционная дисгармония на уровне текста Конституции Российской Федерации

Как проявляется конституционная дисгармония (*disharmonic constitution*) на уровне текста российской Конституции? Насколько высок потенциал конституционной дисгармонии (или наоборот) и какие факторы оказывают на него влияние? Ответы на эти вопросы мы попробуем получить в данном параграфе нашей работы.

С точки зрения Г.Дж. Якобсона, текст любой конституции имеет определенный потенциал дисгармонии («обещание дисгармонии»). Соответственно, текст российской конституции также не должен быть лишен некоторых противоречий. Для цели нашего исследования необходимо будет на время отказаться от устоявшегося позитивистского взгляда (еще со времен К. Хессе) на конституцию как на единый документ, который не может содержать явных противоречий.

В начале этой части мы говорили о проблемах, которые усугубляли дисгармонию на начальном этапе конституционного развития и оказывали значительное влияние на формирование постсоветской конституционной идентичности. Эти сложности сказались и на тексте российской конституции. Так, например, Н.С. Бондарь приводит целую классификации противоречий и пробелов (внутренних дисгармоний) в тексте конституции: «...1) умолчания Конституции (например, относительно социальной функции частной собственности; 2) преднамеренное внедрение в правовые институты конституционно-текстуальных противоречивых положений (например, часть 1 статьи 5 Конституции РФ, с одной стороны, и часть 4 той же конституционной статьи – с другой); 3) конституционная “избыточность”, нарочито-декларативная противоречивость (например, статья 13 Консти-

туции РФ); 4) институт «скрытых» полномочий Президента, других конституционных органов; 5) так называемую «остаточную пробельность», которая предполагает, в частности, именно такую особенность конституционного закрепления сферы исключительного ведения субъектов РФ» (Бондарь 2010: 72).

Многие из перечисленных выше дисгармоний были заложены еще на этапе создания текста конституции. Рассматривая дальнейшую эволюцию текста российской Конституции, следует уделить особое внимание сравнительно «новым» статьям Основного закона. Конституция в ее первоначальной редакции, несмотря на некоторые противоречия, в ряде своих важнейших положений выражала скорее либеральную интенцию. Вместе с тем новые статьи конституции, лежащие за пределами неизменяемого «ядра» (1 и 2 глав), внесенные в текст Конституции в 2020 г., имеют комплексный характер и отражают, в противовес «старому» ядру Конституции, скорее антилиберальную интенцию. Так, например, в ст. 75 устанавливается новая модель отношений государства и общества, основанная на «сбалансированности прав и обязанностей гражданина», а также идеях солидаризма (фр. *solidarisme*, от *solidaire* – действующий заодно). Солидаризм в политической философии прочно связан с антилиберальным комплексом идей (концепты всеединства, идеал-реализма, общего дела, соборности) и основан на взглядах таких философов, как В. Соловьёв, С. Франк, Н. Бердяев и И. Ильин²³. Идеи соборности, общего солидарного действия выступают альтернативой классическому либеральному индивидуализму в политической, экономической и социальной сферах²⁴. Другим примером «антилиберальной интенции» поправок является ст. 114 ч. 1, пункт «в», устанавливающая основы «государственной политики в области сохранения традиционных семейных ценностей», которые, очевидно, выступают в значении *contrario* по отношению к ценностям автономии личности²⁵. Эти примеры, разумеется, лишь отчасти иллюстрируют конфронтационный потенциал (по отношению к либеральным ценностям) «поправок-2020».

Важность этих положений в контексте нашей работы состоит в их дисгармоничности: в Конституции России появляется два полюса (ядра) – «либеральный» и альтернативный «этатистский». Причем эта дихотомия является

²³ Также об этой концепции много писали М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, Б.А. Кистяковский. Для отечественных мыслителей характерным является понимание солидарности, как особого человеческого взаимодействия, консолидирующего всеобщие усилия на достижении общезначимых (экономических, политических, социальных) целей.

²⁴ О солидаризме, идеях «третьего пути» см.: (Нелль-Брейнинг 2007; Сендров 2007: 302-303; Окара 2013).

²⁵ Следует заметить, что вопрос о значении «традиционных ценностей» является дискуссионным, а сам термин полисемичным. Обычно под «традиционными ценностями» понимается все, что может послужить материалом для конструирования национальной идентичности (обычаи, религиозные нормы, мифология и т.д.). Однако нередко его используют в значении *contrario* (выводят от противного из «космополитических» универсальных ценностей).

принципиальной, так как отражает несовместимые идеи (характерный признак дисгармонии по Якобсону), «два понимания свободы»: признание ограничения власти свободой, «либеральное ядро» (1-2 гл.), с одной стороны, либо напротив, ограничение прав интересами государства, «этатистское ядро» (3-8 гл.). По сути, поправки формируют новое смысловое ядро конституции, в то время как старое остается²⁶. Это приводит к конкуренции и между самими положениями, и между конституционными смыслами, что является ярким примером конституционной дисгармонии (борьбы несовместимых идей) по Якобсону. В заключении о конституционности поправок, вынесенном Конституционным судом России, была использована иная логика, и в нем не были выявлены противоречия. При этом суд не обратил внимания на культурно-идеологические коннотации некоторых положений²⁷. Как мы уже упоминали, несовершенный (неполный, двусмысленный) текст конституции может быть более адаптивным и гибким, особенно если существенные противоречия уже присутствуют в социальном порядке (как, например, в Индии и Израиле). Однако в контексте российского конституционного опыта мы сталкиваемся с «неконструктивной» двусмысленностью, которая выражается в явных противоречиях между различными положениями действующей Конституции²⁸. Все это приводит к значительному усилению конституционной дисгармонии. По мнению Якобсона, это должно стать стимулом для активизации судебных и политических акторов, которые в процессе диалога между собой смогут выработать менее противоречивую интерпретацию конституционного текста. Если орган конституционного правосудия пойдет по этому пути, то наиболее логичным решением будет продолжить развитие доктрины конституционной идентичности, особенно ее внутренних функциональных возможностей²⁹.

²⁶ Мысль о наличии «ядра» в конституции не является чем-то новым в отечественной конституционной теории. Об этом писал еще Г.А. Гаджиев, выделяя в тексте российской Конституции особо защищенную часть – конституционное ядро. При этом Г.А. Гаджиев не выходил за рамки текста Конституции, отмечая, что для отбора «ядерных ценностей» необходима «методология их распознавания» (*Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России*. URL: https://www.ksrf.ru/News/Documents/report_Гаджиев_2016.pdf (дата обращения: 12.02.2022)).

²⁷ См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/> (дата обращения: 16.03.2024).

²⁸ Стратегия конструктивной двусмысленности заключается в избегании или обходе противоречий путем использования максимально общих и неопределенных формулировок. Подобный подход успешно применялся реформаторами в Индии, Израиле, Венгрии и других странах.

²⁹ В качестве ориентира можно рассмотреть путь конституционного развития доктрины базовых структур в Индии (см.: Белослудцев 2024).

В рамках этой доктрины можно попытаться разрешить если не все, то хотя бы наиболее острые конституционные противоречия.

Заключение

Теория конституционной дисгармонии, разработанная Г.Дж. Якобсоном, представляет собой оригинальный взгляд на конституционную динамику. Данная теория базируется на реалистическом подходе к праву, фокусируясь на противоречиях и лакунах в конституциях различных государств. Она также способствует интеграции правовых исследований с другими областями социальных наук, что позволяет глубже осмыслить природу и механизмы конституционных преобразований. С нашей точки зрения, у данной концепции есть ряд несомненных достоинств. В частности, акцент на динамичности и диалектическом подходе позволяет Якобсону представить конституционное развитие как процесс, который обусловлен сложностями социальной реальности и противоречивыми идеями, диалектически взаимодействующими друг с другом. Ученый проводит различие между внутренней и внешней дисгармонией, что позволяет ему лучше понять источники и динамику конституционных изменений. Внутренние противоречия в конституциях существуют внутри самого документа и связаны с наличием альтернативных видений или стремлений. Внешние же противоречия проявляются в несоответствии конституционных норм социальным и политическим реалиям конкретного социума.

Мы полагаем, что на конституционную дисгармонию могут оказывать влияние и другие факторы, которые Якобсон практически не упоминает. К ним относятся процессы международной интеграции, в частности европейской, а также сложность устройства государства и различные диспропорции между федерацией и ее субъектами. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что для выявления противоречий между конституционными положениями и социальной действительностью требуется более объективный подход, нежели тот, который предлагает Якобсон. Мы убеждены, что данная проблема не может быть решена без использования методов и инструментов социологической науки. Только с помощью данных конкретных социологических исследований можно успешно измерить социокультурную динамику и выявить преобладающие ценностные ориентации конкретного общества.

Учитывая все эти замечания, мы обратились к концепции «конституционной дисгармонии» как к аналитическому инструменту, который помог нам выявить ключевые факторы, повлиявшие на формирование российской конституционной идентичности. Все это позволило обнаружить определенные точки напряжения, которые следует принимать во внимание:

– во-первых, на начальном этапе конституционного строительства в России наблюдался ряд значимых противоречий, которые оказали существенное воздействие на формирование и развитие конституционной дисгармонии. К этим противоречиям можно отнести недостаток общественного консенсуса, острое политическое противостояние, а также влияние

советского наследия. Отсутствие широкого общественного одобрения Конституции 1993 г., политическая борьба за преодоление советского прошлого без четкого понимания будущего страны создали условия для возникновения внутренних и внешних противоречий, которые оказали значительное влияние на восприятие и реализацию действующей Конституции Российской Федерации;

– во-вторых, наличие довольно глубокого разрыва (в первую очередь, ценностного) между идеальной конституционной моделью и реальными ценностями большинства россиян. Это несоответствие имеет принципиальное значение, так как существуют причинно-следственные связи между ценностями и институтами;

– в-третьих, существенное противоречие внутри самой Конституции РФ, выражающееся в «борьбе двух интенций», связанных с относительно обособленными ценностными полюсами (ядрами) – «либеральным» и «этатистским». Наличие смысловых разрывов в тексте Конституции является источником «неконструктивной» двусмысленности, которая выражается в явных противоречиях между отдельными положениями действующей Конституции. Это приводит к усилению конституционной дисгармонии и требует от политических и судебных акторов найти общее понимание и согласованную трактовку конституционной идентичности России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авакьян С.А. 2000. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва : Рос. юрид. издат. дом : Сашко. 528 с.

Белослудцев О.С. 2024. Борьба за идентичность Конституции Индии: в контексте реализации доктрины базовых структур // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Т. 20, № 2. С. 28–36. DOI 10.61205/S199132220029654-5

Берлин И. 2001. Философия свободы. Европа. Москва : Новое лит. обозрение. 448 с.

Бондарь Н.С. 2010. Конституционные пробелы и конфликты как отражение социальных противоречий: в контексте практики Конституционного Суда РФ // Terra Ecomonicus. Т. 8, № 1. С. 70–79.

Гаджиев Г.А. 1998. К вопросу о пробелах в Конституции // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования : [сб. на основе докл. участников круглого стола, Москва, 6 марта 1998 г.] / Моск. обществ. науч. фонд; [ред.-сост. К.Г. Гагнидзе]. Москва. С. 20–24.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. Москва : Новое изд.-во. 464 с.

Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. 2011. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. Москва : Нац. исслед. ун-т – Высш. шк. экономики. 196 с.

Нелль-Брейнинг О. фон. 2007. Солидаризм – идея для посттоталитарной России : (Интервью журналу «Посев») // Портрет солидаризма. Идеи и люди / сост. В.А. Сендеров. Москва : Посев. С. 183–200.

Окара А.Н. 2013. Солидаризм: Забытая идеология XXI в. // Политическая наука. № 4. С. 146–155.

Руденко В.Н. 2017. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17, № 4. С. 115–127. DOI 10.17506/ryipl.2016.17.4.115127

Руденко В.Н. 2018. Стратегия коммуникативного дискурса в конституционно-правовой защите прав человека // Дискурс-Пи. № 2(31). С. 140–148. DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.140148

Сендров В.А. 2007. Солидаризм – третий путь Европы // Портрет солидаризма. Идеи и люди / сост. В.А. Сендеров. Москва : Посев. С. 300–320.

Beteille A. 2012. Caste, class, and power : changing patterns of stratification in a Tanjore village. 3rd ed. New Delhi ; New York : Oxford Univ. Press. XXXIV, 295 p.

Bomhoff J. 2013. Balancing Constitutional Rights: The Origins and Meanings of Postwar Legal Discourse. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 290 p.

Chakrabarty B. 2019. India's Constitutional Identity: Ideological Beliefs and Preferences. Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge. 250 p.

Deshpande A. 2013. Affirmative action in Indian. New Delhi ; Oxford : Oxford Univ. Press. 218 p.

Gábor A.T. 2018. Lost in Transition: Invisible Constitutionalism in Hungary. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 541–562.

Hirschl R. 2010. Constitutional Theocracy. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press. 314 p.

Horváth A. 2019. Nem ismerjük el az 1949. évi kommunista alkotmányt, mert egy zsarnoki uralom alapja volt, ezért kinyilvánítjuk érvénytelenségét // Rendhagyó kommentár egy rendhagyó preambulumról / Patyi A. (szerk.). Budapest : Dialóg Campus. P. 487–500.

Horváth A. 2021. History of doctrine of the Holy Crown // The Hungarian Holy Crown and the Coronation Regalia / Tóth E. (szerk.). Budapest : Országház Könyvkiadó. P. 429–447.

Huntington S. 1981. American Politics: The Promise of Disharmony. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press. 320 p.

Jacobsohn G.J. 2006. Constitutional Identity // The Review of Politics. Vol. 68, № 3. P. 361–397. DOI 10.1017/s0034670506000192

Jacobsohn G.J. 2010. Constitutional Identity. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press. 388 p.

Jacobsohn G.J. 2011. Rights and American Constitutional Identity // Polity. Vol. 43, № 4. P. 409–431. DOI 10.1057/POL.2011.10

Jacobsohn G.J. 2012. Revolution or Evolution: The Challenges of Constitutional Design reviewing Hana Lerner, Making Constitutions in Deeply Divided Societies // Tulsa Law Review. Vol. 48, № 2. P. 235–244.

Jacobsohn G.J. 2014. Theorizing the Constitutional Revolution // Journal of Law and Courts. Vol. 2, № 1. P. 1–32. DOI 10.1086/674453

Jacobsohn G.J. 2020. Constitutional revolution. New Haven : Yale Univ. Press. 384 p.

Lerner H. 2011. Making Constitutions in Deeply Divided Societies. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 262 p.

Rosenfeld M. 1994. Modern Constitutionalism as Interplay Between Identity and Diversity // Constitutionalism, Identity, Difference, and Legitimacy : Theoretical Perspectives / Ed. by M. Rosenfeld. Durham ; London : Duke Univ. Press. P. 3–38.

Vörös I. 2015. Hungary's Constitutional Evolution During the Last 25 Years / Transl. from Hungarian Christian Mady // Südosteuropa. Vol. 63, № 2. P. 173–200.

References

- Avakyan S.A. *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity], 2nd ed., Moscow, Rossiyskiy yuridicheskiy izdatel'skiy dom, Sashko, 2000, 528 p. (in Russ.).
- Belosludtsev O.S. The Struggle for the Identity of the Indian Constitution: In the Context of the Implementation of the Basic Structures' Doctrine, *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 28–36. <https://doi.org/10.61205/S199132220029654-5> (in Russ.).
- Berlin I. *Filosofiya svobody. Evropa* [The Philosophy of Freedom. Europe], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 448 p. (in Russ.).
- Beteille A. *Caste, class, and power : changing patterns of stratification in a Tanjore village*, 3rd ed., New Delhi, New York, Oxford Univ. Press, 2012, xxxiv, 295 p.
- Bomhoff J. *Balancing Constitutional Rights: The Origins and Meanings of Postwar Legal Discourse*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2013, 290 p.
- Bondar N.S. Constitutional Gaps and Conflicts as Demonstration of Social Contradictions in Practice of Constitutional Court of the Russian Federation, *Terra Economicus*, 2010, vol. 8, no. 1, pp. 70–79. (in Russ.).
- Chakrabarty B. *India's Constitutional Identity: Ideological Beliefs and Preferences*, Abingdon, Oxon, New York, NY, Routledge, 2019, 250 p.
- Deshpande A. *Affirmative action in Indian*, New Delhi, Oxford, Oxford Univ. Press, 2013, 218 p.
- Gábor A.T. *Lost in Transition: Invisible Constitutionalism in Hungary*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2018, pp. 541–562.
- Gadzhiev G.A. *K voprosu o probelakh v Konstitutsii* [On the Issue of Gaps in the Constitution], K.G. Gagnidze (ed., comp.), *Probely v rossiyskoy Konstitutsii i vozmozhnosti ee sovershenstvovaniya*, Moscow, 1998, pp. 20–24. (in Russ.).
- Hirschl R. *Constitutional Theocracy*, Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 2010, 314 p.
- Horváth A. History of doctrine of the Holy Crown, E. Tóth (ed.), *The Hungarian Holy Crown and the Coronation Regalia*, Budapest, Országház Könyvkiadó, 2021, pp. 429–447.
- Horváth A. *Nem ismerjük el az 1949. évi kommunista alkotmányt, mert egy zsarnoki uralom alapja volt, ezért kinyilvánítjuk érvénytelenségét* [We do Not Recognize 1949. The Communist Constitution, Because it Was the Basis of a Tyrannical Rule, Therefore we Declare its Invalidity], A. Patyi (ed.), *Rendhagyó kommentár egy rendhagyó preambulumról*, Budapest, Dialóg Campus, 2019, pp. 487–500. (in Hungarian).
- Huntington S. *American Politics: The Promise of Disharmony*, Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1981, 320 p.
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011, 464 p. (in Russ.).
- Jacobsohn G.J. *Constitutional Identity*, Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 2010, 388 p.
- Jacobsohn G.J. Constitutional Identity, *The Review of Politics*, 2006, vol. 68, no. 3, pp. 361–397. <https://doi.org/10.1017/s0034670506000192>
- Jacobsohn G.J. *Constitutional revolution*, New Haven, Yale Univ. Press, 2020, 384 p.
- Jacobsohn G.J. Revolution or Evolution: The Challenges of Constitutional Design reviewing Hana Lerner, Making Constitutions in Deeply Divided Societies, *Tulsa Law Review*, 2012, vol. 48, no. 2, pp. 235–244.
- Jacobsohn G.J. Rights and American Constitutional Identity, *Polity*, 2011, vol. 43, no. 4, pp. 409–431. <https://doi.org/10.1057/POL.2011.10>

Jacobsohn G.J. Theorizing the Constitutional Revolution, *Journal of Law and Courts*, 2014, vol. 2, no. 1, pp. 1–32. <https://doi.org/10.1086/674453>

Lerner H. *Making Constitutions in Deeply Divided Societies*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2011, 262 p.

Mersiyanova I.V., Korneeva I.E. *Vovlechnost' naseleniya v neformal'nye praktiki grazhdanskogo obshchestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie* [Public Involvement in Informal Civil Society Practices and NGO Activities: a Regional Dimension], Moscow, Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet – Vysshaya shkola ekonomiki, 2011, 196 p. (in Russ.).

Nell-Breuning O. von. *Solidarizm – ideya dlya posttotalitarnoy Rossii : (Interv'yu zhurnalnuyu «Posev»)* [Solidarism is an Idea for Post-totalitarian Russia : (Interview with Posev Magazine)], V.A. Senderov (comp.), *Portret solidarizma. Idei i lyudi*, Moscow, Posev, 2007, pp. 183–200. (in Russ.).

Okara A.N. Solidarism: Forgotten Ideology of the XXI Century, *Political Science (Ru)*, 2013, no. 4, pp. 146–155. (in Russ.).

Rosenfeld M. Modern Constitutionalism as Interplay Between Identity and Diversity, M. Rosenfeld (ed.), *Constitutionalism, Identity, Difference, and Legitimacy : Theoretical Perspectives*, Durham, London, Duke Univ. Press, 1994, pp. 3–38.

Rudenko V.N. Communicative Discourse Strategy in Constitutional-Legal Protection of Human Rights, *Discourse-P*, 2018, no. 2(31), pp. 140–148. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.31.2.140148> (in Russ.).

Rudenko V.N. Deliberative Democracy in Axiology of Human Rights" Protection, *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 115–127. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.4.115127> (in Russ.).

Sendrov V.A. *Solidarizm – tretiy put' Evropy* [Solidarity is Europe's third way], V.A. Senderov (comp.), *Portret solidarizma. Idei i lyudi*, Moscow, Posev, 2007, pp. 300–320. (in Russ.).

Vörös I. Hungary's Constitutional Evolution During the Last 25 Years / Transl. from Hungarian Christian Mady, *Südosteuropa*, 2015, vol. 63, no. 2, pp. 173–200.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Станиславович Белослудцев

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права юридического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия;
ORCID: 0000-0001-6946-3327;
SPIN-код: 2278-7957;
E-mail: bos.perm@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Belosludtsev

Candidate of Law, Associate Professor of State and Administrative Law of National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia;
ORCID: 0000-0001-6946-3327;
SPIN-code: 2278-7957;
E-mail: bos.perm@yandex.ru

Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая) // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 138–158. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_138

УДК 343.01

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_138

Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая)

Сергей Владимирович Маликов

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: moksha1@rambler.ru

*Поступила в редакцию 28.02.2025, поступила после рецензирования 30.04.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

Актуальность данной статьи, являющейся, по сути, продолжением статьи «Историческая школа права как основа исторического направления в русской уголовно-правовой доктрине (статья первая)»¹, обусловлена необходимостью, во-первых, устранить лакуны в истории науки уголовного права, образовавшиеся в связи с ее фрагментацией, исключением из научного поля ряда уголовно-правовых школ, в том числе исторической школы русского уголовного права; во-вторых, возвращения в научный оборот работ ученых XVIII в., стоявших у истоков права в целом и уголовного права в частности, что обеспечит более полное и глубокое познание современной уголовно-правовой теории, ее природных корней, отражающих самобытность и национальные особенности русской доктрины. Цель исследования – показать зарождение историко-сравнительного направления в теории русского уголовного права как составляющей исторической школы русского уголовного права, сложившейся на основе исторической школы права Савиньи, определить его представителей, раскрыть их научное наследие, не утратившее своего значения и в настоящее время. Теоретико-методологической основой исследования выступает диалектический материализм, а также логический и историко-догматический методы познания. Краткое содержание работы. В статье приводятся

¹ См.: Антиномии. 2025. Т. 25, № 1. С. 128–158.

© Маликов С.В., Чучаев А.И., 2025

краткие биографические сведения предвозвестника историко-сравнительного направления исторической школы русского уголовного права и даются характеристики уголовно-правовых взглядов А.Я. Поленова и основоположника диахронной компаративистики С.Е. Десницкого, преподавателей императорского Харьковского университета И.Ф. Тимковского и К.Ф. Миха(й)ловского, в работах которых не только нашли отражение идеи указанных ученых, но и получили дальнейшее свое развитие как в общетеоретическом, так и в прикладном аспектах. Основные выводы исследования сводятся к следующим: 1) историко-сравнительное направление русского уголовного права характеризуется своеобразием концептуальных основ: возникнув на почве историко-правовой школы Савиньи, оно вобрало в себя как сложившиеся в России традиции исторического изучения права, так и научное наследие Поленова и в особенности Десницкого; 2) Поленов, будучи убежденным, что право каждого народа своеобразно, носит отпечаток разных обстоятельств, изучение которых дает возможность определить причины, вызвавшие перемены в законодательстве других стран, ратовал за исследование зарубежного права, но был при этом категорически против непосредственной имплементации в русское право чуждых ему элементов и форм; 3) Десницкий, являясь ученым энциклопедистом, достаточно обстоятельно разработал теоретико-методологические основы сравнительного правоведения, воспринимая исторический способ как исследование истории отдельных институтов права у разных народов в их развитии для «выяснения законов их смены»; высказал прогрессивные уголовно-правовые идеи, в ряде случаев перекликавшиеся с воззрениями К.-Г. Лангера, Ч. Беккариа и А. Смита (в частности, о причинах индивидуального преступного поведения, *jus puniendi*, дифференциации правовой ответственности, равенстве перед уголовным законом, справедливости наказания, смертной казни и др.), не утратившие своего значения и в настоящее время; 4) научное наследие Тимковского и Миха(й)ловского, относящееся к историко-сравнительной доктрине уголовного права, невелико, однако от этого оно не менее значимо, свидетельствует о преемственности идей школы Десницкого, его научном влиянии на становление и развитие историко-сравнительного направления исторической уголовно-правовой мысли российского уголовного права.

Ключевые слова: историческая школа права; историческая школа русского уголовного права; историко-сравнительное направление; А.Я. Поленов; С.Е. Десницкий; И.Ф. Тимковский; К.Ф. Миха(й)ловский; научное наследие; современная диахронная компаративистика

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part Two)

Sergey V. Malikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 28.02.2025, revised 30.04.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. This article, which serves as a continuation of the work *The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part One)*², is motivated by two key imperatives. First, it seeks to address gaps in the history of criminal law scholarship caused by its fragmentation and the exclusion of certain schools of thought – particularly the historical school of criminal law in Russia – from academic discourse. Second, it aims to reintroduce the works of 18th century legal scholars who laid the foundations of law, and criminal law in particular. Such reintegration will enable a more profound understanding of contemporary criminal law theory, its philosophical roots, and the unique national characteristics of Russian legal doctrine. The study aims to trace the emergence of the historical-comparative approach in Russian criminal law theory as a component of the Russian historical school of criminal law – itself shaped by Friedrich Carl von Savigny’s historical school of law. It further seeks to identify key contributors to this approach, examine their scholarly legacy, and demonstrate its enduring relevance today. The article provides brief biographical details of the forerunner of the historical-comparative direction in the Russian historical school of criminal law and characterizes the criminal-legal views of Alexey Ya. Polenov and the founder of diachronic comparative law, Semyon E. Desnitsky, as well as Imperial Kharkov University professors Ilya F. Timkovsky and Capiton Ph. Mikhlovsky. Their works not only reflect the ideas of these scholars but also advanced them further in both theoretical and applied dimensions. The study’s key conclusions are as follows: 1) The historical-comparative direction in Russian criminal law is distinguished by its unique conceptual foundations. Emerging from Savigny’s school, it incorporated both Russia’s established traditions of historical legal studies and the scholarly legacy of Polenov and, especially, Desnitsky. 2) Polenov, convinced that each nation’s law is a unique one, shaped by diverse circumstances, advocated for examining foreign legal systems. However, he firmly opposed the direct transplantation of alien legal elements into Russian law. 3) Desnitsky, a polymath scholar, developed methodology of comparative jurisprudence, he approached history as the study of legal institutions across nations in their development to “uncover the laws of their evolution”. His progressive criminal-legal ideas on individual criminal behavior, *jus puniendi*, differentiated legal responsibility, equality before criminal law, penal justice, capital punishment, remain relevant to

² See: Antinomies, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 128–158.

this day. 4) Limited in volume, the scholarly contributions of Timkovsky and Mikhlovsky within the historical-comparative doctrine of criminal law are no less significant. They attest to the continuity of Desnitsky's school and its influence on the formation and development of the historical-comparative direction in Russian criminal-legal thought.

Keywords: historical school of law; historical school of Russian criminal law; historical-comparative approach; Alexey Ya. Polenov; Semyon E. Desnitsky; Ilya F. Timkovsky; Capiton Ph. Mikhlovsky; scholarly legacy; contemporary diachronic comparative studies

Acknowledgements: This research was conducted as part of the scientific project "Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development". This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Malikov S.V., Chuchaev A.I. The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part Two), *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 138-158. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_138

В середине XIX в. в историческом исследовании уголовного права, наряду со школой Неймана и ее представителями из числа западно-славянских криминалистов, возникло новое направление, которое, с одной стороны, основывалось на русских традициях исторического изучения права, восходящих к концу XVIII в., а с другой – ее сторонники во многом придерживались воззрений А.Я. Поленова и в особенности С.Е. Десницкого³.

Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816) – русский юрист, из костромских дворян. Предки были военными и получили поместья в награду за участие в походах. Действительный статский советник.

Закончил гимназию при Академии наук⁴, а затем, в 1754 г., – университет⁵ при этой же Академии. В университете изучал юриспруденцию («слушал лекции Штрубе де Пирмонта, а потом, с 1760 года, – Федоровича, который заменил «отбывшего от Академии» Струве»⁶), участвовал в переводе лифляндских законов, получил чин переводчика. За отличия в учебе

³ См.: (Маликов, Чучаев 2025).

⁴ Академическая гимназия – первое общеобразовательное среднее учебное заведение в Российской империи для мальчиков из различных свободных сословий. Учреждена в 1724 г. при Петре I. Первоначально полный гимназический курс был рассчитан на 7 лет, после чего гимназист мог быть переведен в Академический университет Петербургской академии наук. Если гимназист не хотел обучаться в университете, то мог изучать предметы по выбору.

⁵ Академический университет – первое светское высшее учебное заведение в Российской империи, основано Петром I в январе 1724 г. при Петербургской Академии наук. Считается предшественником Санкт-Петербургского государственного университета. Обучение велось с января 1726 г. академиками по трем «классам»: математика, физика и «гуманиоры». Лекции читались на латинском и немецком языках.

⁶ Шугуров М.Ф. Учение и ученики в XVIII веке. Б.м., 1866. С. 5.

награжден шпагой. В 1762 г. вместе с И.И. Лепехиным⁷ был отправлен на стажировку за границу.

Последнее обстоятельство М.В. Ломоносов описывает следующим образом: «Для учреждения Университета должно было иметь профессора юриспруденции, которое место после отрешения Штрубова, что ныне канцелярским советником, было порожнее. Ломоносов по рекомендации г. Гольдбаха и после одобрения в профессорском собрании (кроме Миллера) представил обер-авдителя Федоровича, который кроме того, что в университетах обучался, был через много лет в статской службе при медицинской канцелярии из адмиралтейства и сверх других изрядно научился Российскому праву (sic), почему он принят его сиятельством. Тауберт и Миллер его и по ныне ненавидят и гонят, за тем, что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особенно в двух случаях: 1) Научили недоброхоты из старых студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего принять не может (сия была причина посылки двух студентов за море, а не ради ученья). Сие Поленова доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано канцелярское определение мимо Ломоносова в поношение Федоровичу и удовольствие Поленову. А студент Лепехин послан с ним для виду»⁸.

Дмитрий Васильевич Поленов (1806–1878) – внук А.Я. Поленова, археолог и библиограф, член-корреспондент Академии наук, автор работы о Поленове высказал сомнения относительно объективности утверждения Ломоносова: «При всем уважении к великой личности Ломоносова, едва ли можно принять рассказ его за безусловную истину. Найдутся, вероятно, другие документы, которые покажут, что и переводчик Поленов, и студент Лепехин посланы были именно ради ученья»⁹.

Поленов до 1767 г. занимался римской историей и древностями, юридическими науками и французским языком. Обучался в Страсбургском (1762–1766) и Геттингенском (1766–1767) университетах. В процессе обучения увлекся историческими науками, чем вызвал большое недовольство членов Академии наук, видевших в Поленове профессора кафедры правоведения. Поленов в письме пытался объяснить необходимость для юриста исторического образования, но этим лишь больше настроил академиков против себя. По приезде из зарубежной командировки был оставлен без должности.

В 1771 г. Поленов был вынужден покинуть Академию наук и перейти в Комиссию по составлению законов, где занимался подготовкой проектов уголовного законодательства.

⁷ Лепехин Иван Иванович (1740–1802) – русский ученый-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель, лексикограф, академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1771).

⁸ Цит. по: Поленов Д.В. А.Я. Поленов, русский законовед XVIII века. Москва, 1865. С. 5.

⁹ Там же.

В 1765 г., находясь в Страсбурге, Поленов подготовил обширный план разработки русских законов. Характеризуя проект, он пишет: «...думаю взять на первый случай образцом Наставления императора Юстиниана для их непосредственного порядка и к каждому титулу присоединить российские, французские и немецкие права с показыванием их разности или согласия, не упуская причин исторических и политических, подавших повод к изданию нашего закона. С начала невозможно и притом одному привести в совершенный порядок такой важности и трудности дело и особливо для того, что прежние узаконения, или по крайней мере большая оных часть, смотря по нынешним обстоятельствам России, совсем не годны, и к решению дел не могут быть употреблены» (цит. по: Фельдштейн 2003: 133).

К сожалению, нет достоверных сведений о реализации автором намеченного плана, но мысли ученого, отраженные в письме, свидетельствуют о его попытке путем сравнительно-правового исследования извлечь положительный опыт формирования зарубежного права и использовать его *de lege ferenda* для создания русского законодательства, при этом ставя систему права в жесткую зависимость от причин, придавшим ему ту или иную форму. Другими словами, Поленов, по сути, предстает предвозвестником сравнительно-исторического направления (диахронной компаративистики) в изучении русского права вообще и уголовного права в частности¹⁰. Ученый был убежден, что право каждого народа своеобразно, носит отпечаток разных обстоятельств; изучение последних дает возможность определить причины, вызвавшие перемены в законодательстве других стран. Но, ратуя за изучение зарубежного права, он был категорически против непосредственного внедрения в русское право чуждых ему элементов и форм. Поленов пишет: «Примеры с других брать... не нужно, но единственно должно утверждаться на здравом рассуждении и на правилах человеколюбия, не упуская притом никогда из глаз общенародную пользу. Всякое государство имеет свое особенное составление, погрешности и превосходство; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учреждения какого государства можно было бы с пользою приложить к другому. Введение римских прав во многих европейских державах походит на чудовище...»¹¹.

Как и у Поленова, в научном наследии Десницкого не много работ, относящихся к уголовному праву. Самым ценным представляется определение им путей разрешения проблем уголовного правоправедения, исследованию которых он посвятил немало времени. Строго говоря, в его взглядах есть много от К.-Г. Лангера¹²; по утверждению самого Десницкого, он получил от него больше знаний, чем за все время пребывания в командировке в Англии.

¹⁰ В литературе Поленова иногда признают историком (см.: Сизинцев 2019: 114).

¹¹ Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России. С. 530.

¹² Лангер Карл-Генрих в 1764–1774 гг. в Московском университете читал естественное и народное право, политику, подчеркивая важность изучения юристами истории, статистики и философии. Кроме трех торжественных речей на латыни, ему принадлежит «Полный географический лексикон» (Москва, 1791–1792), содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света.

П.С. Грацианский считал, что взгляды Десницкого сформировались под влиянием Ломоносова, с воззрениями которого на задачи юридической науки мог ознакомиться перед поездкой в Глазго; последний уделял много внимания подготовке студентов, направляемых на учебу за границу (Грацианский 1978: 90).

По мнению Ломоносова, «...юриспрудент, на подобие историографа, должен собирать все, что надлежит до Российских новых и древних прав и для их объяснения и приводить их в систематическое расположение, для пользы при сочинении прав Российских; паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции полные без излишеств; ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузнаменательных производит в суде великие беспорядки, отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам. Оны дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юриспрудента, как новые изобретения, в форме диссертации собранию быть представлены на рассуждении, по апробации оного в комментариях напечатаны, с оговоркой, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились; но ради лучшего рассуждения в установлении и поправлении впрямь законов»¹³.

Семен Ефимович Десницкий (1740–1789)¹⁴ – русский просветитель, ученый-правовед, доктор римских и российских прав, ординарный профессор Московского университета, член Российской академии наук, коллежский асессор. По выражению Н.М. Коркунова, «праотец русской юридической профессуры»¹⁵. По признанию Ф.Л. Морошкина, «русский юридический факультет Московского университета создан всецело Семеном Ефимовичем Десницким. Им намечена и получившая осуществление программа, им же привлечены и слушатели. До его вступления на кафедру был период, когда один лишь профессор представлял собою факультет, и был год, когда на факультете был лишь один слушатель»¹⁶. Сыграл видную роль не только в становлении Московского университета, но и в российской правовой науке и российском просвещении.

¹³ *Биллярский*. Материалы для биографии Ломоносова собраны экстраординарным академиком Биллярским. Санкт-Петербург, 1865. С. 600–610.

¹⁴ В ряде источников утверждается, что год рождения Десницкого неизвестен (см., напр.: *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий. Первый русский профессор права. Санкт-Петербург, 1894. С. 8). Не приводится дата рождения ученого в Словаре русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, митрополита Евгения (в 2-х т. М, 1845), а также в Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленном трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку (М., 1855. Ч. 1). Б.В. Емельянов указывает 1740 год, но при этом делает оговорку – предположительно (см.: Емельянов 2022: 10).

¹⁵ *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий. Первый русский профессор права.

¹⁶ *Морошкин Ф.Л.* Речь Морошкина // Ученые Записки Московского университета. 1834. Ч. 3, № 8. С. 18.

Первоначальное образование получил в семинарии Троицкой Лавры¹⁷. Учился в университетской гимназии, потом в Московском университете. По указанию генерал-адъютанта И.И. Шувалова вместе с И.А. Третьяковым¹⁸ был командирован в Университет Глазго, где изучал юриспруденцию, математику, химию, историю, слушал курс нравственной философии у Адама Смита¹⁹. Как пишет А.Н. Круглов, очевидное влияние Смита на Десницкого отрицать невозможно. Тем не менее немало исследователей подчеркивают, казалось бы, невозможную в таких обстоятельствах самостоятельность русского мыслителя, уходя, тем самым, от его оценок как «восторженного апостола Смита». Это же справедливо и в отношении влияния Миллара. Г.М. Хэмбург отмечает, что «политическое мышление Десницкого в 1768 г. не было ни механическим повторением взглядов Адама Смита на политэкономии, ни нетворческой переработкой историко-социологической позиции Миллара относительно исторического прогресса, как предполагали некоторые ученые». Более того, даже открытость и восприимчивость к взглядам «господина Смита» потребовала от прибывшего в Глазго Десницкого немалых усилий, как это подчеркивает Коркунов, ибо воспитан он был в Москве на примерах в духе Винклера и Неттельбладта: «Не следует, однако, думать, что речи Десницкого – простая передача, слышанного им в аудиториях Глазговского университета». Однако благодаря обучению в Шотландии Десницкий на пару с Третьяковым донес в России до относительно широкой публики некоторые идеи своего университетского преподавателя Смита (Круглов 2019: 202-203).

Кроме лекций по нравственной философии, Десницкий посещал занятия у Джеймса Уильямса по математике и Джозефа Блэка по физике. Однако, как отмечает В.А. Томсинов, наибольшее значение для него как правоведа имели лекции Джона Миллара по гражданскому (римскому) праву, а также по публичному и частному шотландскому праву (Томсинов 2007: 134-135).

В Глазго Десницкий был удостоен степени магистра искусств (1765), а затем без защиты диссертации получил звание доктора гражданского и церковного права (1767). Ему были пожалованы «привилегии английского гражданства», несмотря на то что он оставался российским подданным.

Вернувшись в Россию, в 1767–1787 гг. занимал должность профессора права в Московском университете, где сначала читал римское право, а потом первым начал разработку русского права и вообще преподавание права на русском языке.

¹⁷ Смирнов О. История Троицкой Лаврской семинарии. Москва, 1867. С. 525.

¹⁸ Третьяков Иван Андреевич (1735–1776) – русский ученый-юрист, экстраординарный профессор Московского университета.

¹⁹ Курс Смита по нравственной философии охватывал: 1) естественную теологию; 2) этику; 3) юриспруденцию; 4) политическую экономию. Под юриспруденцией шотландский ученый понимал «теорию правил, которыми должны руководствоваться гражданские правительства» или «науку, исследующую общие принципы, которые должны быть фундаментом законов всех народов». Из этих утверждений явствует, что он являлся представителем естественного права (см. подробно: Томсинов 2007).

Наиболее известные труды: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (М., 1768) и «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах» (М., 1778).

Время пребывания Десницкого за границей совпало с зарождением исторической школы права. Представители голландской школы римского права культивировали ее идеи, много времени уделяли историзму в учебном процессе²⁰.

Отмечая необходимость исследования догмы русского права, Десницкий с горечью замечает: «...римское право преподается... уже более 20 лет, и во всей своей полной системе. Когда напротив сему Российское право не составляет в себе никакой особенной науки, кроме практического употребления судящих и судящихся; хотя впрочем основано оное на твердом положении, и утверждено быть может опытами множественных веков... <...> ...если бы Россиянам предложено было бы на выбор, которого из сих прав они не должны знать, без сомнения всякому бы лучше советовало не знать права Римского, нежели Российского»²¹. Ученый констатирует: «Удивительно, что в России до сих времен никакого почти особенного старания к отечественной Юриспруденции прилагается не было. Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений законов; и хотя старинные сводные уложения и не однажды деланы были, однако, за неимением совершенных и печатных, трудный доступ есть к запертым в частных хранилищах рукописным. Причиной тому может стать было то, что в России на природном языке все во всенародное известие было, и в Российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие применяются в законах феодальных правлений»²².

По мнению Десницкого, указанные наставления должны фиксировать права различного состояния людей в России и права, возникающие в связи с различными взаимными делами между российскими обывателями (то есть на основе договоров). Применительно к первой группе прав следует

²⁰ Влад. Калмыков отмечает: «...поездка за границу оставила неизгладимый след на образе мыслей Десницкого. Он подметил там проблески зарождающегося исторического направления в изучении права и явился первым и смелым представителем в России этого еще не вполне определившегося при нем направления. До него и в Московском университете, и в других учебных заведениях, где преподавалось правоведение, все коренилось на праве естественном, «перстом Божиим во всех сердцах написанном»; всюду господствовали Пуффендорф и Вольф. Можно было предполагать, что, воспитанный на их отвлеченных воззрениях, беспочвенных и далеких от действительности, Десницкий и сам окажется последователем естественного права. Но этого не случилось» (Калмыков Влад. Десницкий // Русский биографический словарь : в 25 т. Санкт-Петербург, 1905. Т. 6. С. 332).

²¹ Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах. Москва, 1778. С. 9, 12.

²² Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. Москва, 1768. С. 24–25.

отражать prerogативы российских монархов и дозволенные ими права их подданных; применительно ко второй группе – права вещественные и личные, а также все «тяжебные и криминальные дела»²³.

Десницкий указывал на ряд препятствий для организации научного изучения положительного русского права. К ним он, в частности, относил отсутствие, во-первых, систематизации законодательных актов; во-вторых, профессорско-преподавательского состава, готового к преподаванию истории русского права; в-третьих, методики преподавания русского права.

Профессор отвергал так называемое практическое изучение юриспруденции в судебных местах и глоссаторство²⁴. Как он отмечал, «...к счастью наших времен возвращен и нашей науке надлежащий способ исторический...»²⁵. Указанный способ он понимал как исследование истории отдельных институтов права у разных народов в их развитии для «выяснения законов их смены» (Фельдштейн 2003: 144). Справедливости ради следует заметить: Десницкий, говоря «об истолковании прав народных», «сношении обыкновений и законоположений нынешних с первоначальными»²⁶,

²³ Там же. С. 25.

²⁴ Десницкий пишет: «Искусство и знание, надобное судии, зависит:

1) От свойственности его рассуждений о том, что добрым и худым слывет в свете.

2) Такое его знание несравненно еще больше усугублено может быть из учения премногих примеров судебных дел.

Первое руководство, показывающее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия, натуральная юриспруденция и кроме сих учение природы человеческой, которая больше познается с чтения и примечаний писателей о разных правлениях народов, нежели из школьных метафизических споров.

Второе средство для снабжения наш разум довольными примерами судебных дел есть учение такой системы, в которой бы можно ясно видеть для нее примеры судов, и сверх сего начало, возвышение и совершенство правления. Для сего лучшей нет другой системы, кроме законов римских. Почему следует, чтоб судьи до вступления на такую должность довольно управлялись в нравоучительной философии, натуральной юриспруденции, в римских законах, и кроме сих наук они должны подробно знать и искусно толковать законы своего отечества... Судья, когда вступит на свою должность, сам больше еще узнает, в чем его знание и упражнение состоять должно. А теперь можно с доказательством об нем утверждать вообще, что он принужден будет иметь полное университетское воспитание, для которого по причине столь обширного государства российского со временем могут быть учреждены училища во всех местах, где такие главные судьи тяжebные и криминальные будут присутствовать, равномерно как и факультеты адвокатские с библиотеками, надобными адвокатам. Впрочем, судья... должен знать историю, разные языки, как, например, латинский, немецкий, французский и английский, дабы с помощью сих мог читать разные системы законов и тем бы мог усугубить свое знание и искусство в делах судебных» (*Десницкий С.Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // *Записки Императорской Академии наук.* 1768. Т. 7, № 4. С. 3).

²⁵ *Десницкий С.Е.* Юридическое рассуждение о пользе знания... С. 15.

²⁶ Там же. С. 14.

достаточно ясно обосновал необходимость историко-сравнительного метода, однако до него эта задача не менее четко была уже сформулирована Поленовым и особенно Лангером, исследовавшим смену уголовного законодательства и определившим роль исторического подхода к изучению как причин эволюции права, так и различия «старых и новых» законов в разных странах.

Как считал Десницкий, юриспруденция должна следовать «натуральному порядку в изложении», а исследователь соединять «законы Российские с натуральным об их рассуждением»²⁷. Под последним он понимал теоретическую часть правоведения, покоящуюся на сравнительно-историческом методе познания права. Задачу натуральной юриспруденции ученый видел в том, чтобы в науке «изыскивать причины, которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений»²⁸.

Система натуральной юриспруденции представлена автором в самом общем виде, выделены четыре ее составляющие: 1) «О происшествии правлений в разные веки и у разных народов»; 2) «О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей»; 3) «О правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями»; 4) «О полиции, или благоустройении гражданском»²⁹. Уголовно-правовые проблемы специально не обозначены, они охватываются соответствующими частями системы. Так, в части второй затрагивается вопрос о правах, «...какие имеет человек к защищению своего тела, имени и проч.»³⁰; в части третьей приводятся рассуждения о преступлении и «подобном праве в преступлении». Но надо заметить, что автор и на указанные случаи распространяет положение, согласно которому «сии права сколько недостаточны бывают у непроswещенных народов, и сколько оные ограничены и в совершенстве приведены у нынешних, сие историческим доказательством должно пространно изъяснять, показывая их точные основания»³¹.

Избранный подход к уголовному праву, разумеется, сказался на полноте его характеристики. К сожалению, Десницкий, как и некоторые другие русские ученые, наметив перспективные пути развития учения о праве, в корне отличающиеся от имевшихся в то время, мало использовал свои наметки в трудах по конкретным отраслям права, в том числе и уголовному.

Теоретическая юриспруденция Десницкого имеет много общего с концепцией Лангера, сравнивавшего стремящихся познать сущность права без изучения «происшедших перемен в общежительстве» с теми, кто «в безлунную ночь, заблуждаясь без света, часто препинаются, часто

²⁷ Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе... С. 26.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ Десницкий пишет: «Тяжебные дела... должны судить по правам, по крепостям и, если прав не будет доставать, по справедливости и истине, криминальные – по свидетельству очевидному» (Десницкий С.Е. Представление о учреждении... С. 5).

³¹ Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе... С. 21.

падают и часто не ведомо куда приходят, токмо не туда, куда идти намерены были»³².

Десницкий все порицаемые деяния делит на две группы: нравственно недопустимые и неправда уголовная, влекущая наказание. «Надобно при-мечать... истины двоякое знаменование, по которому она у законоучителей называется иногда исполнительный, иногда воздаятельный»³³. Исполнительная истина велит делать все то, что только по строгости права требуется быть может от целого света и в противном случае она велит всякого без изъятия... за преступление... Воздаятельная истина требует только того, что всякому по людскости и человечеству должно отдавать... Воздаятельная истина перед исполнительной имеет ту разность, что за неисполнение ее люди не подвергаются наказанию, хотя впрочем исполнением оные заслуживают себе великую похвалу от Бога и от человек»³⁴. Ученый отмечал, что шкала между преступным и морально недопустимым поведением подвижна, но при этом признавать последнее преступным может только верховная власть «с великой благопристойностью и благоволением всех»; «самим законодателям в таких законоположениях премудрость велит весьма законоискусно поступать... святые инквизиции в Европе много мучеников наделали, однако не много святых произвели во свет...»³⁵.

Для оценки взглядов Десницкого представляет интерес его последнее замечание. Скорее всего, оно демонстрирует желание автора при характеристике, выражаясь современным языком, криминализации деяний оставаться в рамках диахронной компаративистики.

Проблему права наказания (*jus puniendi*) ученый также пытается разрешить, исходя из воззрений историко-сравнительного направления уголовного права. Вывод, основанный на истории развития реакции человечества на неприемлемое для общества поведение, о смене мести (в том числе кровной) наказанием, приводит автора к мысли о том, что Бог «с природы влиял человеку мстительную склонность для защищения его здоровья,

³² Лангер К.Г. Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публичном собрании императорского Московского университета, бывшем для высокотожественного дня рождения ее императорского величества, благочестивейшей великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской. Москва, 1766. С. 20.

³³ В своей попытке отграничить уголовную ответственность от иных видов юридической ответственности, определить сферу действия уголовного права, как нам представляется, Десницкий опирался на некоторые положения этики Смита. Использованные последним латинские термины для обозначения двух видов справедливости – *justitia expletrix* и *justitia attributrix* – перевел как истина исполнительная и истина воздаятельная.

³⁴ Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным: В публичном собрании Императорского Московского университета на высочайший день рождения императрицы Екатерины Алексеевны, говоренное онагож университета юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким апреля 22 дня, 1770 года. Москва, 1770. С. 11.

³⁵ Там же. С. 13.

имени, имения³⁶, и только для защищения таких прав единственно»³⁷. Государство, по мнению Десницкого, не могло игнорировать данное обстоятельство. Но в то же время, как замечает ученый, если карательная власть государства коренится в инстинкте мести, то осознание целесообразности наказания, в том числе для «удовлетворения обидимых», потребность в воздействии на преступника, служат, во-первых, разумным его основанием и, во-вторых, определением его целей.

Наказание должно назначаться правильно, только такое возмездие вызывает всенародное одобрение. «Предстоящие при этом зрители и непристрастные слушатели внутренне благоволят о наказании... законопреступника и в тревогу бьют на зачинщика... злоторства»³⁸. Однако эта реакция вызывается не только чувством «мздовоздаяния». «Нарушение истины исполнительской и восстание против нее подвергает всякого жестокому истязанию потому, что через то самое другому непосредственно следует действительное зло и разорение», – пишет Десницкий. Это замечание – свидетельство не только неудовлетворенностью автора психологической теорией наказания Смита, но и попытки поиска объяснения рассматриваемого уголовно-правового феномена с совершенно иных позиций. Суровость наказания он связывал, во-первых, с требованиями гуманности, во-вторых, тяжестью совершенного деяния, в-третьих, равным воздаянием в отношении каждого совершившего преступление, в-четвертых, возможностью реализации целей воздействия. Последние могут быть достигнуты только тогда, когда наказания бывают «умерены по делам, учинены без изъятия всякому и не выходят за пределы человечества». Десницкий подчеркивает: «Сие наипаче... должно наблюдать, что учиненные казни не выходили

³⁶ Десницкий относил эти права человека к числу неотъемлемых. Он пишет: «Человек имеет природные права пользоваться беспрепятственно своею жизнью, здоровьем, честью и собственностью имения» (Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Т. 1. Вторая половина XVIII в. / под общ. ред. С.А. Покровского. Москва : Госюриздат, 1959. С. 185). В связи с этим утверждением С.А. Покровский замечает, что оно имело «огромное прогрессивное значение в условиях крепостничества, когда помещичьи крестьяне не имели права собственности не только на землю, но даже на движимое имущество» (Покровский 1955: 119).

³⁷ Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. С. 15. Мнение Десницкого перекликается с утверждением Смита, который считал, что стремление к мести может проявляться с разной силой. «Чем значительнее и несправливее причиненное зло, тем сильнейшую оно вызывает месть со стороны пострадавшего человека, тем живее бывает симпатическое негодование постороннего человека и, стало быть, тем глубже должно быть сознание своей неправоты в человеке, причинившим зло. Самые священные законы справедливости, законы, нарушение которых заслуживает мести и самого жестокого наказания, суть, стало быть, законы, охраняющие жизнь и личность человека; за ними следуют законы, охраняющие собственность и обладание; наконец, последнее место занимают законы, имеющие своим предметом охранение личных прав и обязательств, заключенных между гражданами» (Смит А. Теория нравственных чувств. Санкт-Петербург, 1868. С. 97).

³⁸ Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. С. 13.

за пределы человечества, в противном случае непристрастные и посторонние зрители не будут благоволить и пришедши в сожаление об виноватом негодовать станут самых судей, чрез что чинимые казни теряют свой успех»³⁹.

Необходимость обеспечения соразмерности наказания приводит ученого к выводу, согласно которому убийство должно караться смертной казнью: «...Нет в свете кроме смертоубийства иного греха, который бы в чувствовании непристрастных и посторонних зрителей заслуживал смертное наказание»⁴⁰.

Вопрос о правомерности и обоснованности существования смертной казни как вида наказания автор не ставит. Его интересует другое: исходя из ее существования в карательной практике ряда государств, используя сравнительно-правовой метод исследования, Десницкий пытается выяснить, почему «многие в разных государствах и за другие грехи казнятся»⁴¹. Все внимание при этом он уделяет причинам, в силу которых смертная казнь возникла и существует в правоприменительной деятельности. Ученый выделяет несколько таких причин. Во-первых, необходимость обеспечения порядка, спокойствия и «возлюбленной тишины», составляющих благополучие любого государства. Для этого власть применяет все меры к пресечению «злостворства и злоупотреблений клонящихся к нарушению оных». Поэтому одно намерение восстающих против целостности отечества принуждено наказывать смертно. Во-вторых, применяемые в отношении преступников строгие меры «суть нервы, скрепляющие все Отечество»; «правление, которое не может укротить нарушителей другим образом, употребляет жестокость и смертью казнит нарушителей общего спокойствия». В-третьих, казни подлежит лицо, которое «приняв оружие и пламень восстает против своего Отечества и передает оное в руки неприятелю»⁴².

В целом Десницкий выступает за равенство всех перед уголовным законом, говорит «о надобности, повсеместной Российской империи, чтоб всяк без изъятия в своей вине казнен был, как, например, убийца – смертью, вор – шельмованием и самым бесчестным наказанием и прочая». При этом он предвидит, как «многие и знатные фамилии возопиют на такую строгость законов, представляя свой род и свою кровь достойным сожаления и исключения от такой строгости», но отвергает всякие попытки дворянства получить привилегии в сфере действия уголовного закона. «Знатные ж при том и благородные дворяне приличены в криминальных и смертоубийственных делах, исключения себе из такой строгости и святости прав разве только для того будут просить, чтобы все и самые спасительные законы недействительными в Отечестве сделать, чего они сами, как сыны Отечества, не могут желать»⁴³.

³⁹ Там же. С. 17 (в сноске).

⁴⁰ Там же. С. 18-19.

⁴¹ Там же. С. 19.

⁴² Там же. С. 19-20.

⁴³ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 113.

В то же время Десницкий из действия принципа равенства всех перед законом делал изъятие в пользу дворянства; скорее всего, это было продиктовано влиянием на него Смита. По крайней мере, он практически дословно воспроизводит аргументы последнего и делает вывод «благородных можно штрафовать, в ссылку ссылать и смертью казнить, но только не шельмовать»⁴⁴.

В литературе отмечается схожесть взглядов Десницкого и Беккариа на наказание, но при этом высказываются сомнения по вопросу о том, был ли он знаком с трудами последнего. Грацианский отвечает на него утвердительно, ссылаясь на публикации в журнале «Трутенъ» в 1769 г., в которых защищались идеи Десницкого о юридическом образовании вообще и для судей в частности (Грацианский 1978: 98). Однако аргументы Десницкого в пользу смягчения наказания совершенно иные, чем у итальянского юриста и могут, пожалуй, свидетельствовать о том, что его не удовлетворяло игнорирование общественного мнения как при легальной, так и судебной пенализации деяния⁴⁵.

Концептуальные положения сравнительно-исторического направления в теории уголовного права, разработанные Поленовым и Десницким, сказались на взглядах харьковских ученых И.Ф. Тимковского⁴⁶ и К.Ф. Миха(й)ловского.

Илья Федорович Тимковский (1773–1853) – юрист, профессор, декан нравственного факультета Харьковского университета.

Родился в Переяславле-Хмельницком в семье полкового есаула. Четыре года обучался дома, затем – в частной школе при Золотоношском Благовещенском монастыре. В 1781–1785 гг. учился в Переяславской семинарии, в 1785–1789 гг. в Киево-Могилянской академии. Обучаясь в Московском университете⁴⁷, получил за представленные сочинения две серебряные медали (в 1790 и 1792 гг.) на философском факультете, серебряную и золотую (в 1793 и 1795 гг.) на юридическом факультете. Юридический факультет окончил в 1796 г.

⁴⁴ См.: Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 195.

⁴⁵ Там же. С. 192.

⁴⁶ Тимковский признается выдающимся педагогом, оставившим свой неповторимый след в истории отечественного образования (является первым наставником К.Д. Ушинского – основоположника научной педагогики), внесшим существенный вклад в русскую филологию (см.: *Тимковский И.* Опытный способ к философическому познанию русского языка. Харьков, 1811; подробнее см.: Помелов 2022: С. 11).

⁴⁷ В литературе приводятся разные сведения о месте учебы Тимковского. Ординарный профессор, декан историко-филологического факультета, а затем ректор Императорского Харьковского университета А.П. Рославский-Петровский указывает, что он изучал законоведение в Юнкерском институте до назначения в Харьков в 1803 г. (см. об этом подробно: Фельдштейн 2003: 359). В своих мемуарах Тимковский называет себя воспитанником Московского университета (*Тимковский И.Ф.* Мое определение в службу. Сказание в трех частях 1850 года // Москвитянин. 1852. № 17. С. 1–26).

После завершения обучения в Московском университете Тимковский переехал в Санкт-Петербург, где с 7 февраля 1797 г. стал преподавать российское законоведение в Сенатском юнкерском институте⁴⁸. В 1801 г. переведен секретарем Сената. Работая в Сенате, подготовил «Систематическое расположение законов российских», явившееся первым опытом систематизации русского законодательства. В августе 1802 г. за работу получил Высочайшее благоволение (монаршую награду Российской империи) и бриллиантовый перстень.

В 1802 г. по просьбе министра юстиции Г.Р. Державина занял должность юрисконсульта Министерства и составил проект третейского совестного суда. В 1803 г. по предложению попечителя Харьковского учебного округа С.О. Потоцкого занял должность профессора Харьковского университета, который еще только предстояло открыть. Кроме того, он принял на себя обязанности визитатора (инспектора) училищ Харьковского округа.

В университете преподавал гражданское и уголовное право, российские законы и форму судопроизводства, а временно, помимо прочего, «всеобщую словесность на правилах эстетики и ученую историю в отделении филологических и словесных наук». Таким образом, он читал лекции как студентам-юристам (этико-политическое отделение), так и студентам-филологам (словесное отделение).

18 декабря 1804 г. Харьковский университет, а 30 июня 1805 г. Московский университет присвоили ему степень доктора прав *honoris causa* (почетный доктор).

Во время учебы в Москве Тимковский интересовался римским правом, этот интерес привил ему, скорее всего, профессор Ф. Г. Баузе⁴⁹. «Я налег более на римское право, – пишет он, – ...и в нем пандекты. Тогда зародилась у меня мысль составить подобно, из наших законов, сравнительное право,

⁴⁸ Школа для обучения юнкеров была учреждена 14 января 1797 г. при канцелярии Санкт-Петербургских департаментов Сената императором Павлом I. Ее целью провозглашалось «образование благородных чиновников для гражданской службы», что и определяло содержание учебной программы. Обучение юриспруденции должно было проходить в следующем порядке: «Учащийся, будучи уже приготовлен изъяснением должностей человека и гражданина несколько к познанию прав и должностей, приобретает в классе юридическом познание гражданских законов. Оные должны преподаваемы быть теоретически и практически: 1) разумеется, таким образом, чтобы учитель дал знать учащимся обо всех регламентах, уставах и прочих государственных общих установлениях, равным образом и об указах, так, чтобы учащиеся ясное об оном имели понятие и чтением с изъяснением учителя приобрели нужное в законах знание. 2) Разумеется, чтобы учащиеся под руководством учителя сочиняли прошения, извлекали из дел экстракты, выписывали приличные к делам законы, сочиняли мемории, журналы, определения, и упражнялись бы во всем, что до приказного порядка и дел касается» (цит. по: Высочайше утвержденный доклад от 14 января 1797 г. Генерал-прокурора «Об учреждении школы при Канцелярии Санктпетербургских Департаментов Сената для обучения юнкеров». URL: <https://base.garant.ru/55003820/?ysclid=md5l7buyav316178690> (дата обращения: 12.11.2024).

⁴⁹ Федор Григорьевич Баузе (1752–1812) – юрист, историк права, член-корреспондент Петербургской академии наук, ординарный профессор, декан юридического факультета и ректор Московского университета.

и действительно эту мысль я обрабатывал после в опыте систематического свода законов»⁵⁰.

Сведений о характере преподавания Тимковским уголовного права практически не сохранилось⁵¹. Рославский-Петровский указывает, что он вел «право гражданское и уголовное... вместе с историей оных»⁵². На основе ряда документов и публикаций Фельдштейн приходит к выводу: «...вряд ли вообще можно сомневаться в том, что история права была составной частью его курса. Как понималась И. Тимковским история права, выясняется отчасти из оставленных им трудов общего характера и по русскому гражданскому праву» (Фельдштейн 2003: 359). Т. Ананьева отмечает, что для Тимковского, с его любовью и безграничным интересом к знанию, познание через историю стало потребностью жизни; он был если не центром, то важным звеном трансляции представлений и знаний о прошлом (Ананьева 2018: 133).

Отношение Тимковского к историко-сравнительному направлению в доктрине русского уголовного права, на наш взгляд, нагляднее всего представлено в его речах «О применении знаний к состоянию и цели Государства» и «О поместьях», работе «Сравнение Юстиниановых законов с Российскими» (1809).

В речи, «говоренной на торжественном годовом собрании Императорского Харьковского университета, бывшем 17 января 1808 г.», Тимковский указывает на предназначение правовой науки: «...Изящество знаний в употреблении своем всегда сообразно было с положением и целью Государства»⁵³. Здесь же он обращает внимание на связь законодательства с социальными (племенными и общественными) условиями жизни народов. «Хотя положительные основания гражданских законов весьма сходны между собою у всех народов, – отмечает Тимковский, – но в соединенных

⁵⁰ Тимковский И.Ф. Мое определение в службу. Сказание в трех частях 1850 года // Москвитянин. 1852. № 18. С. 36.

⁵¹ В литературе приводятся противоположные оценки его лекций. Одни считают, что он имел репутацию блестящего ученого и педагога. Немецкий ученый К.-Д. Роммель, преподававший в Харьковском университете с января 1811 г. и заставший Тимковского в его последние месяцы службы, писал в своих воспоминаниях о харьковских университетских коллегах: «Между русскими не осталось ни одного замечательного дарования после Рижского и профессора Тимковского... пользовавшегося большим влиянием...» (Роммель Х.Ф. Пять лет из истории Харьковского университета : Воспоминания проф. Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьк. ун-те. (1785–1815). Харьков, 1868. С. 60). Другие обращали внимание на то, что его лекции были тяжелы для восприятия студентов из-за сложного, витиеватого языка (см.: Тимковский Илья Федорович // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1912. Т. 20. С. 525), а ему самому была присуща «некоторая доля сочувствия дворянскому предрассудку» против совместного обучения представителей разных сословий (Лавровский Н.А. Из первоначальной истории Харьковского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Окт. С. 244).

⁵² Рославский-Петровский А. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования. Харьков, 1885. С. 12.

⁵³ Тимковский И.Ф. О применении знаний к состоянию и цели Государства // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании Императорского Харьковского университета, бывшего 17 января 1808 г. Харьков, 1808. С. 3.

с ними теснейшею взаимностью законах уголовных, органических и хозяйственных всегда сильные находятся разности; и чем менее сходства между народами, в их существенных качествах, в степенях и роде промышленности и образования; тем большее расстояние законы их разделяют. Согласимся, что в исправлении и переменах законов весьма благоразумно пользоваться опытностью и трудами законодательства других держав, весьма полезны предварительные сведения в их Правах»⁵⁴.

В речи «О поместьях» (1810) ученый наиболее отчетливо проводит мысль о необходимости историко-сравнительного исследования, в целом основываясь на положениях, выработанных Десницким. В первой части выступления Тимковский характеризует имплементацию зарубежного законодательства в российское право, обращая особое внимание при этом на неблагоприятные последствия бездумного его заимствования. «Насильственные и роковые причины подвергают введению чуждых заимствуемых законов и смешению их с собственными, которых вовсе оторвать не могут; что ни мало не избавляет от темноты и затруднений в деяниях, а паче смысл исполнителей поставляет на распутьях и призывает бездну суемудрия, толкований и разрешений. Но бывает особое при некоторой возмужалости народа Законодательство, которое с благоговением и постоянною любовью к обычаям входит в рассмотрение Свода отечественных законов, по общим Положительного Права основаниям и средствам, судить с испытанными народов Уставами, и благоразумием от места и времени взятыми исправляет, посредством лиц, приверженных к Отечеству, обладающих истинных видов государственных обозрений, твердым знанием о земле и народе: и сии даровитые произведения с первыми удобно сливаются»⁵⁵.

В разделе «Начало поместного права в России» автор, обращаясь к истории законодательства западноевропейских государств, демонстрирует фактическое применение методов диахронной компаративистики при характеристике русского поместного права⁵⁶. Развитие и исчезновение поместного права ученый объясняет своеобразием экономических и социальных условий жизни русского народа.

Как уже говорилось, к представителям зарождающегося историко-сравнительного направления доктрины уголовного права относился и преподаватель Харьковского университета К.Ф. Миха(й)ловский, уголовно-правовые взгляды которого также покоились на положениях школы Десницкого. Миха(й)ловский преподавал уголовное и гражданское право «по собственным запискам»⁵⁷.

⁵⁴ Там же. С. 22.

⁵⁵ Тимковский И.Ф. О поместьях // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, бывшем 30 июня 1810 года. Харьков, 1811. С. 4.

⁵⁶ См.: Там же. С. 10.

⁵⁷ Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905), составленный профессорами Д. Багалеем, П. Сумцовым, В. Бузескулом. Харьков, 1806. С. 63.

Капитон Филиппович Миха(й)ловский⁵⁸ (1789–1823) – адъюнкт кафедры прав гражданского и уголовного судопроизводства (с 1821 г.). Первоначально обучался в академической гимназии при Московском университете, окончил указанный вуз со степенью доктора юридических наук (1814), здесь же получил степень магистра (1819). В 1823 г. совет факультета ходатайствовал о выплате ему жалованья экстраординарного профессора.

Подходы Миха(й)ловского к историко-сравнительному исследованию отличались от подходов Тимковского. Если последний таким способом пытался выяснить смену институтов права разных народов в зависимости от определенных изменений социального характера, то Миха(й)ловский путем диахронной компаративистики стремится изучить источники русского права (их появление, влияние законодательства других государств, правовую природу, законодательную технику и др.), более глубоко проникнуть в суть отдельных их положений. Так, в речи «О начале и происхождении Российского законодательства»⁵⁹ Миха(й)ловский пытается разрешить задачу, которая и в настоящее время не потеряла свою актуальность: русское законодательство, в частности «Русская Правда», является собственно национальным или оно сложилось под влиянием законодательства других стран, с народами которых русские имели тесные связи. Он склоняется к мысли, что уголовные законы носят заимствованный характер. В их основе лежит германское законодательство; по его мнению, гражданское законодательство покоится на римском праве, оказавшем влияние через Византию. В доказательство своей гипотезы Миха(й)ловский приводит результаты сравнительного анализа ряда норм «Русской Правды», относящихся к «смертоубийству», «увечьям и ранам», «воровству», «утайке» и др. Он замечает: «...ныне весьма удостоверились, что под именем Вандалов надлежит разуметь Венедов, Славян балтийских, живших в соседстве со Скандинавами и Готфами (народ германского племени, живший первоначально по течению реки Вислы, а потом расселившийся по реке Дунаю. – *Авт.*)⁶⁰; «...Уголовные законы, содержащиеся в Ярославской Русской правде, заимствованы из древле Германских, или Готфских законов, которые известными были Славянам во странах Балтийских...»⁶¹.

⁵⁸ Фамилия ученого в разных источниках пишется по-разному. Так, Г.С. Фельдштейн (см.: Фельдштейн 2003: 360), Д.И. Багaley (см.: *Багaley Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) с приложением портретов и планов. В 2 т. Т. 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков, 1904. С. 497) пишут ее как «Михаловский»; В.В. Попов (см.: Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. М.П. Чубинского, Д.И. Багалея. Харьков, 1906. С. 191) называет его Михайловским; в таком же изложении она указана в опубликованной речи (см.: Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, 30 августа 1823 года. Харьков, 1823. С. 25).

⁵⁹ *Михайловский К.Ф.* О начале и происхождении Российского законодательства // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, 30 августа 1823 года. Харьков, 1823. С. 15.

⁶⁰ Там же. С. 21–22.

⁶¹ Там же. С. 24–25.

Научное наследие Тимковского и Миха(й)ловского, относящееся к историко-сравнительной доктрине уголовного права, бесспорно невелико, однако от этого оно не стало менее значимым. Во-первых, надо иметь в виду, что речь идет об ученых, стоявших у истоков диахронной компаративистики, получившей в том числе благодаря трудам указанных ученых в настоящее время широкое распространение не только в уголовно-правовых исследованиях, но и в других правовых науках. Во-вторых, работы Тимковского и Миха(й)ловского свидетельствуют о преемственности идей школы Десницкого, его научном влиянии на становление и развитие историко-сравнительного направления исторической школы российского уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ананьева Т. 2018. Между «сказанием» и «episodes en swift»: о неизвестной рукописи Ильи Тимковского «Записки для истории Малороссии» (1849 г.) // Киевская академия. Вып. 15. С. 135–167.

Грацианский П.С. 1978. Десницкий. Москва : Юрид. лит. 111 с.

Емельянов Б.В. 2022. Три века русской философии. Хронограф XVIII–XX веков. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та. 551 с.

Круглов А.Н. 2019. С.Е. Десницкий и дискуссии о естественном праве в России XVIII века // Историко-философский ежегодник. Т. 34. С. 178–221. DOI 10.21267/AQUILO.2019.34.43441

Маликов С.В., Чучаев А.И. 2025. Нейман и его школа русского уголовного права (статья вторая: Дерптский университет) // Государство и право. № 2. С. 154–166. DOI 10.31857/S1026945225020155

Покровский С.А. 1955. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого. Москва : Госюриздат. 168 с.

Помелов В.Б. 2022. Илья Федорович Тимковский: первый наставник К.Д. Ушинского : (к 250-летию видного российского педагога) // Историко-педагогический журнал. № 4. С. 11–31.

Сизинцев П.В. 2019. Понятие о личности в научно-публицистическом творчестве историка А. Я. Поленова (1738–1816) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 6. С. 114–118.

Томсинов В.А. 2007. Семен Ефимович Десницкий (около 1740–1789) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков : очерки жизни и творчества : в 2 т. Москва : Зерцало. Т. 1. С. 131–157.

Фельдштейн Г.С. 2003. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Москва : Зерцало. 523 с.

References

Ananyeva T. *Mezhdru «skazaniem» i «episodes en swift»: o neizvestnoy rukopisi Il'i Timkovskogo «Zapiski dlya istorii Malorossii» (1849 g.)* [Between the “legend” and “episodes en swift”: About the Unknown Manuscript of Ilya Timkovsky's “Notes for the History of Little Russia” (1849)], *Kievskaya akademiya*, 2018, iss. 15, pp. 135–167. (in Russ.).

Feldstein G.S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugovolnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Moscow, Zertsalo, 2003, 523 p. (in Russ.).

Graziansky P.S. *Desnitskiy* [Desnitsky], Moscow, Yuridicheskaya literature, 1978, 111 p. (in Russ.).

Krouglov A.N. S.E. Desnitsky and Discussions on Natural Law in Russia in 18th Century, *History of Philosophy Yearbook*, 2019, vol. 34, pp. 178–221. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.34.43441> (in Russ.).

Malikov S.V., Chuchaev A.I. Neumann and his School Russian Criminal Law (The Second Article: University of Dorpat), *State and Law*, 2025, no. 2, pp. 154–166. <https://doi.org/10.31857/S1026945225020155> (in Russ.).

Pokrovsky S.A. *Politicheskie i pravovye vzglyady S.E. Desnitskogo* [Political and Legal Views of S.E. Desnitsky], Moscow, Gosyurizdat, 1955, 168 p. (in Russ.).

Pomelov V.B. Ilya Fedorovich Timkovsky: The First Mentor of K. D. Ushinsky (on the 250th Anniversary of a Prominent Russian Teacher), *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 11–31. (in Russ.).

Sizintsev P.V. Title of the Article: The Concept of Personality in the Scientific and Journalistic Work of the Russian Historian A.Y. Polenov (1738–1816), *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*, 2019, no. 6, pp. 114–118. (in Russ.).

Tomsinov V.A. Semen Efimovich Desnitskiy (okolo 1740–1789) [Semyon Yefimovich Desnitsky (circa 1740–1789)], *Tomsinov V.A. Rossiyskie pravovedy XVIII–XX vekov : ocherki zhizni i tvorchestva : v 2 t.*, Moscow, Zertsalo, 2007, vol. 1, pp. 131–157. (in Russ.).

Yemelyanov B.V. *Tri veka russkoy filosofii. Khronograf XVIII–XX vekov* [Three Centuries of Russian Philosophy. Chronograph of the XVIII–XX Centuries], Nizhnevartovsk, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, 551 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Владимирович Маликов

доктор юридических наук, заместитель
директора по научной работе Института
государства и права РАН;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-0892-2328;
SPIN-код: 1466-7490;
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права РАН;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-5144-052X;
SPIN-код: 6778-1871;
E-mail: moksha1@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Malikov

Doctor of Law, Deputy Director for Scientific
Work of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-0892-2328;
SPIN-code: 1466-7490;
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchaev

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation, Head of the Sec-
tor of Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminology of the Institute of State
and Law of the Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-5144-052X;
SPIN-code: 6778-1871;
E-mail: moksha1@rambler.ru

Корсаков К.В. Традиции консеквенциализма и ретрибутивизма в учениях об уголовном наказании: от досократиков до немецкого идеализма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 159-183. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_159

УДК 343.9.018:340.125

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_159

Традиции консеквенциализма и ретрибутивизма в учениях об уголовном наказании: от досократиков до немецкого идеализма

Константин Викторович Корсаков

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

*Поступила в редакцию 01.08.2024, поступила после рецензирования 09.10.2024,
принята к публикации 20.01.2025*

Основной целью публикации является осмысление философско-правовых воззрений и взглядов выдающихся философов и правоведов на уголовное наказание в исторической ретроспективе, а также ознакомление читателей с их развитием и эволюцией, начиная с эпохи античности и до периода расцвета немецкой идеалистической философии. В качестве методов исследования были использованы историко-сравнительный, ретроспективный и аналитический методы, а также методы индукции и обобщения. В статье подчеркивается, что зрелые философские размышления о назначении, целях и сути уголовного наказания появились и получили распространение еще в древнегреческой досократической философии и были связаны с особенностями мифологического мировоззрения и морально-этических представлений, а равно с социально-политическими реалиями того времени. Обращается внимание на тот факт, что философско-правовые учения Платона и Аристотеля о наказании оказали существенное влияние как на законодателей Нового и Новейшего времени, так и на концепции наказания других философов и правоведов. Объяснены причины, почему представители как классической традиции, так и научного позитивизма в пенологии считают Платона основоположником двух этих конкурирующих учений. Раскрыты основные черты и специфика пенологических доктрин, предложенных представителями патристики, схоластики и томизма в средневековую эпоху. Освещены суть и значение прогрессивных идей об уголовном наказании выдающихся мыслителей, просветителей и энциклопедистов Нового времени, включая утопистов и пионеров научного утилитаризма. Произведен подробный анализ теорий уголовного наказания представителей немецкой классической философии – Канта, Гегеля и Фихте, приведены доводы, опровергающие мнение,

© Корсаков К.В., 2025

что абсолютные теории классиков немецкого идеализма основаны на законе талиона либо служат философско-теоретическому оправданию этого архаического принципа уголовного правосудия. Сделаны выводы о том, что в настоящее время, в ситуации обострения полемики вокруг абсолютных и утилитарных начал, интенций и компонентов уголовного наказания, в которую вовлечены как представители консеквенциализма, так и ретрибутивизма, абсолютные теории наказания, несмотря на их возраст, оказываются востребованными и актуальными в плане логической аргументации при решении острых и насущных теоретических проблем, связанных с институтом уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание; философия наказания; пенология; теории наказания; сущность наказания; основания уголовного наказания; цели уголовного наказания; абсолютные концепции наказания; утилитарные концепции наказания

Traditions of Consequentialism and Retributivism in Criminal Punishment Theory: From Pre-Socratics to German Idealism

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Received 01.08.2024, revised 09.10.2024, accepted 20.01.2025

Abstract. The study undertakes an examination of the philosophical and legal conceptions on criminal punishment as articulated by eminent philosophers and jurists from Antiquity through the zenith of German idealism. Employing historical-comparative, retrospective and analytical approaches, it traces the evolution of penal theories within their respective socio-political and intellectual environments. The analysis emphasizes the emergence of sophisticated philosophical reflections on the purpose, objectives and essence of criminal punishment in ancient Greek pre-Socratic thought, contextualizing them within mythological worldviews and prevailing ethical paradigms of the time. Particular emphasis is placed on the seminal contributions of Plato and Aristotle, whose doctrines have exerted enduring influence upon subsequent philosophical discourse and legislative praxis. The study elucidates the attribution of foundational status to Plato by proponents of both classical penological traditions and scientific positivism. Furthermore, it delineates distinctive features of medieval penological doctrines as formulated by representatives of patristics, scholastic and Thomistic schools. It also highlights the progressive ideas on criminal punishment introduced during Enlightenment and the early Modern period by notable educators, encyclopedists, utopian thinkers and pioneers of scientific utilitarianism. A critical analysis of the penal theories formulated by German classical philosophers – namely Immanuel Kant, Georg W. F. Hegel and Johann G. Fichte – is presented, with particular attention to refuting those prevailing interpretations that erroneously associate their absolute theories with the *lex talionis* or view them as philosophical justification for archaic retributive principles. In conclusion the article contends that, notwithstanding their historical origins, the absolute theories of punishment retain

significant relevance in contemporary theoretical debates. Amid intensified controversies surrounding the dichotomy of absolute and utilitarian principles, as well as the intentions and components of criminal punishment, these theories provide robust logical frameworks that continue to inform and challenge prevailing penological paradigms.

Keywords: criminal punishment; philosophy of punishment; penology; theories of punishment; essence of punishment; grounds of criminal punishment; purposes of criminal punishment; absolute concepts of punishment; utilitarian concepts of punishment

For citation: Korsakov K.V. Traditions of Consequentialism and Retributivism in Criminal Punishment Theory: From Pre-Socratics to German Idealism, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 159–183. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_159

Введение

Проблематика уголовного наказания породила большое и беспрецедентное для уголовно-правовой науки количество теорий, моделей и концепций, многие из которых выходят не только за ее пределы, но и за границы юриспруденции в целом – в область философии, этики, социологии; как некогда метко заметил по этому поводу Г. Ашаффенбург, «в то время как наши составители уголовных кодексов избегали установления точных теорий об основах и сущности наказания, наука довольно усердно занималась их разработкой» (Ашаффенбург 2010: 196).

Интеллектуальные усилия, направленные на осмысление уголовного наказания как феномена социально-правового бытия, начали осуществляться еще мыслителями, представляющими цивилизации Древнего мира. Они не проявлялись в доисторическую эпоху, на самых ранних этапах практики наказания, однако их можно зафиксировать в древнейших литературных памятниках и в содержании самых первых философско-этических учений. Так, в «Речении Ипувера» (древнеегипетском нарративе, язык текста которого относится к XXI–XVIII вв. до н.э.), созвучном «Пророчеству Неферти» (XIX–XVIII вв. до н.э.), «Беседе разочарованного со своим духом» (XXII–XXI вв. до н.э.) и «Размышлениям Хахаперрасенеба» (XIX в. до н.э.), в которых также затрагиваются проблемы справедливого мироустройства и посягательств на него, говорится о грядущих бедствиях и хаосе, протекающих из-за пренебрежения законом и проявляющихся, среди прочего, в увеличении преступности. Там содержатся призывы к социуму почитать обычаи предков, а к государственной власти – преследовать виновных во имя благоденствия и установления гармонии Маат – богини справедливости, закона и миропорядка (Faulkner 1965). В древнеиндийских Ведах (XVI–V вв. до н.э), Дхармасутрах, Дхармашастрах и Артхашастре уголовное наказание рассматривается как основа дисциплины и залог общественного процветания, а также считается отражением дхармы – морально-религиозного долга и всеобщего закона жизни, а его смысл, по мнению их составителей, заключается в поддержании порядка, защите общества от преступлений и очищении преступников от совершенных ими грехов. Яркий представитель древнекитайской философии Конфуций, признавая

охранительную роль наказания, говорил о преимуществе нравственных норм перед ним: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» (Конфуций 2008: 26).

Представления об уголовном наказании в эпоху античности

Научно-теоретические, систематизированные контуры и черты мышления об уголовном наказании начинают постепенно приобретать с эпохи античности, причем с периода досократиков, древнегреческих философов VII–V вв. до н.э. Например, философ и математик Пифагор придерживался взглядов на наказание как на равноценное преступлению возмездие, он рассматривал справедливость¹ как воздаяние равным за равное и считал, что за зло, причиненное преступлением, следует воздавать виновному таким же злом. Гераклит понимал справедливость как следование логосу – вечной и всеобщей необходимости, основе сущего, а наказание трактовал как ответ на отклонение от данной основы. Демокрит высказывал схожие суждения и также полагал, что «во всем прекрасно равенство» (Агошков 2008: 26) и справедливость, однако добавлял, что наказание должно быть не только справедливым и соразмерным, но и целесообразным. Принцип справедливости уголовного наказания отстаивался в философии Сократа, видевшего смысл жизни человека в его моральном совершенствовании, однако вступивший с ним в диспут о сути добродетели Протагор, которому приписывают тезис «наказание – это средство для выпрямления искривленного сосуда», доказывал, что назначение наказания – не в каре и в возмездии, а в предотвращении зла, и развивал идеи об исправлении преступников (Протагор. 324b).

Обобщив эти воззрения на цели, сущность и смысл наказания, М.П. Чубинский сделал заключение о том, что «еще до появления величайших мыслителей Греции в лице Платона и Аристотеля мы видим возникновение двух начал, существенно отразившихся в своем развитии на науке уголовного права: это, с одной стороны, абсолютная идея справедливости, которую желают сделать базисом правосудия, а с другой – наиболее важная для уголовной политики идея целесообразности наказания, служения его государственным целям и, в частности, борьбе со злом преступлений» (Чубинский 2008: 82). В этом выводе обозначены предтечи двух конкурирующих на протяжении многих веков групп теорий наказания (в каждую из них входят десятки теорий) – абсолютных (доктрин возмездия, восстановления) и утилитарных (относительных, релятивистских концепций), которые впоследствии также стали называть ретрибутивизмом и консек-

¹ В Древней Греции справедливость, право, правда и богиня справедливости обозначались одним и тем же словом – «дике», которым также обозначалось и наказание: оно часто встречается в произведениях Гомера в значении уголовного наказания.

венциализмом. Эти предтечи также попали в остов двух более широких уголовно-правовых и криминологических учений (затрагивающих, кроме вопроса об уголовном наказании, проблемы преступления, преступника, вины, ответственности и др.) – классической школы уголовного права и позитивизма (объединяющего антропологическое (биологическое), социологическое и психологическое направления в уголовном праве, криминологии и пенологии).

Большое внимание проблематике наказания уделял выдающийся афинский мыслитель Платон, который рассматривал уголовное наказание как один из инструментов, с помощью которого государство поддерживает общественный порядок. Он называл наказание необходимым и полезным как для общества, так и для самого преступника, который, претерпевая его, становится лучше, совершеннее. Признавая карательную суть и устрашающее свойство уголовного наказания, философ в своих проникнутых гуманизмом диалогах говорил о воспитательном значении наказания. По Платону задача уголовного наказания состоит в очищении души преступника, для которого наказание является лекарством, исцеляющим его нравственный недуг (мыслитель развивал идею о том, что преступник, дабы не навредить своей душе и освободиться от страдания, должен сам требовать наказания у судьи как у лекаря, в чем нам видятся зачатки концепции «права преступника на наказание»), а также в устранении влияния негативного примера на его сограждан (Платон 1998: 100, 598-605). Античный философ разработал собственную систему наказаний за различные преступления, он был сторонником смертной казни и выступал за суровые наказания, тяжесть которых, по его мнению, способна остановить неустойчивых и недостаточно воспитанных людей от совершения преступлений. В рассуждениях Платона о праве особо выделяются высказанные им мысли о неотвратимости наказания, образовавшие впоследствии доктринальный принцип, однако если Ч. Беккариа писал о том, что для предупреждения преступлений неизбежность наказания гораздо важнее его суровости, то Платон говорил о неотвратимости в ином ключе – в логике древнеримской правовой максимы «*fiat iustitia, et pereat mundus*» (да свершится справедливость, даже если погибнет мир): никто и никогда не должен остаться безнаказанным за свое преступление.

Будучи учеником Платона, Аристотель продолжил развитие его психологических идей; в вопросе о предупреждении преступности уголовное наказание – которое он справедливо называл нам причиняемым ущербом – философ ставил выше этики и воспитания так, в работе «Никомахова этика» он писал: «большинство, скорее, послушны принуждению, нежели рассуждению, а взысканию – скорее, нежели прекрасному» (Никомахова этика. 1180a5). Основания уголовного наказания (право государства на наказание) Аристотель выводил из идеи справедливости (ее философ рассматривал как особую добродетель): преступление – это нарушение справедливости, которую должна восстановить государственная власть, наказав виновного (ряд фрагментов из «Демосфеновского корпуса» говорят о том, что это мнение разделял и Демосфен).

В трактатах мыслителя представители этики выделяют несколько видов справедливости: частную (специальную) и общую, а внутри них – разделяющую («геометрическое равенство») и уравнивающую («арифметическое равенство»), а также обменивающую (коммуникативную), распределительную (дистрибутивную) и воздающую (ретрибутивную), распространяющуюся на область наказания. Уравнивающая справедливость требует равенства всех перед законом («равенства неравных», так как люди не могут быть равны в силу разных способностей и качеств), а воздающая (карательная) справедливость – как строгого равенства, так и пропорциональности наказания с учетом личности виновного и тяжести содеянного им (по логической схеме, сформулированной Платоном в его «Законах»: не всем одно и то же, а каждому свое, «ибо для неравных равное стало бы неравным»). Аристотель оппонировал пифагорейцам, обосновывавшим закон талиона, и выступал против последнего как не принимающего во внимание личностные характеристики наказываемых и обстоятельства,отягчающие либо смягчающие их вину (в этом плане показателен его призыв наказать вырвавшего у другого глаз не вырыванием его глаза, а еще строже, «пропорционально несправедливостям», так как тот несправедлив вдвойне) (Большая этика. 1194a35-1194b).

В данной связи некорректными видятся нам выводы С.И. Коноваловой: «трудно согласиться с В.М. Коганом, утверждающим тезис о том, что уравнивающая справедливость в уголовном праве – выступает как равенство перед законом, а распределяющая справедливость – выступает при решении вопроса о назначении наказания либо освобождении от него: подлежат учету характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства, смягчающие и отягчающие уголовную ответственность. Ведь первоначально Аристотель вкладывал в идею разделения справедливости, как нам видится, совершенно иной смысл» (Коновалова 1999: 20). К ситуациям определения наказания по Аристотелю приложимо не только, как пишет С.И. Коновалова, правило «арифметического равенства» (как раз оно приводит к талиону – наказанию, симметричному преступлению), но и тип разделяющей справедливости («геометрическое равенство»). При наложении его на требования воздающей (ретрибутивной) справедливости мера наказания будет пропорциональной характеру и степени общественной опасности преступления и отобразившимся в нем особенностям личности виновного. В.М. Коган, как нам думается, вел речь именно об этом типе, о разделяющей справедливости применительно к уголовному наказанию.

Философско-правовые учения Платона и Аристотеля оказали существенное влияние как на законодателей Нового и Новейшего времени, так и на концепции и взгляды на наказание других философов и пенологов. Представители классической традиции в уголовном праве часто ссылались на них и указывали на их идеи как фундамент своей школы, но и сторонники позитивизма также считали этих философов предвестниками и защитниками их доктрин: так, позитивист М. Ансель писал, что Платон «предугадал концепции, которым суждено было стать концепциями социальной

защиты», «Платон развивает также идею охраны общества от опасного преступника», «Платон действительно был первым, кто провел различие между преступниками, поддающимися исправлению и не поддающимися исправлению...» (Ансель 1970: 38-39). Полагаем, что во многом это связано с тем, что данные учения не были цельными и универсальными и создавались вне каких-либо догматов и аксиом. Свидетельство тому – противоречивость Платона в вопросе о свободе воли преступника (в одних произведениях он ее отрицает и ограничивает, в других – наоборот, пишет об ответственности за свободный нравственный выбор) и непоследовательность Аристотеля в вопросе о равном (симметричном) возмездии: часто критикуя этот принцип и месть в целом, он в то же время писал в «Риторике»: «Прекрасно также мстить врагам и не примиряться с ними, так как справедливо воздавать равным за равное, а то, что справедливо, прекрасно...» (Аристотель 1894: 43).

Древнегреческая традиция выводить уголовное наказание из природной и божественной справедливости как общего правового начала была продолжена древнеримским философом и политическим деятелем Марком Туллием Цицероном. Он также развивал идеи равенства перед законом и постоянного совершенствования законодательства, приближающего его к «истинному закону» – справедливости, а уголовную кару соединял с дополняющей ее нравственной составляющей уголовного проступка: «...преступников тревожат и преследуют фурии – и не пылающими факелами, как это бывает в трагедиях, а угрызениями совести и мучительным сознанием зла, содеянного ими» (Цицерон 1999: 164). Мыслитель указывал на страх быть подвергнутым наказанию и совесть как внутренние ограничители и «сдерживатели» преступного поведения. Согласно Цицерону, наказание – это справедливое возмездие со стороны социума за нарушение его пред установленного разумом устройства, однако данный ретроспективный подход не мешал ему выделять такие цели уголовного наказания, как удержание людей от совершения преступлений посредством устрашения (генеральная превенция), предупреждение повторных преступлений со стороны наказываемого (частная превенция), поддержание порядка в государстве и пробуждение у виновных раскаяния.

Своеобразный подход к уголовному наказанию присутствует в сочинениях моралистического содержания жившего в Римской империи древнегреческого философа Плутарха: наказание рассматривалось им через восприятие тем, на кого оно налагается, и, согласно его учению, призвано в первую очередь вызывать положительные изменения в сознании нарушившего закон (Плутарх 1999: 49). Другой известный философ римской эпохи, стоик Луций Анней Сенека, нередко обращался к теме о самонаказании преступников, полагая, что совершившие преступления и по каким-либо причинам избежавшие возмездия испытывают постоянный страх и муки совести: «плохо было бы наше дело, если бы многие злодеяния ускользали от мстящего закона и предписанной кары – и не приходилось бы тотчас же за них платиться тяжким наказанием, налагаемым природой, которая заменяет пытку страхом» – писал он (Сенека 1977: 244). Сенека призывал

людей к милосердию (Сенека 2001: 116-117, 125), выступал против жестоких наказаний, считая их проявлением государственного бессилия, вызывающим у наказываемых лишь озлобленность, и указывал на необходимость убеждения, апеллирования к рассудку и к человеческой совести как живой, чувственной инстанции. Философ обращал внимание на то, что «никто не проявляет благоразумия, карая за совершенные преступления, но делает это с тем, чтобы предупредить совершение преступлений, так как ведь вернуть прошедшего невозможно; на будущее же время возможно воспрепятствовать» (Сенека 2018: 227), тем самым указывая на приоритет предупредительной функции уголовного наказания. Из данных доводов им был выведен принцип *Nemo prudens punit, quia peccatum est, sed ne peccetur* (всякий разумный человек наказывает не потому, что был совершен проступок, а для того, чтобы он не совершался впредь).

Воззрения и взгляды на уголовное наказание в периоды Средневековья и Возрождения

Средневековая философская мысль развивала концепт наказания в русле представлений о справедливости и нравственном законе, исходящих от Бога. Она рассматривала наказание как искупление вины перед Господом и как справедливую и богоугодную кару за посягательства на богоустановленный порядок; ее представители считали, что право наказывать принадлежит исключительно Творцу как единственному мерилу деяний человека, а реализация этого права на Земле доверена им церковным и светским властям. В канве христианского вероучения философ и теолог Фома Аквинский описывал элемент кары в наказании как необходимое средство для спасения души преступника, а публичную церемонию наказания, о возникновении и задачах которой рассуждал М. Фуко, – как поучение и пример остальным, который отводит их от соблазна нарушить закон (Фома Аквинский 2002: 349). Задолго до Фомы Аквинского богослов Августин Блаженный тоже видел назначение уголовного наказания в душевспасительном покаянии и смирении. Обращаясь к Богу, он, цитируя Библию, говорил: «Ты... воздаешь каждому по делам его и сердца сокрушенного и смиренного не презираешь» (Августин 1992: 42). Наибольшему теоретическому изучению проблемы уголовного наказания подверглись в трудах францисканского монаха и борца с религиозной ересью Альфонсо де Кастро, которого в испанской литературе называют отцом и основателем уголовного права (*padre y fundador del derecho penal*). Его пенологические взгляды отличают рациональность и прогрессивность для своего времени (XVI в.), которая, к примеру, выразилась в детально проработанных им вопросах вины как основания личной ответственности (Козаченко, Корсаков, 2023: 44).

Следуя теологическим традициям богословов Амвросия Медиоланского и Иоанна Златоуста, патристиков, схоластов, томистов и на основании идеалистической философии Ф.В.Й. Шеллинга, немецкий юрист и философ Ф. Шталь разработал пенологическую доктрину божественного (божьего)

возмездия, которая, согласно классификации К.С. Цахариэ фон Лингенталя, относится к абсолютным теориям наказания. В рамках этой концепции основание уголовного наказания выводилось из так называемой аподиктической (безусловной) необходимости заглаживания вины преступником, а равно утверждалось, что государство действует по полномочию и от имени Творца, а потому оно «имеет не только право, но и обязанность применять внешние наказания, так как оно призвано сохранять внешний этический порядок на Земле» (Будзинский 1870: 331).

Во времена Ренессанса, начавшегося в Италии раньше других стран Европы, Н. Макиавелли сформировал свой оригинальный взгляд на уголовное наказание, считая монополию на наказание обязательным признаком суверенного государства (заметим, что некоторые современные сторонники смертной казни в качестве довода в защиту последней нередко пишут, что ее применение в наши дни – это признак суверенитета, самостоятельности и политико-экономической независимости государства, проводящего свою политику без учета каких-либо оценок извне и «без оглядки» на другие державы, подтверждая это использованием смертной казни сегодня такими крупными и сильными государствами, как Китай, Индия, Иран, Саудовская Аравия, США, Япония и др.). По мнению Н. Макиавелли, наказание, как и право в целом, призвано охранять моральные нормы, социальные устои и стандарты поведения, возникшие еще в древности из условий общественной жизни: «для соблюдения возникших таким образом первоначальных правил человеческого общежития люди решились установить законы, учредить наказания для их нарушителей, – отсюда явилось понятие справедливости и правосудия» (Макиавелли 2001: 84).

Теоретические знания об уголовном наказании были развиты и дополнены в трудах представителей утопического социализма. Томас Мор задолго до Ч. Беккариа указал на несостоятельность общественного противостояния преступности лишь с помощью уголовного наказания и в своей известной работе «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» аргументировал необходимость ликвидации социальных и экономических причин преступлений, в частности, туземства (Мор 1953: 121-122). В этой работе он также описал вред, который причиняет жестокость наказания, и призвал к гуманному и милосердному отношению к преступникам. Схожая позиция содержится в труде «Город Солнца» итальянского утописта Т. Кампанеллы. Позже, основываясь на данных идеях, социалист-утопист Р. Оуэн, ошибочно, на наш взгляд, полагавший, что вина общества исключает личную, высказал мнение, что так как государство само виновато в том, что кто-либо совершает преступления, то оно не может наказывать данного человека. В его картине нового морального мира, перевоспитывающего людей посредством рациональной социалистической религии, нет места традиционной уголовной репрессии.

Идеи мыслителей Нового времени об уголовном наказании

В эпоху Нового времени теоретические взгляды на уголовное наказание приобрели более секулярный характер; так, Гуго Гроций в своем трактате «О праве войны и мира» изложил концепцию наказания как космической необходимости нравственного порядка, в которой наказание выводилось не из божественного промысла, а из общественного договора, и давалось такое краткое понятие: «наказание в общем значении слова есть перенесение зла, причиняемого за совершение злодеяния» (Гроций 1994: 451). По мнению Г. Гроция, в вопросе наказания отвечать злом на зло справедливо и разумно, тем более преступник сам уже заранее знает, что на совершенное им зло обществом будет дан именно такой ответ и, нарушая закон, соглашается на это; наказание – естественное право со стороны социума и естественная обязанность со стороны преступника. В уголовном наказании нидерландский ученый-правовед видел «троякую пользу»: пользу преступника, пользу пострадавшего и пользу общества (обеспечение исправления преступника, защиты потерпевшего от будущих возможных посягательств и защиты остальных членов общества от повторных преступлений).

Английский юрист и парламентарий Д. Селден, являясь апологетом доктрины естественного права, в написанной им в 1640 г. работе «О естественном праве и праве народов согласно учению евреев» высказал убеждение, что любое уголовное наказание должно быть соразмерным преступлению (Selden 1640: 28), а в «Застольных беседах» он, подвергая сомнению нерушимость тайны исповеди, самым суровым наказанием назвал лишение свободы (Selden 1898: 32). Х. Томазий, известный своими выступлениями против практики преследования обвиняемых в колдовстве («охоты на ведьм»), также писал о соразмерности наказания, однако добавлял, что уголовное наказание должно соответствовать не только параметрам преступления, но и личностным чертам преступника: выраженности в нем криминальных наклонностей и, что видится нам важным, его восприимчивости к наказанию (насколько уголовное наказание способно на него повлиять сообразно его индивидуальным особенностям) (Thomasius 2011: 1915).

Примечательны пенологические суждения Т. Гоббса, рассматривавшего государство (до него все люди, согласно Т. Гоббсу и Х. де Мариане, жили в режиме «войны всех против всех») прежде всего как хранителя общественной безопасности, сдерживающего в соответствии с общественным договором врожденное, инстинктивное стремление людей к насилию и защищающего жизнь, здоровье и имущество своих граждан. Т. Гоббс, скептически относясь к потенциалу морали и возможностям этики удерживать на необходимом социуму уровне насилие, корысть, эгоизм и другие людские пороки, пришел к важному утверждению, что без уголовного наказания человеческое общество вернется в свое первоначальное дикое состояние. В сочинении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» он с этицистских позиций дает следующее определение наказания: «Наказание есть зло, причиненное государственной властью

тому, кто совершением или несовершением какого-либо деяния совершил, согласно суждению той же власти, правонарушение, причем это зло причиняется с целью сделать волю людей более расположенной к повиновению» (Гоббс 2001: 125). Полагаем, что Т. Гоббс во многом прав в своем стремлении подчеркнуть главную задачу государства – обеспечение безопасности общества, а также в выведении права на наказание из потребности человека и общества в защите (Т. Гоббс не считал это право вытекающим из общественного договора, так как оно присутствовало и в догосударственном обществе (в виде кровной мести, изгнания и т.п.), а общественный договор, согласно его взглядам, лишь закрепил это право исключительно за государством, лишив отдельных людей, их группы и сообщества права самостоятельного и по своему выбору наказывать за преступления).

Согласно воззрениям нидерландского философа Б. Спинозы, наказание должно налагаться на рациональной основе: разум, а не задетые и оскорбленные преступлением чувства, должен быть основным мерилом в избрании вида и интенсивности уголовного наказания. Призывая развивать в человеке интеллектуальную составляющую, философ писал, что живущий по руководству разума стремится «...воздавать другому за его ненависть, гнев, презрение к себе и т. д., напротив, любовью или великодушием» и старается «насколько возможно, не волноваться аффектами ненависти» (Спиноза 1993: 173). Г.В. Лейбниц писал, что «Бог, подобно архитектору, создал все, как надлежит Богу, рассматриваемому в качестве монарха», он дал право на осуществление возмездия тем, кто имеет право властвовать над людьми (Лейбниц 1989: 197). Они, установив наказания за конкретные преступления, не могут оставить совершенное кем-либо преступное деяние безнаказанным, даже если наказание и не приведет к исправлению виновного, так как установленная ими по воле Бога гармония требует восстановления. Как исходящее от воли Господа предлагали рассматривать наказание за преступление глубоко верующие патриархи науки немецкого уголовного права М. Берлих и Б. Карпцов, а также другой известный немецкий ученый – философ и учитель М.В. Ломоносова Х. фон Вольф, характеризовавший уголовное наказание как необходимое зло, которое законодательной волей связывается с определенным действием в виде побудительной причины его избегать.

Один из самых влиятельных научных деятелей эпохи Просвещения, педагог и теоретик либерализма Д. Локк еще до перенесения известной бентамовской идеи *felicific calculus* на область уголовной превенции подчеркивал, что «...каждое нарушение может быть наказано до такой степени и с такой строгостью, чтобы это было невыгодно для преступника, дало ему повод для покаяния и устрало других, побудив их воздержаться от подобных поступков» (Локк 2019: 234). Эта важная для пенологической науки мысль получит свое дальнейшее развитие в творчестве немецкого криминолога П.И.А. фон Фейербаха – разработчика уголовно-правовой теории психического принуждения. Живший в одно время с Д. Локком юрист и философ С. фон Пуфендорф, рассматривая уголовное наказание с позиций как справедливости, так и полезности, полагал, что его оправдывает

исключительно общественная необходимость; он по-своему оригинально определял наказание как «страдание, которое испытывается человеком помимо его воли от высшей власти вследствие страдания, причиненного этим человеком другим по своей воле» (Шершеневич 1907: 355).

В трудах других просветителей и энциклопедистов этого времени – Вольтера, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. – были заложены идейные основы для пересмотра уголовной политики, законодательных реформ и пенитенциарных преобразований XVIII в. В частности, Ш. Монтескье обосновал тезис о приоритете общесоциального предупреждения перед уголовным наказанием: он писал, что «...хороший законодатель будет менее заботиться о наказаниях за преступления, чем о предупреждении преступлений; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы» (Монтескье 1900: 87), а всякое наказание, не вызванное необходимостью, называл тиранией. В «Персидских письмах» Ш. Монтескье выступал против излишней жестокости уголовных наказаний, потому как она ухудшает народные нравы, а также подчеркивал, что уголовное наказание всегда должно соответствовать тяжести преступления. Эта мысль была горячо воспринята и поддержана русскими философами и правоведами А.Н. Радищевым и Ф.В. Ушаковым: так, А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала из меня слезы. Я видел, что закон судит о деяниях, не касаясь причин, оные производивших» (Радищев 1992: 38). А.Н. Радищев выступил разработчиком не только программ криминологического изучения преступности и статистического наблюдения за антисоциальными явлениями, но и предложил собственную систему наказаний (в нее были помещены такие виды, как лишение доброго имени, лишение местожительства, заключение в тюрьму, ссылка и др.).

Большим гуманитарным зарядом наполнены труды Вольтера («Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях», «Награда за справедливость и гуманность» и др.); в них он осуждает жестокость и равнодушие государственной карательной системы, пренебрегающей профилактической деятельностью в отношении нарушителей закона. «Обеспечьте по возможности помощь всякому, кто покусится делать зло, и вам придется меньше наказывать» – призывал мыслитель (Вольтер 1956: 64). Вольтер обосновывал нецелесообразность использования смертной казни, предлагая заменить ее более полезной обществу пожизненной каторгой, и выступал против такого наказания, как конфискация имущества (эти аболиционистские идеи оспаривались Л. Англивьеом де Лабомелем). Не утратили своей актуальности и злободневности возражения философа против меры пресечения в виде заключения под стражу, которую он называл крайне напоминающей процесс исполнения наказания в виде лишения свободы, тогда как подвергающиеся такой строгой социальной изоляции люди не признаны виновными в совершении преступлений и могут быть непричастными к ним.

Ж.-Ж. Руссо выводил право на наказание из естественного права социума на защиту и идеи общественного договора (преступление – нарушение общественного договора, наказание – заранее согласованная и установ-

ленная в общественном договоре плата за это нарушение и одновременно плата за защищенность общества). Не будучи противником, как и Ш. Монтескье, смертной казни, он писал о необходимости экономии данного карательного ресурса и тоже порицал неоправданную жестокость в деле наказания: «Частые казни – это всегда признак слабости или нерадивости правительства. Нет злодея, которого нельзя было бы сделать на что-нибудь годным. Мы вправе умертвить, даже в назидание другим, лишь того, кого опасно оставлять в живых» (Руссо 1998: 226). Примечательно, что, несмотря на воззвания к насилию и распространение среди французов крайнего революционного фанатизма в издаваемой им газете «Друг народа», Ж.-П. Мара-т тоже говорил о том, что уголовное наказание не должно быть жестоким и унижительным, а должно прежде всего воспитывать.

Прогрессивные уголовно-правовые взгляды вышеназванных французских философов, писателей и общественно-политических деятелей были отражены в важных для развития мировой юриспруденции нормативных актах – Декларации прав человека и гражданина 1789 г.² и написанном на ее основе Уголовном кодексе Наполеона (Уголовном кодексе Франции 1810 г.), который был составлен по принципу «запрещено только то, что вредно, а что не запрещено, то разрешено». Об этих взглядах и документах профессор А.В. Наумов в открытом письме академику РАН В.Н. Кудрявцеву писал так: «Не следует стыдиться, что корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII-XIX вв. (Беккария, французский уголовный кодекс 1810 г.). Да, человечество уже к этому времени сформулировало основные уголовно-правовые идеи, и теперь они уже проверены веками» (Наумов 2006: 138).

Последователем (*seguace*) Ш. Монтескье называл себя Чезаре Беккариа – известный деятель миланской школы Просвещения, внесший большой вклад в развитие уголовного права и криминологии. Базовые принципы его криминологической доктрины сводятся к тому, что преступления лучше предотвращать (в том числе посредством вознаграждения добродетели), чем наказывать за них; уголовное наказание должно быть неизбежным и незамедлительным, а не отдаленным по времени от преступления; при обеспечении равновозмездности (соразмерности) уголовного наказания преступлению цели³ первого состоят не в мучении и истязании виновного, а в удержании его от причинения повторного вреда социуму и в предупредительном воздействии на остальных людей; не следует наказывать за намерения (преступные мысли); перед наказанием должны быть равны представители всех слоев общества; для достижения цели

² В ст. 8 этого акта, например, было закреплено: «Закон может устанавливать наказания, лишь строго и бесспорно необходимые» (Декларация прав человека и гражданина 1789 г. / Документы французской революции // Родина. 1989. № 7. С. 42).

³ Эта «классическая» идея Ч. Беккариа никогда не подвергалась сомнению, а лишь укреплялась: он призывал для точного определения соразмерности между тяжестью преступления и тяжестью наказания разработать специальную таблицу преступлений и наказаний.

предупреждения необходимо, чтобы уголовное наказание всегда превышало выгоду, получаемую преступником от преступления; наказание по возможности должно быть сходным с самой природой преступления, за которое оно налагается (эту мысль также разделял И. Кант) (Beccaria 1797).

Ч. Беккариа в своих доводах относительно ограничения смертной казни опровергал учение Ж.-Ж. Руссо в части происхождения права на это наказание из общественного договора: логика естественного права не допускает стремления человека лишиться себя жизни и предоставления права на это кому бы то ни было на договорной основе, а потому право государства на смертную казнь не могло быть закреплено в общественном договоре, эта форма наказания являет собой войну общества с гражданином и возвращение в гоббсовское состояние «войны всех против всех». Он не был, как иногда утверждается в юридической литературе, сторонником идеи полной отмены института смертной казни, допуская его использование в редких и исключительных случаях (в ходе национально-освободительной борьбы и при угрозе уничтожения государства).

Идеи Ж.Л. Д'Аламбера, Ж.-П. Бриссо де Варвиля, Д. Вико, Вольтера, К.А. Гельвеция, П.-А.Т. Гольбаха, Д. Дидро, Ж.-Б.М. Дюпати, Ш. Монтескье (развитые в большой степени Ч. Беккариа), Л.М. Лепелетье де Сен-Фаржо, Г.Б. де Мабли, К.Э. де Пасторе, Ж.-Ж. Руссо, А. Сен-Симона, Ж.М.А. Сервана, Г. Филанджери, Ш. Фурье и других французских и итальянских ученых составили теоретический фундамент классической школы уголовного права. Однако многие представители английской философской и юридической мысли также внесли не менее значительный вклад в формирование последней. В их числе Д. Говард, который настаивал на необходимости гуманного отношения к осужденным, присутствию научно обоснованной организации процесса исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (с акцентами на воспитание, образование и пенитенциарный труд) и был сторонником практики одиночного заключения, а также У. Пейли, обративший одним из первых внимание на проблему постпенитенциарной ресоциализации преступников и писавший, что «наказание выступает злом, к которому судья (magistrate) прибегает только тогда, когда оно необходимо для предотвращения еще большего зла» (Paley 1806: 396).

Среди британских пенитенциаристов и правоведов особо выделяется И. Бентам, который разработал систему профилактических мер в отношении преступности и предлагал поощрять граждан, которые ей содействуют. В эту предупредительную систему он включил и уголовное наказание как преследующее цель предупреждения преступлений. И. Бентам, полагая, что главная цель наказания – предотвращение преступлений в будущем, доказывал необходимость индивидуализации наказания (на изменение масштабов наказания за одно и то же преступление должны влиять пол, возраст, материальное положение, социальный статус и многие другие факторы), а многообразие преступных деяний предлагал противопоставить разнообразие уголовных наказаний за них. На основании выведенного им – центрального в утилитаризме и предполагающего определение ценности поведения человека его полезностью – принципа пользы уголовное наказание

может быть оправдано лишь тогда, когда оно имеет в качестве следствия положительные результаты, превосходящие плохие (Бентам 1998: 9–34).

В рамках утилитарной пенологической концепции И. Бентама, рассматривающей наказываемого преступника как жертву, которую общество приносит во имя социального блага, обосновывалась целесообразность уголовно-правовых институтов давности уголовного преследования и помилования, к которому отрицательно относился И. Кант. Эту теорию разделял другой известный британский философ-утилитарист Д. Милль, о чем свидетельствуют его суждения, содержащиеся в «Речи в защиту смертной казни» (Милль 2009). Большую известность получил бентамовский «Паноптикум» – проект «идеальной» тюрьмы, управляющейся всего одним администратором (надзирателем), который нашел своих сторонников во многих странах мира и был реализован при строительстве нескольких тюрем в Испании и на Кубе.

Теории уголовного наказания представителей немецкой классической философии

И. Кант, выдающийся мыслитель, считающийся одной из наиболее влиятельных фигур в западной философии Нового времени, следовал парадигме возмездия, которую он находил единственно возможной, защищал, модифицировал и наполнил новым содержанием (поэтому его пенологическую систему некоторые ученые называют теорией апологического (также – нравственного, формального, справедливого) возмездия). Между тем некоторые отечественные правоведы (Л.С. Белогриц-Котляревский, В.Д. Спасович и др.) стремились упрекнуть И. Канта в подведении витиеватой философско-теоретической базы под архаическое правило талиона. Полагаем, что такие упреки безосновательны.

В базис кантовской модели заложена его известная этическая формула – нравственный принцип категорического императива, который основывается на критически переосмысленном золотом правиле нравственности, а не на правиле талиона. И. Кант говорил об уголовном наказании, что оно есть категорический императив, безусловное требование практического разума, оно есть возмездие как априорная и очевидная для нашей совести идея, которая образует фундамент уголовного права, а применяя принцип возмездия в отношении меры наказания, он писал не о зеркальном (симметричном) равенстве по принципу талиона, а о равнозначности и пропорциональности (относительном равновесии) данной меры совершенному преступлению: параметры кары должны находится в строгом соответствии с параметрами преступления.

В рассуждениях о характеристиках наказания, приведенных в работе «Метафизические начала учения о праве» (первой части «Метафизики нравов») и выводимых из всеобщих нравственных максим – идеи равенства и золотого правила, И. Кант сделал важные уточнения и оговорки: «Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной

стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе. ...Лишь право возмездия (*jus talionis*), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания. ...Может показаться, что разница в положении не допускает принципа возмездия: око за око; но хотя его нельзя придерживаться буквально, все же он всегда остается действительным по воздействию соответственно характеру восприятия...» (Кант 1966: 257). Из них следует, что И. Кант право возмездия не сводит к ветхозаветной формуле талиона и не пытается обосновать вид и меру наказания через последнюю, а принцип равенства не понимает в примитивном (буквальном) смысле (в кантовском примере, когда равным воздается за равное, человек, нанесяший побои менее знатному, не приговаривается к точно такому же наказанию, а присуждается к извинению и тюремному заключению), он не выступает за внешнее равенство между преступлением и наказанием по шаблону талиона. Он говорит – как и Г.В.Ф. Гегель, который правовой смысл возмездия находил в установлении наказания, равноценного преступлению, – о равенстве содеянного преступником со степенью карательного воздействия на него. Такое равенство в уголовно-правовой литературе часто называется равносильностью, равноценностью, равнозначностью, адекватностью, пропорциональностью или эквивалентностью (наиболее близким соответствием), потому как в нем всегда будет присутствовать доля условности и относительности: идеального, абсолютного равенства между преступлением и наказанием достичь невозможно, даже при применении симметричного принципа «око за око, зуб за зуб». Для иллюстрации этого нередко приводят примеры с беззубым либо слепым преступником, лишившим потерпевшего зуба или глаза, или же указывают на то, что глаз, случайно выбитый в запале драки, и глаз, хладнокровно вырезанный палачом у обездвиженного раскаявшегося осужденного, – это далеко не одно и то же с позиций этического и правового равенства. Упоминание философом в вышеуказанном фрагменте текста правила талиона (око за око) служит в нем не обоснованием философско-теоретического подхода, а способом показать, что принцип возмездия по схеме равным за равное вполне может быть соблюден даже в случае незеркального и неидентичного наказания.

Модель возмездия И. Канта – классический вариант абсолютной теории наказания, ее автор отвергает любые утилитарные цели уголовного наказания, утверждая, что оно не должно служить средством для достижения какого-либо внешнего, приводящего блага, включая пользу для общества, преступника или потерпевшего, так как призвано налагаться только потому, что было совершено преступное деяние. Право наказывать И. Кант выводил из абсолютного источника – априорного нравственного закона, он основывал его на всеобщем и врожденном моральном чувстве (убеждении), утверждая, что данное основание карательного права является универсальным и единственно верным. Такой подход встретил критику со стороны Г.В.Ф. Гегеля, который назвал отсылку к моральному долгу при обосновании права наказания произвольной и бездоказательной, не удо-

влетворяющей строгой и формальной системе публичного права, и А. Шопенгауэра, указавшего, что «воздаяние злом за зло, без дальнейшей цели, не может быть оправдано ни морально, ни каким-нибудь иным разумным основанием... Но ни один человек не имеет права выступать в роли чисто-морального судьи и воздаятеля...» (Шопенгауэр 1900: 361). Соглашаясь с последним доводом философа в отношении конкретного человека, мы в то же время полагаем, что в ситуации с уголовным наказанием кантовский категорический императив (безусловное повеление) обращен не к отдельному индивиду, а к коллективной (всеобщей) воле («объединенной воле целого народа», как писал сам И. Кант); именно к ней, а не к индивидуальной воле частного лица, императив наказания призывает в качестве априорного, абсолютного и всеобщего нравственного закона, поэтому не отдельные индивиды, а общество и его политическая форма устройства – государство выступают судьей в лице органов юстиции.

Косвенным подтверждением нашего мнения являются высказывания других разработчиков теории возмездия – Г.В.Ф. Гегеля, указавшего, что: «лица, действующие в суде, правда, также суть лица, но их воля есть всеобщая воля закона, и они не стремятся вкладывать в наказание то, чего нет в природе вещей» (Гегель 1990: 151), а также известного правоведа А. Меркеля, писавшего, что правовое последствие неправды (наказание) в материальном плане представляет собой то, «посредством чего явления, в которых существует несправедливость, должны быть ликвидированы в соответствии с требованиями всеобщей воли» (Merkel 1867: 57). Примечательно то, что А. Меркель относился к числу сторонников идеи возмездия, считая ее заложенной в человеческой натуре, однако при этом он не отрицал, а наоборот, выделял в уголовном наказании множество целей (утверждение закона, охрана интересов общества, нейтрализация антисоциальных сил, отрицание (аннулирование) преступления, снятие вызванного преступлением социального напряжения (гнева, беспокойства), удовлетворение интересов потерпевшего, ликвидация последствий преступления, обезвреживание и исправление преступника и др.), а также не разделял уголовное наказание и меры социальной защиты, хотя последним не присущ элемент возмездия (Merkel 1892; Горбань 2004: 152–171).

Отметим, что если концепция И. Канта не была поддержана большинством правоведов (к испытывавшим ее влияние можно отнести А.И.В.А. Гейера, Г.Э. А. Мемеля, Г.В.Э. Хенке, К.С. Цахариэ фон Лингенталю, Л.А. Цветаеву, К.Э.Ю.Т. Р. Штаммлера, Л.Г. фон Якоба), то уголовно-правовая теория Г.В.Ф. Гегеля отразилась в творчестве многих представителей юриспруденции (в их числе Ю.Ф. Г. Абегг, К.Л. фон Бар, Э.Л. фон Белинг, Э.И. Беккер, А.Ф. Бернер, Ф.Р.К. фон Биркмайер, А.Э.Г.Л. Вах, Н.С. Власьев, К.Ф.Р. Гейнце, Х.Ф.Э. Гельшнер, Ф.Ф. Депп, Р.Э. Йон, К.Р. Кестлин, Й. Колер, И.А. Максимович, Х.Ф.Б. фон Мейер, А.Д.М. Меркель, Ф.Г.Й. Наглер, К.А. Неволин, П.Г. Редкин, В.Э. фон Роланд, К.А. Титтманн, Г.А. Цахариэ, Б.Н. Чичерин, Р.К.Б. Шмидт, Т.Р. Шютце и др.) и других наук (философа Ф.А. Тренделенбурга, богослова К.Р. фон Кестлина, литератора Г.Ф.Э.Л. Лайстнера и др.), так как она отличалась особой отточенностью и выразительностью.

В теории диалектического (логического) возмездия (теории восстановления) Г.В.Ф. Гегеля уголовное наказание выступает необходимым и справедливым возмездием, находящимся в абсолютной связи с преступлением: они суть единство противоположностей (Гегель 1978: 313). Мыслитель рассматривал право как объективный дух – наличное бытие свободной и разумной абсолютной воли, отраженной в законе и представляющей собой квинтэссенцию частных волей, а преступление в его учении является отрицанием права, его антитезой, противопоставлением, и потому как ни одно понятие не допускает самопротиворечия, право по Г.В.Ф. Гегелю с необходимостью должно предполагать отрицание его отрицания – преступления – и восстанавливать себя посредством возмездия за его нарушение, то есть подчинять частную, оппозиционную и отрицающую право волю себе – самосущей абсолютной воле. Говоря о наказании как о возмездии, «снятии преступления», «нарушении нарушения», философ отделял и отграничивал его от мести: «Возмездие потому-то и должно осуществляться как наказание, что в случаях мести имеет влияние страсть и право оказывается в тени. К тому же месть не обладает формой права, а имеет форму произвола, так как обиженная сторона действует, всегда повинувшись своему чувству или субъективной побудительной причине» (Гегель 1973: 48).

В гегелевской пенологической системе возмездие предполагает не механическое воздаяние по принципу талиона, не буквальное (арифметическое) равенство, а внутреннее тождество (относительное равенство) – эквивалентность, равноценность, позволяющая подвести каждого преступника под тот же самый способ действия, который он сам установил, и тем самым восстановить нарушенное им равенство; в рамках нее выносящееся на возмездных началах уголовное наказание может носить и символический характер. Так как находящееся в диалектической связи с преступлением наказание тождественно с ним по свойству: это тоже нарушение – нарушение нарушения права преступником, то оно всегда может быть сравнимо с ним по ценности, установление же ценностных эквивалентов в конкретных случаях является задачей практики, а не философской мысли, которая определяет лишь общий карательный принцип для выбора вида и меры уголовного наказания.

Смысл уголовного наказания по Г.В.Ф. Гегелю состоит не в чувственном моменте страдания, требующем равномерности отплаты, а в обнаружении и ликвидации (отрицании) неправды, что было логически выстроено и обосновано им посредством диалектики – учения о всеобщей связи, единстве и развитии. В современной пенологической науке приобретает особое значение его подход, согласно которому наказание, стремящееся примирить с правом волю преступника, отрицающую собственную разумную сущность, является правом преступника, поскольку в нем как существе свободном и мыслящем присутствует абсолютный разум (преступник, как все люди, является вместилищем абсолюта), требующий возмездия за преступление (критикуя данную гегельянскую идею, К. Маркс дал такое ее краткое описание: «Наказание есть право преступника. Оно – акт его собственной воли. Преступник объявляет нарушение права своим правом. Его преступление

есть отрицание права. Наказание есть отрицание этого отрицания, следовательно есть утверждение права, которого домогается сам преступник и которое он сам себе насильно навязывает»⁴).

К теории Г.В.Ф. Гегеля близка пенеологическая концепция И.Г. Фихте, развивавшего философские и этические идеи И. Канта, хотя она и относится многими классификаторами к типу относительных (на наш взгляд, ее следует относить к теориям наказания смешанного (синкретического) характера). Сходными с гегелевскими и кантианскими являются воззрения И.Г. Фихте на уголовное наказание, обобщенно выраженные А.А. Пионтковским так: «Каждый должен потерпеть такой же ущерб в своих правах, какой он сознательно или по неосторожности причинил правам других лиц. Наказание есть, таким образом, потеря равного. В этом смысле, согласно разуму, наказание есть талион (*jus talionis*). Каждый должен знать, что, причиняя вред другим, он причиняет тем самым вред себе» (Пионтковский 1940: 170). Подчеркнем, что принцип талиона выступает здесь не руководством к действию и не мерилем кары, а имеет символическое значение, отображает наиболее простое и доступное всем представление идеи равенства преступления и наказания.

Как и у Г.В.Ф. Гегеля, одно из главных мест в учении И.Г. Фихте занимает понятие свободы: «Моя система есть от начала и до конца не что иное, как анализ понятия свободы», «быть свободным – ничто, становиться свободным – вот небо» (Фихте 1916: 98). На этом понятии основана следующая мысль немецкого философа: совершивший преступление ставится по ту сторону закона, он становится абсолютно свободным (*vogelfrei* – «свободный, как птица») и получает возможность делать все, что ему захочется, однако и все остальные становятся свободными в правовом плане по отношению к нему (каждый может его безнаказанно оскорбить, избить, обратить в рабство или же убить). Оказавшись в такой ситуации, в положении «вне закона», преступник рано или поздно сам попросит у государства должное наказание для себя. Из данной сентенции И.Г. Фихте, наряду с И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем, выводил право преступника на наказание. Эти суждения вытекают из представлений философа о создании государства на основе гражданского (общественного) договора с единственной целью – обеспечивать безопасность общества: все индивиды, добровольно вступающие в государство, берут на себя обязательство соблюдать условия и требования общественной безопасности под угрозой применения карательных мер, высшей из которых является изгнание из государства (не подчинившихся такой мере или вернувшихся обратно мыслитель предлагал сразу же лишать жизни).

Помимо формирующего государство основного общественного договора («договора о гражданском сожителстве»), И.Г. Фихте выделял дополнительный договор (*Abzugsvertrag* – «договор искупления»), из которого вытекает как право государства наказывать, так и право преступника

⁴ *Marx K. Capital Punishment. Mr. Cobden's Pamphlet. Regulations of the Bank of England // New-York Daily Tribune. 1853, Febr. 17, no. 3695.*

на наказание. Если единственным последствием нарушения основного договора является лишение правового статуса и изгнание, то дополнительный договор предоставляет способному исправиться правонарушителю (неисправимые преступники – убийцы, садисты и др. – исключались из этого договора) право искупить свою вину с помощью наказания и после исправления и утраты общественной опасности вернуться в социум его полноправным членом. Уголовное наказание в системе И.Г. Фихте носит односторонний, исправительный характер, так как оно – не самоцель и не требование абсолютной справедливости, а средство достижения главной цели государства – обеспечения общественной безопасности.

Заключение

Рассуждая о популярности в России уголовно-правового учения Г.В.Ф. Гегеля, Г.С. Фельдштейн писал, что «оно обращалось прежде всего к исследованию развития существующего, отодвигая на задний план его критику и изменение, и провозглашало разумность действительным в ту пору, когда движение вперед было фактически невозможно» (Фельдштейн 1909: 568). Действительно, для времени засилья в уголовном праве реликтовых религиозно-этических догматов и идей устрашения гегелевское учение о наказании носило, вне сомнения, прогрессивный и новационный характер, однако его гуманизм пережил свое время и является востребованным и в наши дни: логически выверенный пенологический абсолютизм Г.В.Ф. Гегеля, требующий равносильности уголовного наказания преступлению, препятствует стиранию границ и рамок наказуемости, безмерности и произволу в пенитенциарной сфере, которыми подчас оборачиваются попытки практического развития не только модели устрашения, но и многих релятивистских и утилитарных концепций (как, собственно, и гуманизм И. Канта, писавшего, что к человеку, в т.ч. преступнику, следует относиться только как к цели, но никогда как к средству). От абсолютных теорий последние отличает идея о том, что уголовные наказания должны назначаться не за совершенные преступления, а для недопущения их совершения, которая конкретизируется в целях общей и частной превенции (вплоть до использования «упреждающих (превентивных) ударов» и «средств общественной обороны» в отношении тех людей, которые еще не совершили преступления, однако способны их совершить в будущем, либо непропорционального установления высшей меры наказания в предупредительных (устрашающих граждан) целях (например, смертной казни за реализацию поддельных лекарственных средств в современном Китае⁵)), исправления и перевоспитания преступников и др., поэтому принципы справедливости и равенства (соответствия) для них необязательны.

Абсолютные теории наказания Г.В.Ф. Гегеля и И. Канта, несмотря на попытки компрометирования их родством с правилом талиона и три-

⁵ Ст. 141. Производство и реализация поддельных лекарственных средств // Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [с изм. от 14 марта 1997 г.] / под общ. ред. А.И. Чучаева, А.И. Коробеева. 2-е изд. Москва, 2021. С. 79.

виальной местью преступнику со стороны государств, представляются нам более гуманными, чем утилитаристские модели, так как они ни при каких условиях не допускают наказание невиновных, даже если оно оправдывается большой общественной выгодой или пользой, как в словах первосвященника Каифы: «Подумайте, разве не лучше будет для вас, если один человек умрет за народ, а не все иудеи погибнут?» (Ин.11:50).

В текущий период распространения в постмодернистском обществе гносеологического релятивизма и связанного с ним усиления идей и принципов консеквенциализма в праве, метафизические абсолютные концепции пенологического ретрибутивизма наряду с воззрениями Платона и Аристотеля на равенство и справедливость в наказании оказываются крайне востребованными в сложном поиске компромиссов, консенсусов и разумного баланса в аксиологических и телеологических обоснованиях и оправданиях уголовного наказания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Августин А. 1992. Исповедь. Москва : Республика. 335 с.
- Агошков А.В. 2008. Социальная справедливость с древнейших времен до начала новой эры: предчувствие великой идеи // Вопросы культурологии. № 2. С. 22–28.
- Ансель М. 1970. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). Москва : Прогресс. 312 с.
- Аристотель. 1894. Риторика. Санкт-Петербург : Типогр. В.С. Балашева и К°. 204 с.
- Ашаффенбург Г. 2010. Преступление и борьба с ним. Москва : Инфра-М. 241 с.
- Бентам И. 1998. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва : РОССПЭН. 415 с.
- Будзинский С.М. 1870. Начала уголовного права. Варшава : Гл. склад в кн. магазинах Д.Е. Кожанчикова. 362 с.
- Вольтер. 1956. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. Москва : Госюриздат. 339 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1973. Работы разных лет : в 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. 630 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1978. Политические произведения. Москва : Наука. 437 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Москва : Мысль. 524 с.
- Гоббс Т. 2001. Левиафан. Москва : Мысль. 478 с.
- Горбань В.С. 2004. Учение А. Меркеля о праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 188 с.
- Гроций Г. 1994. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Москва : Ладомир. 868 с.
- Кант И. 1966. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. Москва : Мысль. 477 с.
- Козаченко И.Я., Корсаков К.В. 2023. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. Москва : Юрайт. 277 с.
- Коновалова С.И. 1999. Система наказаний в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 241 с.
- Конфуций. 2008. Луньшюй. Изречения. Москва : Эксмо. 464 с.
- Лейбниц Г.В. 1989. Сочинения. В 4 т. Т. 4. Москва : Мысль. 554 с.
- Локк Д. 2019. Два трактата о правлении. Москва ; Челябинск : Социум. 482 с.

Макиавелли Н. 2001. Государь. Сочинения. Москва : Эксмо ; Харьков : Фолио. 656 с.

Миль Д.С. 2009. Речь в защиту смертной казни (1868) // Этическая мысль. Вып. 9. С. 183–192.

Монтескье Ш. 1900. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. К чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных. Санкт-Петербург : Изд-во Л.Ф. Пантелеева. 706 с.

Мор Т. 1953. Утопия. Москва : Изд-во АН СССР. 297 с.

Наумов А.В. 2006. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. № 4. С. 135–138.

Пионтовский А.А. 1940. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Москва : Изд-во НКЮ СССР. 192 с.

Платон. 1998. Государство. Законы. Политик. Москва : Мысль. 798 с.

Плутарх. 1999. Моралии. Москва : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио. 1117 с.

Радищев А.Н. 1992. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. Санкт-Петербург : Наука. 671 с.

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле. 414 с.

Сенека. 1977. Нравственные письма к Луцилию. Москва : Наука. 384 с.

Сенека. 2001. Философские трактаты. Санкт-Петербург : Алетейя. 399 с.

Сенека. 2018. О милосердии. Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус. 352 с.

Спиноза Б. 1993. Этика. Санкт-Петербург : Мегакон ; Аста-пресс. 246 с.

Фельдштейн Г.С. 1909. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль : Тип. Губернского Правления. 668 с.

Фихте И.Г. 1916. Избранные сочинения. Т. 1. Москва : Путь. 521 с.

Фома Аквинский. 2002. Сумма Теологии. Ч. 1. Вопросы 1-43. Киев : Эльга ; Москва : Ника-Центр. 559 с.

Цицерон. 1999. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. Москва : Мысль. 782 с.

Чубинский М.П. 2008. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. Москва : Инфра-М. 435 с.

Шершеневич Г.Ф. 1907. История философии права. Санкт-Петербург : Изд-во Братьев Башмаковых. 588 с.

Шопенгауэр А. 1900. Полное собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. О четверояком корне закона достаточного основания. Москва : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°. 552 с.

Beccaria C. 1797. Traite des Delits et des Peines. Neuchatel. 332 p.

Faulkner R.O. 1965. The Admonitions of an Egyptian Sage // Journal of Egyptian Archeology. № 51. P. 53-62.

Merkel A. 1867. Kriminalistische Abhandlungen. Volumen 1. Zur Lehre von den Grundeintheilungen des Unrechts und seiner Rechtsfolgen. Leipzig : Breitkopf und Härtel. 339 S.

Merkel A. 1892. Vergeltungsidee und Zweckgedanke im Strafrecht. Zur Beleuchtung der «Neue Horizonte» in der Strafrechtswissenschaft. Strassburg : Karl J. Trübner. 69 S.

Paley W. 1806. The Principles of Moral and Political Philosophy. Boston : John West. 492 p.

Selden J. 1898. Table Talk: Being the Discourses of John Selden. London : J.M. Dent and C°. 167 p.

Seldeni I. 1640. *De Jure Naturali & Gentium, Juxta Disciplinam Ebraeorum*, Libri Septem. Londini : Excudebat Richardus Bishopius. 847 p.

Thomasius C. 2011. *Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations*. Indianapolis : Liberty Fund. 690 p.

References

Agoshkov A.V. *Sotsial'naya spravedlivost' s drevneyshikh vremen do nachala novoy ery: predchuvstvie velikoy idei* [Social Justice from Ancient Times to the Beginning of a New Era: A Premonition of a Great Idea], *Issues of Cultural Studies*, 2008, no. 2, pp. 22–28. (in Russ.).

Ancel M. *Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoy politike)* [New Social Protection (Humanistic Movement in Criminal Policy)], Moscow, Progress, 1970, 312 p. (in Russ.).

Aristotle. *Rhetoric*, St. Peterburg, Tipografiya V.S. Balasheva i K^o, 1894, 204 p. (in Russ.).

Aschaffenburg G. *Crime and it's Repression*, Moscow, Infra-M, 2010, 241 p. (in Russ.).

Augustine of Hippo. *Confessions*, Moscow, Respublika, 1992, 335 p. (in Russ.).

Beccaria C. *Traite des Delits et des Peines* [Deals with Delits and Penalties], Neuchatel, 1797, 332 p. (in French).

Bentham J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, Moscow, ROSSPEN, 1998, 415 p. (in Russ.).

Budzinsky S.M. *Nachala ugolovnogo prava* [The Beginning of Criminal Law], Varshava, Glavnyy sklad v knizhnykh magazinakh D.E. Kozhanchikova, 1870, 362 p. (in Russ.).

Chubinsky M.P. *Ocherki ugolovnoy politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugolovnoy politiki kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava* [Policy: Essays on Criminal the Concept, History and Main Problems of Criminal Policy as an Integral Element of the Science of Criminal Law], Moscow, Infra-M, 2008, 435 p. (in Russ.).

Cicero. *About the State. About the Laws. About Old Age. About Friendship. About Responsibilities. Speeches. Letters*, Moscow, Mysl', 1999, 782 p. (in Russ.).

Confucius. *Lun'yuy. Izrecheniya* [Analects], Moscow, Eksmo, 2008, 464 p. (in Russ.).

Faulkner R.O. The Admonitions of an Egyptian Sage, *Journal of Egyptian Archeology*, 1965, no. 51, pp. 53–62.

Feldstein G.S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Yaroslavl, Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1909, 668 p. (in Russ.).

Fichte I.G. *Selected Works, Vol. 1*, Moscow, Put', 1916, 521 p. (in Russ.).

Gorban V.S. *Uchenie A. Merkelya o prave : dis. ... kand. yurid. nauk* [A. Merkel's Doctrine of Law: Dissertation], Moscow, 2004, 188 p. (in Russ.).

Grotius H. *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace], Moscow, Ladomir, 1994, 868 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Elements of the Philosophy of Right*, Moscow, Mysl', 1990, 524 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Political Works*, Moscow, Nauka, 1978, 437 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Works from Different Years*, in 2 vols. Vol. 2, Moscow, Mysl', 1973, 630 p. (in Russ.).

Hobbes Th. *Leviathan*, Moscow, Mysl', 2001, 478 p. (in Russ.).

Kant I. *Essays, in 6 vols., Vol. 4, pt. 2*, Moscow, Mysl', 1966, 477 p. (in Russ.).

Konovalova S.I. *Sistema nakazaniy v rossiyskom ugolovnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk* [The System of Punishments in Russian Criminal Law: Dissretation], Rostov-on-Don, 1999, 241 p.

Kozachenko I.Ya., Korsakov K.V. *Kriminologiya : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i spetsialiteta* [Criminology: textbook and practical course for undergraduate and specialist studies], Moscow, Yurayt, 2023, 277 p. (in Russ.).

Leibniz G.W. *Essays, in 4 vols., Vol. 4*, Moscow, Mysl', 1989, 554 p. (in Russ.).

Locke J. *Two Treatises of Government*, Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2019, 482 p. (in Russ.).

Machiavelli N. *The Prince. Essays*, Moscow, Eksmo, Kharkov, Folio, 2001, 656 p. (in Russ.).

Merkel A. *Kriminalistische Abhandlungen. Vol. 1. Zur Lehre von den Grundeintheilungen des Unrechts und seiner Rechtsfolgen* [Kriminalistische Abhandlungen. Vol. 1. On the doctrine of the basic divisions of injustice and its legal consequences], Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1867, 339 p. (in German).

Merkel A. *Vergeltungsidee und Zweckgedanke im Strafrecht. Zur Beleuchtung der "Neue Horizonte" in der Strafrechtswissenschaft* [The Idea of Retribution and the Idea of Purpose in Criminal Law. To Illuminate the "New Horizons" in Criminal Law Studies], Strassburg, Karl J. Trübner, 1892, 69 p. (in German).

Mill J.S. Speech in Defense of the Death Penalty (1868), *Ethical Thought*, 2009, iss. 9, pp. 183–192. (in Russ.).

Montesquieu S. *O dukhe zakonov...* [The Spirit of the Laws], St. Petersburg, Izdatel'stvo L.F. Panteleeva, 1900, 706 p. (in Russ.).

More T. *Utopia*, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, 297 p. (in Russ.).

Naumov A.V. *Otkrytoe pis'mo professora A.V. Naumova akademiku V.N. Kudryavtsevu* [An Open Letter from Professor A.V. Naumov to Academician V.N. Kudryavtsev], *Ugolovnoe parvo*, 2006, no. 4, pp. 135–138. (in Russ.).

Paley W. *The Principles of Moral and Political Philosophy*, Boston, John West, 1806, 492 p.

Piontkovsky A.A. *Ugolovno-pravovye vozzreniya Kanta, A. Feyerbakha i Fikhte* [The Criminal Law Views of Kant, A. Feuerbach and Fichte], Moscow, Izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940, 192 p. (in Russ.).

Plato. *State. Laws. Politician*, Moscow, Mysl', 1998, 798 p. (in Russ.).

Plutarkh. *Morals*, Moscow, Eksmo-Press, Kharkov, Folio, 1999, 1117 p. (in Russ.).

Radishchev A.N. *Journey from St. Petersburg to Moscow. A liberty*, St. Petersburg, Nauka, 1992, 671 p. (in Russ.).

Rousseau J.-J. *On the Social Contract. Treatises*, Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, 1998, 414 p. (in Russ.).

Schopenhauer A. *Complete Works, in 4 vols. Vol. 1. On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason*, Moscow, Tipo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1900, 552 p. (in Russ.).

Selden J. *Table Talk: Being the Discourses of John Selden*, London, J.M. Dent and C^o, 1898, 167 p.

Selden I. *De Jure Naturali & Gentium, Juxta Disciplinam Ebraeorum, Libri Septem* [Natural Law and the Law of Nations According to the Teaching of the Jews], Londini, Excudebat Richardus Bishopius, 1640, 847 p. (in Latin).

Seneca. *Epistulae Morales ad Lucilium*, Moscow, Nauka, 1977, 384 p. (in Russ.).

Seneca. *On Mercy*, St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018, 352 p. (in Russ.).

Seneca. *Philosophical Treatises*, St. Petersburg, Aleteyya, 2001, 399 p. (in Russ.).

Shershenevich G.F. *Istoriya filosofii prava* [History of the Philosophy of Law], St. Petersburg, Izdatel'stvo Brat'ev Bashmakovykh, 1907, 588 p. (in Russ.).

Spinoza B. *The Ethics*, St. Petersburg, Megakon, Asta-press, 1993, 246 p. (in Russ.).

Thomas Aquinas. *Summa Theologiae, Pt. 1, Questions 1–43*, Kiev, El'ga, Moscow, Nika-Tsentr, 2002, 559 p. (in Russ.).

Thomasius C. *Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations*, Indianapolis, Liberty Fund, 2011, 690 p.

Voltaire. *Selected Works on Criminal Law and Procedure*, Moscow, Gosyurizdat, 1956, 339 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Викторович Корсаков

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права Уральского
отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-2967-9884;
ResearcherID: K-2370-2018;
SPIN-код: 4007-2009;
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Korsakov

Candidate of Law, Associate Professor,
Institute of Philosophy and Law, Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-2967-9884;
ResearcherID: K-2370-2018;
SPIN-code: 4007-2009;
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Виноградова Е.В., Раттур М.В. Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 184-208.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_184

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184

Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма

Елена Валерьевна Виноградова

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: evsfrf@gmail.com

Мария Владимировна Раттур

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: rattur@yandex.ru

*Поступила в редакцию 16.05.2025, поступила после рецензирования 18.06.2025,
принята к публикации 26.06.2025*

Государственное устройство, наряду с политическим режим и формой правления, определяет основы организации и функционирования власти в государстве. Изучение его правовой природы – исследовательская задача, не теряющая своей актуальности на протяжении многих лет. Эволюция концепции территориальной организации государства контекстно предопределена развитием конституционно-правовых идей, формирующих современное политико-правовое пространство. Создание отечественной историографической модели политико-правовых знаний позволяет уточнить подходы к некоторым принципам, влияющим на формирование государственности, в частности, к легитимизму. Исследование этого института не часто становится предметом правовых исследований. Необходимость заполнить данный пробел предопределяет постановку ряда задач. Важнейшими из них являются корректировка хронологических рамок и обозначение ярких представителей политико-правовой мысли, включая отечественных. Проведение исследований, основанных на источниках высокой степени верифицированности, доступ к которым до недавнего времени был осложнен для научного анализа, позволило обозначить факты, активизирующие влияние России на мировые политико-правовые процессы. Часть из них предопределяется влиянием принципа легитимизма, находящего свое отра-

© Виноградова Е.В., Раттур М.В., 2025

жение в ряде конституционно-правовых институтов. В связи с этим изучение пересечений легитимизма и конституционализма представляется весьма интересным. Принцип легитимизма в данном исследовании изучен на основе ретроспективного анализа формирования государственности Швейцарии в начале XIX в. В статье исследован опыт формирования конституционной государственности Швейцарии, обозначена позиция влияния России. Сделан вывод о том, что базовые характеристики государственно-правовой идентичности Швейцарии – конфедеративное устройство и непосредственная демократия – сохранены Александром I, вооруженный нейтралитет – приобретен в результате решения, предложенного русским монархом. Актуальность сравнительного анализа конституционных положений Швейцарии и России обусловлена процессами преобразования политико-правовых моделей государственности, происходящих в последнее время во всем мире, отраженных, в том числе, и в необходимости принятия и легитимации поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г. Необходимость поиска новых паттернов взаимообусловленности внутренней и внешней политики государств делает исследование этой направленности своевременными и значимыми.

Ключевые слова: государственность; федерация; конфедерация; Швейцария; историографический анализ; идентичность; Венский конгресс; Российская империя; легитимизм

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Historiographic Analysis of Switzerland's State Legal Identity: Transformation of the Principle of *Legitimism*

Elena V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: evsfrf@gmail.com

Maria V. Rattur

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: rattur@yandex.ru

Received 16.05.2025, revised 18.06.2025, accepted 26.06.2025

Abstract. The state structure, political regime, and form of government, collectively determine the organizational and functional foundations of state power. Studying their legal nature remains a research imperative with enduring scholarly significance. The evolution of territorial state organization is contextually shaped by the development of constitutional-legal doctrines that define the modern political and legal order. Constructing a historiographic framework for political-legal

knowledge facilitates a refined analysis of the principles underlying state formation, in particular, *legitimism* – an institution seldom examined in legal scholarship. Addressing this gap predetermines several key tasks, including the redefinition of chronological parameters and the identification of influential figures in political-legal thought, both domestic and international. Utilizing rigorously verified sources – previously inaccessible for systematic study – this research reveals previously overlooked dimensions of Russia's impact on global political and legal processes. Certain aspects of this influence stem from the principle of *legitimism*, manifest in various constitutional and legal institutions. Consequently, examining the interplay between *legitimism* and *constitutionalism* yields significant scholarly results. This study employs a retrospective analysis of Swiss statehood formation in the early 19th century, to scrutinize the principle of *legitimism*. It explores Switzerland's constitutional development, with particular attention to Russia's role. The study indicates that key features of Switzerland's state-legal identity – its confederate structure and direct democracy – were preserved under Alexander I of Russia's influence, while armed neutrality emerged through a Russian-proposed resolution. The contemporary relevance of comparing Swiss and Russian constitutional provisions arises from broader global transformations in political and legal models of statehood, exemplified by the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation, and the imperative of their legitimization. As states reassess the interplay between domestic and foreign policy, research of this nature assumes heightened relevance and scholarly importance.

Keywords: statehood; federation; confederation; Switzerland; historiographic analysis; identity; Congress of Vienna; Russian Empire; legitimism

Acknowledgements: The research was conducted as part of the scientific project “Creation of a Russian Historiographical Model of Political and Legal Knowledge and Its Application for the Development of Promising Means of Countering Ideological Distortions of the Civilizational Development of Russia”. The project received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Vinogradova E.V., Rattur M.V. Historiographic Analysis of Switzerland's State Legal Identity: Transformation of the Principle of 'Legitimism', *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 184-208. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_184

Введение

На протяжении многих десятилетий историографическая модель политико-правовых знаний, касающихся, в частности, конституционно-правовых институтов, таких как государственное устройство, легитимность власти, суверенитет и другие, формировалась, за редким исключением, без учета вклада отечественных философов, историков, юристов, других представителей гуманитарных наук. В связи с актуальностью формирования новой отечественной историографической модели политико-правовых знаний (Савенков 2024: 82-90; Горбань 2023: 100; Горбань 2024: 11-15) важно обратить особое внимание на тот факт, что отечественная политико-правовая мысль контекстно предопределила создание феноменов державности, соборности, принципа легитимизма и других социально-

правовых конструкторов. В качестве «почти забытого» примера эволюции государственно-правовой идентичности можно привести формирование Швейцарской Конфедерации в эпоху после революционных войн. Опасность для Швейцарии, по откровенному признанию Ф.-С. Лагарпа в письме Александру I от 13 июня 1814 г., «быть разорванной на клочки», миновала благодаря позиции, которую занял и последовательно отстаивал российский император (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 351).

Принцип легитимизма в данном исследовании изучен на основе ретроспективного анализа формирования государственности Швейцарии в начале XIX в. Основу источниковой базы исследования составили впервые переведенные на русский язык уникальные документы из Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Кантонального архива Во, Кантональной и университетской библиотеки Лозанны, архива Фонда «Jean Monnet pour l'Europe», опубликованные в 2014–2017 гг. (Андреев, Тозато-Риго 2014; Андреев, Тозато-Риго 2017а; Андреев, Тозато-Риго 2017б).

Это позволило сфокусировать внимание на недостаточно изученном политико-правовом явлении, эволюционировавшем далее в концепты легитимности и легитимации, актуальные в формате реализации конституционного принципа поддержания доверия к законам и действиям государства. Включение принципа легитимизма в предметное поле при создании отечественной историографической модели политико-правовых знаний позволяет расширить представления о природе власти в дискурсе правовой государственности.

Мнение К. Ясперса о том, что «Швейцария не имеет образца, кроме самой себя», предопределенное тем, что Швейцария доказала возможность построить государство, где власть принадлежит народу, а компромисс становится искусством управления, даже в центре Европы, среди горных вершин и религиозных противоречий. Вместе с тем, следует напомнить точку зрения современного швейцарского историка О. Мёвли: «В конечном счете судьбу Швейцарии решил именно царь Александр I, глава антинаполеоновской коалиции»¹. Швейцария прошла путь от рыцарских союзов до цифровой демократии, укрепила свое государственное устройство и в конституционных положениях, и в занимаемой позиции нейтралитета². Ее история – это история о том, как уважение к традициям и готовность к реформам создают уникальную политическую стабильность. Следует отметить, что государственность Швейцарии, к большому сожалению, весьма редко становилась предметом государственно-правовых исследований. В российской правовой науке швейцарский конституционализм исследовал ряд ученых (Руденко 2003; Баглай и др. 2006; Медушевский 2002; Карсанова 2021), но тема легитимизма в этих исследованиях не является центральной.

¹ Пошар О. Венский конгресс и судьба швейцарского нейтралитета, 24.03.2015. URL: <https://inosmi.ru/20150324/227063505.html> (дата обращения: 21.08.2024).

² Вероятно, здесь не лишним будет напомнить, что руководство современной Швейцарии в последние годы отходит от этой позиции.

В них подробно, с привлечением западных и непосредственно швейцарских источников, исследован европейский историографический дискурс. Это предопределило возможность сфокусировать внимание на документах, упорядоченных и прокомментированных Лагарпом (письма, обзорные записки, проекты и др.), доступ к которым до недавнего времени был осложнен для исследователей.

Правовой анализ этих источников во многом обусловлен признанием уникальных черт швейцарской Конституции (гибкость: за 175 лет внесено свыше 200 поправок; двойное большинство: для изменений требуется одобрение большинства граждан и кантонов; открытость: любой гражданин может предложить поправку через инициативу), которые предопределяют большой интерес к ее исследованию. Актуальность сравнительного анализа конституционных положений Швейцарии и России обусловлена процессом принятия и легитимации поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г.

Легитимизм в историографии: трансформация дефиниции

Легитимизм как принцип, сформулированный Ш.М. Талейраном на Венском конгрессе (хотя формирование политико-правовых идей в этом отношении началось гораздо раньше), в практическом воплощении означал, что ни одной короной, ни одной территорией нельзя распоряжаться до тех пор, пока ее законный обладатель формально от нее не отказался. По мнению Талейрана, искоренив приобретение прав только лишь завоеванием, можно обеспечить порядок и устойчивость в Европе. «Я ставлю право выше выгод!» – сообщил князь Талейран-Перигор российскому императору Александру I спустя 3 дня после открытия конгресса (1 октября 1814 г.) (Потёмкин 1941: 379).

Примечательно, что о сакральности права царю говорил тот, кто за денежное вознаграждение от России предал Наполеона в Эрфурте, вступив в тайные переговоры с Александром I. Понятно, что за этим пассажем стояла необходимость обеспечить территориальную целостность Франции. Последняя, будучи побежденной, отстоять силой оружия ее была просто не в состоянии.

В обширной историографии Венского конгресса большое внимание по праву уделяется польско-саксонскому вопросу. Именно он был ключевым при обсуждениях европейских монархов. Решения по поводу Швейцарии нельзя назвать судьбоносными для Европы, но они стали ключевыми для формирования представлений об институте вооруженного нейтралитета и конфедеративном устройстве, которые по сей день составляют основу швейцарской государственно-правовой идентичности. Ныне существующие границы Швейцарии также во многом определены российским императором Александром I.

Это позволяет сделать предметом исследования историографический анализ не только политико-правового изучения легитимизма, но и работ, освещающих события, которые предшествовали Венскому конгрессу

и последовали за ним. В связи с формированием новой отечественной историографической модели политико-правовых знаний (Горбань 2024: 18), важно обратить особое внимание на тот факт, что отечественная политико-правовая мысль в отношении формирования основ легитимизма была представлена трактатом Н.М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанным в 1811 г. для российского императора (Жуков, Раттур 2024: 71).

Работа обращает на себя внимание прежде всего тем, что положения и выводы ее базируются исключительно на анализе политико-правового развития России, что опровергает сложившееся в историографии представление о заимствовании отечественными мыслителями западных идей. Более того, автор обращает внимание государя на то, что «Россия существует около 1000 лет – и не в образе дикой орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы недавно вышли из темных лесов американских» (Карамзин 2004: 1009). Рассматривая ключевые события истории России, Н.М. Карамзин приходит к выводу, что «самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы» (Карамзин 2004: 1004). Это позволило исследователям отнести автора к легитимистам (Яблоков 2008; Чудинов 1992), но крайне важно учесть, что свои политико-правовые идеи он формулировал до укоренения дефиниции «легитимизм» в западноевропейском политико-правовом пространстве. Для формирования и развития политико-правовых знаний такая ситуация не является исключением. Так, введением в научный оборот понятия «идентичность» в середине XX в. мы обязаны психологу Э. Эриксону, но в настоящее время термин активно используется как в нормативных актах, так и научных публикациях политико-правовой тематики (Брубейкер 2012; Тишков 2021; Фишман 2024; Виноградова, Раттур 2024: 170; Раттур 2024).

Ш.М. Талейран в 1814 г. на Венском конгрессе использовал теоретико-правовые представления, уже сформулированные в работах Ж. де Местра, Э. Бёрка, Л. де Бональда, Н.М. Карамзина для выдвижения принципа легитимизма, заключавшегося в том, что «Европа, собравшаяся в лице своих государей и дипломатов на Венский конгресс, должна при перераспределении земель и изменении территориальных границ оставлять в нерушимом виде то, что существовало до начала революционных войн, т.е. до 1792 г.» (Потёмкин 1941: 379). Широкое освещение Венского конгресса и значительное число научных трудов, посвященных этому событию, сформировали в историографии политико-правовых учений устойчивое представление о Ш.М. Талейране как авторе теории легитимизма. При этом для него легитимизм выступал в качестве инструмента, с одной стороны, для ограничения действий России и Пруссии, а с другой – сохранения целостности территории Франции, проигравшей войну.

Легитимизм не относится к числу понятий, которому посвящена обширная историография политико-правовых знаний. В равной степени это

можно отнести как к отечественной, так и зарубежной историографии. Дефиниция «легитимизм» до настоящего времени не имеет однозначного толкования у правоведов, отсутствует единство в толковании и у историков, и у политологов. Легитимизм определен в современном толковом словаре как «теория, признающая главным принципом государственного устройства историческое право легитимной династии на власть (возникшая в Западной Европе – первоначально во Франции – в начале XIX в.)»³. В Советской исторической энциклопедии это понятие представлено в политико-правовой ретроспективе как «принцип, впервые выдвинутый на Венском конгрессе 1814–1815 гг. французским дипломатом Ш.М. Талейраном для защиты и обоснования внешнеполитических целей французских Бурбонов (свергнутых во время франц. революции в 1792 г. и восстановленных в 1814 г., а затем – в 1815 г.), которых монархические круги рассматривали в качестве законных (легитимных) правителей Франции»⁴.

Сформировавшееся в историографии политико-правовых знаний представление о принципе легитимизма основано на идее Ш.М. Талейрана, получившее поддержку на Венском конгрессе. Вместе с тем, обращение к источникам позволяет заметить, что концепция легитимизма имеет корни и в отечественном политико-правовом пространстве. К российским легитимистам исследователи относят Н.М. Карамзина (Яблоков 2008; Чудинов 1992), апеллируя к его «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Этот трактат был написан русским ученым в начале 1811 г.⁵ Несколько лет отделяют труд Н.М. Карамзина от Венского конгресса.

Считается, что отправной точкой для формирования философско-правовых представлений о легитимизме стали события Великой французской революции⁶, ставшие причиной пересмотра идеологии монархизма для того, чтобы она могла противостоять идеям Просвещения. Апология монархии требовала уточнения положений философско-правовой концепции. Развитие общественно-политической мысли в этом отношении связано, по мнению исследователей, прежде всего с работами Ж. де Местра. Успешно окончив в 1774 г. Туринский университет, где он изучал право, Ж. де Местр поддержал революционные события во Франции. Однако разочарование пришло довольно быстро. Французская армия оккупировала Савойю, он переселился в Швейцарию и опубликовал в 1793 г. свой первый публицистический труд «Письма савойского роялиста», содержащий кри-

³Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. Москва : Рус. яз., 2000. С. 515.

⁴ Легитимизм // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. Москва : Совет. энцикл., 1965. Т. 8. Стб. 522.

⁵ Он был подготовлен для Александра I по просьбе великой княгини Екатерины Павловны.

⁶ Он значительно опередил Ш.М. Талейрана, старавшегося трансформировать складывающуюся политико-правовую идею в механизм защиты интересов Франции на Венском конгрессе.

тику режима, установившегося во Франции. Историко-политическая работа «Рассуждения о Франции» увидела свет в Лозанне в 1796 г. (Генифе 2003: 97). Ее публикация стала своеобразным манифестом политико-правового консерватизма, а автор – признанным идеологом этого направления. С 1803 по 1817 г. Ж. де Местр – посланник Сардинского королевства в Российской империи. Его основные политико-правовые исследования будут написаны и изданы в Санкт-Петербурге: «Опыты о принципе порождения политических учреждений и других человеческих установлений» (1810) и «О сроках божественной справедливости» (1815). Важно отметить, что первой специальной отечественной работой, посвященной анализу политико-правовых взглядов Ж. де Местра как легитимиста, станет публикация о нем В.С. Соловьёва в 1897 г.⁷

Сложившееся в историографии представление о Ж. де Местре как о ключевой фигуре консерватизма несколько отодвинуло на второй план британского мыслителя Э. Бёрка. Это представляется не вполне справедливым и требует, на наш взгляд, освещения его воззрений для восполнения историографической лакуны в изучении политико-правовых идей. Дополнительным аргументом в данном случае является тот факт, что консервативные идеи, впоследствии положенные в основу легитимизма, были высказаны им раньше, чем Ж. де Местром. Его труд «Размышления о Французской революции» был опубликован в ноябре 1790 г. Окончив в 1750 г. Тринити-колледж в Дублине, Э. Бёрк переехал в Лондон для изучения права. Курс он не окончил, решив стать писателем. С 1766 по 1794 г. являлся членом Палаты общин английского парламента, последовательно отстаивая необходимость укрепления добродетелей в обществе и важность религиозных институтов «для моральной стабильности и блага государства» (Bourke 2015: 221). При этом в работе «Оправдание естественного общества» он критиковал отношение Британии к колониям в Америке, отстаивал права колонистов на сопротивление метрополии, но отвергал возможность обретения ими независимости (Бёрк 2001: 37-41). Убеденность Э. Бёрка в том, что революция, разрушая традиционные государственные и общественные институты, наносит непоправимое зло общественному развитию, красной нитью проходит через его, пожалуй, самый знаменитый политико-правовой труд «Размышления о революции во Франции» (Burke 1992). Политическая преемственность, уважение к унаследованным традициям и ценностям, а не следование революционным нововведениям в виде «абстрактной идеи закона, умозрительных построений» (Clark 2000: 5), убедительно обоснованы Э. Бёрком. В XIX в. его идеи пользовались поддержкой как в консервативных, так и либеральных кругах, но спустя время они приобрели статус «всеобщности и непреложности» для легитимизма в его узком (монархическом) понимании. В сложившейся историографии политико-правовых знаний Э. Бёрк – один из основателей консерватизма и легитимист (Neuwood, 2007; Чудинов 1992).

⁷ Переизд. см.: Соловьёв Вл.С. Мэстр Жозеф-Мари // Христианство : энцикл. словарь : в 3 т. / гл. ред. С.С. Аверинцев. Москва : Большая Рос. энцикл., 1995. Т. 2. С. 105–106.

Л. де Бональд разделял политико-правовые идеи Ж. де Местра и Э. Бёрка, публикуя свои произведения в начале 1800-х гг. При этом нельзя не отметить его недолгое увлечение либеральными идеями в предреволюционной Франции, переход на сторону роялистов, поддержку курса Наполеона после его прихода к власти, последующее разочарование и апологику радикального традиционализма. Политико-правовое обоснование критики либеральных идей содержат практически все работы Л. де Бональда. К наиболее значимым следует отнести «Теорию политической и религиозной власти» (1796), «Опыт анализа естественных законов социального устройства» (1800), «Первичное законодательство» (1802). Именно они внесли значительный вклад в обоснование легитимизма как политико-правовой идеи на рубеже XVIII–XIX вв.

Важно отметить, что для Швейцарии принятие участниками Венского конгресса принципа легитимизма как руководства к действию грозило потерей государственности, и только решение российского императора Александра I позволило предотвратить такое развитие событий. Обозначим здесь лишь тот факт, что царствование внука Екатерины Великой ознаменовано не только влиянием на формирование идентичности Швейцарии, но и Швеции, Финляндии, Польши (Виноградова и др. 2023; Раттур 2023; Данилевская-Урбанова, Раттур 2024).

Дальнейшее развитие легитимизма и его научное осмысление осуществлялось, в основном исходя из событий, связанных с формированием Венской системы. В отечественной историографии он обрел к началу XX в. следующую формулировку: «политическое учение, последователи которого считают верховную власть наследственной и независимой от воли народа; в частности, во Франции учение, по которому королевская власть должна находиться в руках Бурбонской династии»⁸. Следует отметить, что в общественном сознании французов уже к середине XIX в. сложилось представление о легитимисте как стороннике абсолютной монархии. Доказательством тому является опубликованный в 1842 г. знаменитый сборник «Сцены частной и общественной жизни животных», тексты для которого написали О. де Бальзак, Ж. Санд, П.-Ж. Сталь и др. (Миличина 2015). Так, например, в рассказе «Путешествие парижского воробья в поисках наилучшего правления» при описании абсолютной монархии (государства пчел) легитимизм как политико-правовое явление представлен исключительно в свете апологии абсолютизма. К середине XIX в. вопросы законности и сохранения территориальной целостности (актуальные для времени Венского конгресса) в правосознании европейцев с легитимизмом уже не связаны.

Трансформацию понятия «легитимизм» можно проследить благодаря историографическому анализу дореволюционных работ отечественных исследователей. Так, в работах В.П. Даневского и А.Н. Штиглица понятие легитимизм контекстно связано с политическим равновесием и национальным вопросом (Даневский 1882: 17; Штиглиц 1890: 7). Н.А. Осокин с правовых

⁸ Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Москва : Т-во И.Д. Сытина, 1904. С. 221.

позиций оценивая политические движения в Западной Европе первой половины XIX в., отмечает «борьбу конституционного начала с легитимизмом», обращая внимание на то, что легитимизм не есть исключительно «явление французской истории» (Осокин 1892: 28-29).

Б.Н. Чичерин в 1902 г. дал оценку легитимистским взглядам Ж. де Местра с либеральных позиций (Чичерин 1902: 134-136), а в отношении взглядов Л. де Бональда работа С.А. Котляревского стала первой в отечественной историографии, где его концепция подвергнута развернутому анализу (Котляревский 1904).

В «Доктрине монархического принципа во Франции в эпоху реставрации», написанной А.С. Алексеевым в 1916 г. для журнала «Юридический вестник», указывается, что «победоносно соперничать с началом народного суверенитета» мог лишь принцип легитимизма» (Алексеев 1916: 8). Интересен взгляд Н.А. Бердяева, утверждавшего, что «Легитимизм, все равно монархический или демократический, есть мертвая идея в катастрофические периоды истории» (Бердяев 2002: 282).

Научные изыскания относительно легитимизма в советское время были весьма немногочисленны. Причиной тому является его ярко выраженная антиреволюционная направленность. Особняком стоит работа «Мир русской истории» (1922) крупнейшего историка Русского Зарубежья Е.Ф. Шмурло, эмигрировавшего в Прагу в 1924 г. С позиций легитимизма – «государственного строя, освященного церковью и временем» – он в своем труде, ставшем итогом 40-летней деятельности, излагает основные события отечественной истории (Шмурло 2009: 235).

В советской довоенной историографии лишь труд А.Н. Шебунина «Европейская контр-революция в первой половине XIX века» содержал развернутую характеристику легитимизма. Обозначив его как «принцип законной власти», автор вместе с тем отметил, что на Венском конгрессе «принцип легитимизма был выгоден и Англии, и Австрии» (Шебунин 1925: 46).

Примечательно, что А.Л. Нарочницкий, читая лекции на завершающем этапе Великой Отечественной войны и характеризуя международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г., отметил следующее: «Александр, как и все государи, проводил на конгрессе реакционную политику. Но он допускал больше отступлений от принципов легитимизма» (Нарочницкий 1946: 55). Аналитические выводы и оценки в отношении легитимизма содержит диссертационное исследование Л.А. Зака «Монархи против народов: дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи» (Зак 1966).

Стремлением отойти от идеологических штампов о легитимизме как сугубо монархической и антиреволюционной системе взглядов можно охарактеризовать работы, посвященные изучению политико-правовых взглядов Н.М. Карамзина (Кислягина 1976; Лотман 1957: 122-166). Публикация в 1989 г. в журнале «Вопросы философии» статьи Л.П. Карсавина о Ж. де Местре (Карсавин 1989) стала событием для советской историографии.

Среди авторов немногочисленных современных исследований, посвященных различным аспектам изучения легитимизма, следует отметить

А.Н. Закатова, А.Н. Долгих, А.С. Заболотную (Закатов 2008; Долгих 2024; Заболотная 2010). Обращают на себя внимание работы, посвященные персоналиям, которых в историографии принято относить к «легитимистам» (Савенков 2023; Правкин и др. 2020; Мирзоев 2008).

Сравнительному анализу германского и российского консерватизма посвящено исследование Г.И. Мусихина. Автор особо обращает внимание на то, что авторитет личной верности монарху является неотъемлемой частью легитимизма (Мусихин 2002: 130). На несовместимость принципа легитимизма и права завоевания обращает внимание М.А. Додолев в работе «Венский конгресс в историографии XIX и XX веков» (Додолев 2000: 19). При этом авторы неизменно отмечают недостаточную разработанность темы легитимизма как в отечественной, так и зарубежной историографии (Таньшина 2020: 19; Долгих 2024).

Идея легитимизма в истории политико-правовой мысли прошла сложный путь от реакции на революционные события во Франции к инструменту внешнеполитического воздействия для раскола союзников, предложенного Талейраном, и до оплота монархических и консервативных воззрений. Историографический анализ работ, посвященных легитимизму, позволяет сделать вывод об ошибочности устоявшихся в историографии представлений об авторстве этой теории Талейрана, сформулированной последним на Венском конгрессе в 1814 г. Так, например, Н.М. Карамзин в 1811 г., основываясь на сведениях из российской истории, обозначил идею легитимизма в трактате «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях».

Российское влияние на государственно-правовую идентичность Швейцарии. Принцип легитимизма на Венском конгрессе

Швейцарский историк О. Мёвли справедливо отмечает, что «Швейцария являлась буферной зоной между Австрией и Францией, страной, которую теперь предстояло общими усилиями стран-победительниц держать на коротком поводке. Понятно, что для каждой из держав было очень соблазнительно поставить Швейцарию под свой контроль, особенно если учитывать, что именно она играла, в итоге, ключевую роль в обеспечении действенности механизма сдерживания Франции»⁹.

При этом важно обратить внимание на полную неразбериху в рядах самих швейцарцев, которую женеvский историк И. Эрманн обозначила так: «Больше всего поражает то, что они не могли договориться между собой. В устах делегатов от разных кантонов слова “независимость”, “нейтралитет” имели разное значение»¹⁰. Ситуация осложнялась еще и тем, что бывший административный центр французского департамента Леман Женева и часть французского департамента Симплон (Вале) отошли Швей-

⁹ Пошар О. Венский конгресс и судьба швейцарского нейтралитета.

¹⁰ Бабаева Л. 200 лет назад на свет появилась современная Швейцария // Наша газета. 2014. 18 сент. URL: <https://nashagazeta.ch/news/swiss/18283> (дата обращения: 21.09.2024).

царии согласно условиям Парижского мирного договора 1814 г. При этом Берн грезил возвращением себе в качестве подвластной земли Во, а часть швейцарского Невшателя стала прусской. Епископ Базельский и настоятель Санкт-Галленского аббатства также стремились вернуть себе земельные владения. При этом земли епископата составляли ни больше ни меньше как целый кантон Юра, образованный чуть позднее.

Принцип легитимизма, предложенный Талейраном, сохранял территории за Францией, а земли Швейцарии ожидало «растаскивание по кусочкам» на фоне провозглашения верховенства права. Ее судьба должна была решиться на Венском конгрессе. При этом главный редактор «Исторического словаря Швейцарии» М. Жорио в интервью газете «Le Temps» совершенно справедливо отметил, что решения на Венском конгрессе (в том числе и швейцарского вопроса) принимались в результате «торгов, которые не всегда выглядели достойно»¹¹.

Ярким примером, подтверждающим мнение М. Жорио, может служить тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии 3 января 1815 г. Соблюдение принципа легитимизма должно было привести к отказу России от частей Польши, не принадлежавших ей до революционных войн, а Пруссии – от Саксонии. «Поборник верховенства права» Талейран убедил Меттерниха (Австрия) и Каслри (Англия) «сомкнутым строем вступить в решительную дипломатическую борьбу против России и Пруссии», заключив тайное соглашение (Потёмкин 1941: 381). Сохранение строжайшей тайны предполагалось обеспечить всего лишь тремя экземплярами соглашения. Один остался в Вене у Меттерниха, другой Талейран отослал в Париж Людовику XVIII, третий Каслри отвез принцу-регенту Англии Георгу.

Тайное стало явным для Александра I следующим образом. Покинувший Эльбу Наполеон обнаружил в ящике стола королевского кабинета экземпляр договора, который забыл забрать бежавший впопыхах из Парижа Людовик XVIII. Наполеон немедленно направил этот документ Александру I в Вену. Российский император, получив пакет из Парижа и ознакомившись его с содержимым, при встрече с Меттернихом молча протянул ему «тайный плод дипломатического творчества австрийского канцлера» (Потёмкин 1941: 382). Учитывая, что произошло это в пору начала «Ста дней» Наполеона, и Меттерних от русского царя ждал нового спасения Европы, о чем уже успел сообщить и ему, и союзникам, то произведенный эффект позволил усилить позиции России на Венском конгрессе.

Уже 20 марта 1815 г. была принята Венская декларация, ставшая итогом работы Комитета по швейцарским делам и объявившая о «вечном нейтралитете» Швейцарии, целостности 19 кантонов, существовавших в период действия Посреднического акта, вступлении в Швейцарскую конфедерацию еще 3 новых кантонов, находившихся до 1814 г. под контролем Франции. Федеральный сейм ратифицировал декларацию 27 мая 1815 г., а 8 июня она была включена в итоговый акт Венского конгресса.

¹¹ Там же.

За этим простым перечислением событий скрывается кропотливая работа русской миссии в Комитете по швейцарским делам, перипетии которой можно объективно оценить, проанализировав впервые опубликованные в 2017 г. на русском языке материалы, основой которых стала переписка императора Александра I и его швейцарского наставника Ф.-С. Лагарпа. Так, например, в письме от 13 июня 1814 г. Ф.-С. Лагарп сообщает императору «о еще одной безрассудной попытке Швейцарию лишить покоя» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 596). Речь идет о стычке сельских жителей кантона Золотурн со сторонниками возвращения к Старой Конфедерации. Результатом ее стало несколько погибших.

Дело в том, что швейцарский вопрос в 1814 г. «был в руках Меттерниха», а он поддерживал идею возвращения к Старой Конфедерации, ущемлявшей права большинства населения Швейцарии. Талейран, не желая территориальных потерь Франции и провозгласив принцип легитимизма, был крайне доволен позицией британского министра иностранных дел Каслри, состоявшей в том, что «мы ничего не можем противопоставить официальному отказу Франции уступить Швейцарии часть подчиненных территорий»¹².

21 января 1815 г. Лагарп в письме Александру I обращает его внимание на то, что «в мнениях комитета касательно дел швейцарских узнал я руку франко-английскую» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 660). Опасность для Швейцарии, по меткому выражению Ф.-С. Лагарпа, «быть разорванной на клочки» (письмо Александру I от 13 июня 1814 г.) миновала благодаря позиции, которую занял и последовательно отстаивал российский император. Вот что об этом пишет современный швейцарский историк О. Мёвли: «В конечном счете судьбу Швейцарии решил именно царь Александр I, глава антинаполеоновской коалиции. Проконсультировавшись с Лагарпом, он объявил о своем намерении сохранить Швейцарию в составе 22-х кантонов, тогда как австрийский канцлер Меттерних симпатизировал, скорее, кантону Берн, склоняясь к восстановлению Старой Конфедерации»¹³.

После провозглашения нейтралитета Швейцарии в Венской декларации от 20 марта 1815 г. и до ее ратификации Федеральным сеймом 27 мая 1815 г., этим же Собранием был одобрен договор о присоединении к коалиции союзных держав против Наполеона. В историю этот документ вошел под названием «Цюрихская конвенция 20 мая 1815 г.».

6 мая в обращении союзников к Сейму было сказано, что «обеспечить швейцарский нейтралитет, признанный на Венском конгрессе, будет возможно, только если Швейцария в нынешних условиях поспособствует победе над Наполеоном» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 600). В тексте Цюрихской конвенции сказано, что «для поддержания общей европейской системы» Швейцария присоединяется к коалиции противников Наполеона.

Примечательно, что против принятия Цюрихской конвенции выступили три кантона (Базель, Во, Тессин), хотя на результат это не повлияло.

¹² Бабаева Л. 200 лет назад на свет появилась современная Швейцария.

¹³ Пошар О. Венский конгресс и судьба швейцарского нейтралитета.

Ратификация конвенции должна была произойти в трех четвертях кантонов, что и случилось в течение двух недель. Итогом стал проход австрийских войск через перевал Симплон и Женеву на Лион, пересечение швейцарской армией государственной границы с Францией (правда, лишь после битвы при Ватерлоо). 26 августа действия армии за пределами страны завершились осадой крепости Хюниген. С тех пор вооруженные силы Швейцарии не покидали пределов своей страны.

Несмотря на необходимость принятия Цюрихской конвенции, современная Швейцария высоко ценит свой нейтралитет, нечасто вспоминая, при каких обстоятельствах и чьими усилиями он был получен. Отрадно, что в 2015 г. швейцарский историк О. Мёвли напомнил согражданам, что «без согласия России нынешняя нейтральная Швейцария была бы немыслима»¹⁴.

По итогам принятия Венской декларации, ее ратификации Сеймом и включения в итоговый акт Венского конгресса 7 августа 1815 г. представителями всех 22 кантонов был подписан Федеральный пакт – основной закон Швейцарской конфедерации, действовавший до принятия новой Федеральной конституции 1848 г. современного образца. Он состоял из 15 статей, положения которых обеспечивали суверенитет кантонов, запрещали неравенство «подвластных земель», устанавливали, что центральную власть представляет Сейм, заседающий в одном из трех кантонов (Цюрих, Берн, Люцерн).

Таким образом, следования принципу легитимизма, которое означало бы для Швейцарии возвращение к прежней Конфедерации, поражение в правах большинства населения, отторжение значительных территорий, удалось избежать благодаря деятельности русской дипломатической миссии на Венском конгрессе, личным усилиям и воле Александра I. Современные границы Швейцарии, федеративное устройство, нейтралитет стали возможны лишь благодаря абсолютному монарху унитарного государства.

Государственное устройство Швейцарии: конфедерация – унитарное государство – федерация

Территориальное устройство страны является одной из основ, определяющих его государственность. Исследование правовой природы государственного устройства контекстно связано с принципом легитимизма, что находит свое отражение в ряде конституционно-правовых институтов. В связи с этим изучение пересечений легитимизма и конституционализма представляется весьма интересным. Кроме того, следует учесть, что оба концепта в их правовом содержании возникли примерно на одном и том же историческом отрезке.

Унитарное государство, федерация или конфедерация – выбор, перед которым в разное время стояло большинство стран. Если выбор унитарной или федеративной формы государственного устройства являются весьма

¹⁴ Там же.

распространенными¹⁵, то следует отметить, говоря о классических конфедерациях, что конфедерация – нестабильная форма, по мнению исследователей (Хофер 2006: 60; Швейцер 2009). Это предопределено сложностью координации между суверенными членами, отсутствием сильного центра для решения кризисов при очевидной тенденции к централизации власти. В классической работе о федерализме Д. Элазар доказывает, что конфедерации нежизнеспособны в долгосрочной перспективе и эволюционируют в федерации или распадаются (Elazar 1987).

Строго говоря, сложно назвать примеры современных государств-конфедераций в классическом понимании политико-правового содержания этой формы территориального устройства страны. Конфедерации как форма управления уступили место более устойчивым структурам: федерациям или международным организациям.

Относительно международных организаций в последние годы все чаще применяется термин «конфедерация». С.А. Авакьян анализирует Европейский Союз (ЕС) как «мягкую конфедерацию», подчеркивая отсутствие у него признаков государства (Авакьян 2016: 55). В связи с этим отметим, что, несмотря на существующие подходы, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой функционирующие международные объединения и союзы отдельными чертами конфедерации не соответствуют ее строгому определению. В качестве таких примеров чаще всего рассматривают ЕС, который наделен чертами конфедеративного устройства¹⁶, однако не имеет единой внешней политики или армии. Кроме того, его члены могут выйти (как Великобритания в 2020 г.) из союза. Поэтому, очевидно, что ЕС – гибрид межгосударственного союза и наднациональной организации, но не конфедерация.

Иногда как конфедерация рассматривается созданное в 1991 г. после распада СССР Содружество Независимых Государств (СНГ), обладающее таким чертами конфедерации, как общие экономические и военные соглашения. Но в реальности у СНГ нет наднациональных органов с реальной властью. Скорее, это зона свободной торговли с элементами политического диалога. В объединяющем 55 стран Африки Африканском Союзе (АС) для формирования элементов конфедеративного устройства руководители предложили создать единый парламент и суд, однако слабая интеграция и зависимость от решений национальных правительств не позволяет относить АС к конфедеративным образованиям. Таким образом, к модели конфедерации приближен Европейский Союз, но он остается межгосударственным объединением с элементами наднациональности. Примеры государств-конфедераций в современном политико-правовом дизайне назвать весьма непросто.

¹⁵ По состоянию на 2025 г. в мире насчитывается 27 федеративных государств. Количество может незначительно варьироваться в зависимости от критериев классификации, так как некоторые страны имеют гибридные или спорные формы устройства.

¹⁶ В частности, суверенные государства передают часть полномочий наднациональным органам (Еврокомиссия, Европарламент), наличие общей валюты (евро), единого рынка, Шенгенской зоны.

В этом контексте представляется интересным следующее положение швейцарской Конституции 1999 г., закрепленное в статье 1: «швейцарский народ и кантоны... образуют совместно Швейцарскую Конфедерацию». Политическая культура страны предопределяет акцент на децентрализацию и кантональную автономию, что создает иллюзию конфедерации, но юридически это федерация. Г. Кельзен, утверждал, что «Швейцария – федерация, так как ее кантоны не обладают государственным суверенитетом, а лишь автономией в рамках федеральной конституции» (Кельзен 2015: 325). А.Н. Медушевский, анализируя эволюцию от конфедерации к федерации, указывает, что современные конфедерации – это «переходные формы» (Медушевский 2011).

Соглашаясь с мнением К. Шмитта, полагавшего, что «название „конфедерация“ – это миф, необходимый для легитимации единства многоязычной нации» (Шмитт 2000: 221), считаем Швейцарию федерацией, замаскированной под конфедерацию историческим названием. Во-первых, ее государственное устройство соответствует всем критериям федерализма – верховенством федеральной конституции, разделением полномочий между центром и субъектами, отсутствием суверенитета у кантонов. Во-вторых, следует обратить внимание на лингвистический нюанс, так как латинское *confoederatio* в оригинале Конституции не означает конфедерацию в современном смысле.

Ну и, вне всякого сомнения, закрепление за Швейцарией статуса конфедерации – дань исторической традиции, сформировавшейся в конкретных политико-правовых реалиях, анализ которых предполагает возможность изменения существующих парадигм и создание новых моделей. Ее история начинается в 1291 г. от Союза трех кантонов, когда Ури, Швиц и Унтервальден заключили «Вечный союз» для защиты от Габсбургов. Этот договор, подписанный на лугу Рютли, стал основой швейцарской государственности. В XIV–XVI вв. происходили расширение и борьба за независимость. К концу XV в. Конфедерация включала 13 кантонов. Победы в битвах при Моргартене (1315 г.) и Земпахе (1386 г.) укрепили ее автономию, что позволило выйти из Священной Римской империи по итогам Швабской войны (1499 г.). В 1648 г. Вестфальский мир официально признал независимость Швейцарии. Страна пережила религиозные войны¹⁷, период Реформации (XVI в.)¹⁸. Религиозный плюрализм стал основой политической культуры, где компромисс ценится выше конфронтации. Право кантонов самостоятельно выбирать религию стало одним из положений Вестфальского мира.

Старая Швейцарская Конфедерация перестала существовать в результате французского вторжения в 1798 г. Ей на смену пришла унитарная Гельветическая республика. Из политической жизни Швейцарии исчез

¹⁷ Религиозные войны между католическими и протестантскими кантонами (битва при Каппеле, 1531 г.).

¹⁸ Ульрих Цвингли в Цюрихе и Жан Кальвин в Женеве превратили Швейцарию в центр протестантизма.

Сейм – представительный орган, существовавший со Средних веков. Союзу суверенных государств, связанных друг с другом различными договорами, созыв Сейма требовался в случае оказания взаимопомощи или арбитража, для управления совместными владениями – «бальяжами» (с 1415 г.) и заключения международных договоров (с середины XV в.). Компетенции Сейма были весьма ограниченными – они или перечислены в договорах, или восходили к традиции (например, совместной дипломатии кантонов, их общего участия в походах). Никакой исполнительной власти у Сейма не было.

При этом, как отмечал Ф.-С. Лагарп, «пять шестых нации не имели прав граждан, поскольку земли, где они жили – бывшие феодальные владения светских и церковных сеньоров – были некогда выкуплены или захвачены городскими или лесными кантонами, которые присоединили их к себе в качестве вассальных территорий» (Андреев, Тозато-Риго 2017b: 597). Это означало невозможность для жителей принимать участие в выборах, занимать должности в кантональных республиках, служить в армии в офицерских чинах, неся при этом весьма ощутимое налоговое бремя.

Зависимые части Швейцарии, находившиеся в вассальных отношениях с кантонами (так называемые «подвластные земли») стали отдельными независимыми кантонами или равноправными частями кантонов в результате Гельветической революции 1798 г. При этом в соответствии с Гельветической Конституцией, представлявшей собой адаптированную версию Конституции Франции 1795 г., кантоны потеряли все свои права и привилегии, превратившись в обыкновенные административные округа (префектуры) унитарного государства. Это полностью соответствовало стратегическому алгоритму «освободительной войны» Бонапарта: организовать манифестацию местных патриотов, которую поддержит французская армия. Навязанное Наполеоном государственное устройство оказалось для Швейцарии крайне нестабильным. 4 государственных переворота и гражданская война стали причиной издания первым консулом Французской республики 19 февраля 1803 г. Посреднического акта, ставшего основным законом Швейцарской Конфедерации в 1803–1813 гг.

Посреднический акт содержал отдельные конституции теперь уже для 19 (!) кантонов, определял, что высшим органом Конфедерации является Гельветический (федеральный) сейм, восстанавливал суверенные права кантонов в отношении таможен, налогов, выпуска монет, устройства армии (не давая при этом права воевать друг с другом и образовывать союзы), сохранял общее швейцарское гражданство и отмену статуса «подвластных земель», гарантировал равенство прав граждан и их личные свободы. К основным полномочиям Сейма относились ведение внешней политики и сбор федеральной армии. При этом отдельно оговаривалось, что сбор федеральной армии должен проводиться «по требованию Франции (в рамках союзного договора) или для решения внутренних проблем» (Андреев, Тозато-Риго 2017b: 599).

Отказ от Посреднического акта Наполеона в конце 1813 г. на заседании Сейма в Цюрихе привел к его самороспуску. Попытка реставрации «старого режима», равно как и создание Федерального собрания столкнулись с дав-

лением антинаполеоновской коалиции. У союзников сложились разные представления о будущем Конфедерации. При этом в протоколах заседания комиссии, «созданной для обсуждения дел швейцарских», зафиксировано, что «одна лишь Россия настаивала на восстановлении представительного правления в Берне» (Андреев, Тозато-Риго 2017а: 768).

Заключение

Исследование эволюции государственного территориального устройства Швейцарии от Старой Швейцарской Конфедерации и Гельветической республики до сформировавшейся после Венского Конгресса и действующей сегодня федерации позволило привести аргументы, обосновывающие значительное влияние России на процесс укрепления ее государственности.

Следование принципу легитимизма, который проанализирован в работе, означало бы для Швейцарии возвращение к прежней Конфедерации, поражение в правах большинства населения, отторжение значительных территорий. Этого удалось избежать благодаря деятельности русской дипломатической миссии на Венском конгрессе, личным усилиям и воле Александра I. Современные границы Швейцарии, федеративное устройство, нейтралитет стали возможны во многом благодаря абсолютному монарху унитарного государства.

Историко-правовой анализ документов, доступ к которым до недавнего времени был осложнен для исследователей, меняет представления о предопределенности утверждения *status quo* для Швейцарии на Венском конгрессе, сложившиеся в историографии. Историографический анализ работ, посвященных легитимизму, позволяет сделать вывод об ошибочности устоявшихся в историографии представлений об авторстве теории легитимизма. Отсутствие указания на отечественные работы, в частности, на трактат Н.М. Карамзина, созданный раньше, чем принцип был озвучен Талейраном на Венском конгрессе в 1814 г., снижает ценность влияния российских ученых на формирование политико-правовых моделей государственности.

Концепция легитимизма проанализирована в контексте его политико-правового влияния на государственное устройство западноевропейских стран от реакции на революционные события во Франции к инструменту внешнеполитического воздействия для раскола союзников, предложенного Талейраном, и до оплота монархических и консервативных воззрений. Пересечения и коэволюция легитимизма и конституционализма, выявленные в ходе исследования, предопределяют необходимость дальнейшего изучения политико-правовых аспектов трансформации легитимизма и правовой природы государственного устройства, контекстно связанной с принципом легитимизма и нашедшей отражение в ряде конституционно-правовых институтов. Актуальность дальнейшего исследования обусловлена и тем фактом, что оба концепта в их правовом содержании возникли примерно на одном и том же историческом отрезке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авакьян С.А. 2016. Государство: взгляд с позиций конституционного права // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 2. С. 52–61.
- Алексеев А.С. 1916. Доктрина монархического принципа во Франции в эпоху реставрации. Москва : Типогр. Г. Лисснера и Д. Собко. 36 с.
- Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. (сост.) 2014. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы. Т. 1. Москва : Полит. энцикл. 920 с.
- Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. (сост.) 2017a. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы. Т. 2. 1802–1815. Москва : Полит. энцикл. 965 с.
- Андреев А.Ю., Тозато-Риго Д. (сост.) 2017b. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп : Письма. Документы. Т. 3. 1815–1832. Москва : Полит. энцикл. 967 с.
- Баглай М.В. и др. (ред.) 2006. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. Москва : Норма. 1043 с.
- Бердяев Н.А. 2002. Смысл истории : Новое Средневековье. Москва : Канон+ : ОИ «Реабилитация». 446 с.
- Бёрк Э. 2001. Правление, политика и общество : сборник / сост. Л. Полякова. Москва : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле. 480 с.
- Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 408 с.
- Виноградова Е.В. и др. 2023. Российская грань шведского конституционализма / Е.В. Виноградова, И.Л. Данилевская, М.В. Раттур // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 18, № 5. С. 11–34. DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-5
- Виноградова Е.В., Раттур М.В. 2024. Правовой дискурс формирования Российской социальной идентичности на рубеже XIX–XX вв. в нарративе солидарности поколений: историографический аспект // Государство и право. № 12. С. 160–171. DOI 10.31857/S1026945224120157
- Генифе П. 2003. «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция // Французский ежегодник. С. 75–119.
- Горбань В.С. 2023. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4(104). С. 91–101. DOI 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101
- Горбань В.С. 2024. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. № 11. С. 7–22. DOI 10.31857/S1026945224110017
- Даневский В.П. 1882. Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: историко-догматическое исследование. Санкт-Петербург : Типогр. Р. Голике. 335 с.
- Данилевская-Урбанова И.Л., Раттур М.В. 2024. Диахронный анализ реализации конституционных проектов в Российской империи (на примере Великого княжества Финляндского и Царства Польского) // Право и государство: теория и практика. № 9(237). С. 404–407. DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_404
- Додолев М.А. 2000. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. Москва : Ин-т всеобщей истории РАН. 253 с.
- Долгих А.Н. 2024. Об использовании термина «легитимизм» применительно к Российской истории первой половины XIX века // Гуманитарные исследования Центральной России. № 2(31). С. 7–12. DOI 10.24412/2541-9056-2024-231-7-12
- Жуков В.И., Раттур М.В. 2024. Историографическая концепция генезиса Российской цивилизации в Отечественной политико-правовой мысли // Государство и право. № 9. С. 63–76. DOI 10.31857/S1026945224090055

Заболотная А.С. 2010. Охранительная идеология в России XIX века в контексте европейской философии культуры и права // Экономические и гуманитарные исследования регионов. № 2. С. 21–38.

Зак Л.А. 1966. Монархи против народов: дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи : дис. ... д-ра ист. наук. Москва. 376 с.

Закастов А.Н. 2008. Традиции российской государственности: легитимизм и народность // Трибуна русской мысли. № 8. С. 94–110.

Карамзин Н.М. 2004. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. История государства Российского. Москва : Эксмо. С. 991–1015.

Карсанова Е.С. 2021. Консенсусная демократия в Швейцарии. Москва : Ruscience. 154 с.

Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. 2-е изд. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс. 542 с.

Кислягина Л.Г. 1976. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 198 с.

Котляревский С.А. 1904. Ламеннэ и новейший католицизм. Москва : Т-во А.А. Левенсон. 628 с.

Лотман Ю.М. 1957. Эволюция мировоззрения Н.М. Карамзина // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 51: Труды историко-филологического факультета. С. 122–166.

Медушевский А.Н. 2002. Сравнительное конституционное право и политические институты. Москва : ГУ ВШЭ. 510 с.

Мильчина В. (ред.) 2015. Сцены частной и общественной жизни животных : этюды современных нравов / пер. с франц., вступ. ст. и примеч. В. Мильчиной. Москва : Новое лит. обозрение. 656 с.

Мирзоев Е.Б. 2008. Легитимистская доктрина Жозефа де Местра и консерватизм в России (начало XIX века) // Новая и новейшая история. № 6. С. 109–119.

Мусихин Г.И. 2002. Россия в немецком зеркале: сравнительный анализ германского и российского консерватизма). Санкт-Петербург : Алетейя. 255 с.

Нарочницкий А.Л. 1946. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. Москва : Типогр. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). 76 с.

Осокин Н.А. 1892. Политические движения в Западной Европе в первой половине нашего века. 2-е изд. Казань : Типогр. т-ва Печенкина. 217 с.

Потёмкин В.П. (ред.) 1941. История дипломатии. Т. 1 / под ред. В.П. Потёмкина. Москва : Соцэргиз. 567 с.

Правкин С.А. и др. 2020. Значение принципа законности в системе легитимизма Н.М. Карамзина / С.А. Правкин, В.В. Смирнова, Р.В. Шагиева, М.А. Хватова // Былые годы. № 55(1). С. 67–76. DOI 10.13187/bg.2020.1.67

Раттур М.В. 2023. Об историзации политико-юридической дискуссии о правовом статусе Великого княжества Финляндского в Российской империи // Право и государство: теория и практика. № 11(227). С. 74–77. DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_74

Раттур М.В. 2024. Экспликация понятия «идентичность» в отечественном политико-правовом пространстве: историографический анализ // Государство и право. № 11. С. 44–57. DOI 10.31857/S1026945224110043

Руденко В.Н. 2003. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург : Урал. отд-ние РАН. 476 с.

Савенков А.Н. 2023. Значение идей Н.Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. № 10. С. 7–16. DOI 10.31857/S102694520028158-4

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации. Москва : Наука. 739 с.

Таньшина Н.П. 2020. Французский легитимизм первой половины XIX в.: «бедные родственники» историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11, № 3(89). С. 19–25. DOI 10.18254/S207987840009704-3

Тишков В.А. 2021. Избранные труды. В 5 т. Т. 4. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва : Наука. 631 с.

Фишман Л.Г. 2024. Российский цивилизационизм и поиски российской идентичности // Государство и право. № 12. С. 46–56. DOI 10.31857/S1026945224120045

Хофер Э. 2006. Федерализм и нейтралитет Швейцарии – вчера и сегодня // Современная Европа. № 2(26). С. 54–61.

Чичерин Б.Н. 1902. История политических учений. Ч. 5. XIX век. Москва : Типогр. Грачева. 448 с.

Чудинов А.В. 1992. Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. Москва : Наука. 368 с.

Швейцер В.Я. (ред.) 2009. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В.Я. Швейцера. Москва : Весь Мир. 542 с.

Шебунин А.Н. 1925. Европейская контр-революция в первой половине XIX века. Ленинград : «Сеятель» Е.В. Высоцкого. 232 с.

Шмитт К. 2000. Политическая теология. Москва : Канон-пресс. 366 с.

Шмурло Е.Ф. 2009. Мир русской истории. IX–XX вв. Москва : Вече. 352 с.

Штиглиц А.Н. 1890. Исследование о началах: политического равновесия, легитимизма и национальности. В 4 т. Т. 4. Начало легитимизма. Санкт-Петербург : Типогр. братьев Пантелеевых. 229 с.

Яблоков С.А. 2008. Россия будущего в представлениях Ф.И. Тютчева и Б.Н. Чичерина. Москва : Изд-во Нац. Ин-та бизнеса. 239 с.

Bourke R. 2015. *Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke*. Princeton : Princeton Univ. Press. 1032 p.

Burke E. 1992. *Reflections on the Revolution in France*. London : Overseas Publications Interchange Ltd. 413 p.

Clark J.C.D. 2000. *English Society, 1660–1832: religion, ideology, and politics during the ancien regime*. Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press. 580 p.

Elazar D. 1987. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa, AL : Univ. of Alabama Press. 335 p.

Heywood A. 2007. *Political Ideologies: An Introduction*. 3rd ed. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 366 p.

References

Alekseev A.S. *Doktrina monarkhicheskogo printsipa vo Frantsii v epokhu restavratsii* [The Doctrine of the Monarchical Principle in France during the Restoration Era], Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1916, 36 p. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tozato-Rigo D. (comp.) *Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp : Pis'ma. Dokumenty. T. 1* [Emperor Alexander I and Frederic-Cesar La Harpe: Letters. Documents. Vol. 1], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 920 p. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tozato-Rigo D. (comp.) *Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp : Pis'ma. Dokumenty. T. 2. 1802–1815* [Emperor Alexander I and Frederic-Cesar La Harpe: Letters. Documents. Vol. 2. 1802–1815], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 965 p. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tozato-Rigo D. (comp.) *Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp : Pis'ma. Dokumenty. T. 3. 1815–1832* [Emperor Alexander I and Frederic-Cesar La Harpe: Letters. Documents. Vol. 3. 1815–1832], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 967 p. (in Russ.).

Avakyan S.A. State: Constitutional Law Point of View, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, no. 2, pp. 52–61. (in Russ.).

Baglay M.V., Leybo Yu.I., Entin L.M. (eds.) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional Law of Foreign Countries], Moscow, Norma, 2006, 1043 p. (in Russ.).

Berdyaev N.A. *Smysl istorii : Novoe Srednevekov'e* [The Meaning of History: The New Middle Ages], Moscow, Kanon+, OI «Reabilitatsiya», 2002, 446 p. (in Russ.).

Bourke R. *Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2015, 1032 p.

Brubaker R. *Ethnicity without groups*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012, 408 p. (in Russ.).

Burke E. *Pravlenie, politika i obshchestvo : sbornik* [Board, Politics and Society : a collection], Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 480 p. (in Russ.).

Burke E. *Reflections on the Revolution in France*, London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1992, 413 p.

Chicherin B.N. *Istoriya politicheskikh ucheniy. Ch. 5. XIX vek* [History of political doctrines. Pt. 5. XIX century], Moscow, Tipografiya Gracheva, 1902, 448 p. (in Russ.).

Chudinov A.V. *Egalitaristskie pamflety v Anglii serediny XVIII v.* [Egalitarian pamphlets in England in the mid-18th century], Moscow, Nauka, 1992, 368 p. (in Russ.).

Clark J.C.D. *English Society, 1660–1832: religion, ideology, and politics during the ancien regime*, Cambridge, New York, Cambridge Univ. Press, 2000, 580 p.

Danevsky V.P. *Sistemy politicheskogo ravnovesiya i legitimizma i nachalo natsional'nosti v ikh vzaimnoy svyazi: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Systems of Political Equilibrium and Legitimism and the Beginning of Nationality in their Mutual Connection: Historical and Dogmatic Research], St. Petersburg, Tipografiya R. Golike, 1882, 335 p. (in Russ.).

Danilevskaya-Urbanova I.L., Rattur M.V. Diachronic Analysis of the Implementation of Constitutional Projects in the Russian Empire (Using the Example of the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland), *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 9(237), pp. 404–407. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_404 (in Russ.).

Dodolev M.A. *Venskiy kongress v istoriografii XIX i XX vekov* [The Congress of Vienna in the Historiography of the 19th and 20th centuries], Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2000, 253 p. (in Russ.).

Dolgikh A.N. On the Use of the Term “Legitimism” Applied to the Russian History of the First Half of the 19th century, *Humanities Researches of the Central Russia*, 2024, no. 2(31), pp. 7–12. <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2024-231-7-12> (in Russ.).

Elazar D. *Exploring Federalism*, Tuscaloosa, AL, Univ. of Alabama Press, 1987, 335 p.

Fishman L.G. Russian Civilizationism and the Elusive Russian Identity, *State and Law*, 2024, no. 12, pp. 46–56. <https://doi.org/10.31857/S1026945224120045> (in Russ.).

Gorban V.S. Historiographical Models of Reconstruction of Political and Legal Doctrines, *State and Law*, 2024, no. 11, pp. 7–22. <https://doi.org/10.31857/S1026945224110017> (in Russ.).

Gorban V.S. New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 4(104), pp. 91–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101> (in Russ.).

Gueniffey P. «Rassuzhdeniya o Frantsii» Zh. de Mestra i Frantsuzskaya revolyutsiya [“Reflections on France” by J. de Maistre and the French Revolution], *Annual of French Studies*, 2003, pp. 75–119. (in Russ.).

Heywood A. *Political Ideologies: An Introduction*, 3rd ed., Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007, 366 p.

Hoffer E. *Federalizm i neytralitet Shveysarii – vchera i segodnya* [Federalism and Neutrality in Switzerland – Yesterday and Today], *Contemporary Europe*, 2006, no. 2(26), pp. 54–61. (in Russ.).

Karamzin N.M. *O drevney i novoy Rossii vee politicheskoy i grazhdanskoy otnosheniyakh* [On Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations], N.M. Karamzin, *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*, Moscow, Eksmo, 2004, pp. 991–1015. (in Russ.).

Karsanova E.S. *Konsensusnaya demokratiya v Shveysarii* [Consensus Democracy in Switzerland], Moscow, Ruscience, 2021, 154 p. (in Russ.).

Kelsen H. *Pure Theory of Law*, 2nd ed., St. Petersburg, Alef-Press, 2015, 542 p. (in Russ.).

Kislyagina L.G. *Formirovanie obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov N.M. Karamzina* [Formation of socio-political views of N.M. Karamzin], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976, 198 p. (in Russ.).

Kotlyarevsky S.A. *Lamenne i noveyshiyy katolitsizm* [Lamennais and the Newest Catholicism], Moscow, Tovarishchestvo A.A. Levenson, 1904, 628 p. (in Russ.).

Lotman Yu.M. *Evolutsiya mirovozzreniya N.M. Karamzina* [Evolution of N.M. Karamzin's Worldview], *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta, iss. 51: Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta*, 1957, pp. 122–166. (in Russ.).

Medushevsky A.N. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye pravo i politicheskiye instituty* [Comparative constitutional law and political institutions], Moscow, Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki, 2002, 510 p. (in Russ.).

Milchina V. (ed.) *Stseny chastnoy i obshchestvennoy zhizni zhivotnykh : etyudy sovremennykh nrayov* [Scenes from the Private and Public Life of Animals], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 656 p. (in Russ.).

Mirzoev E.B. The Legitimist Doctrine of Joseph de Maistre and the Conservatism in Russia (The Beginning of the XIXth century), *Modern and Contemporary History*, 2008, no. 6, pp. 109–119. (in Russ.).

Musikhin G.I. *Rossiya v nemetskom zerkale: sravnitel'nyy analiz germanskogo i rossiyskogo konservatizma* [Russia in the German Mirror: A Comparative Analysis of German and Russian Conservatism], St. Petersburg, Aleteyya, 2002, 255 p. (in Russ.).

Narochnitsky A.L. *Mezhdunarodnye otnosheniya evropeyskikh gosudarstv s 1794 do 1830g.* [International relations of European states from 1794 to 1830], Moscow, Tipografiya Vysshey partiynoy shkoly pri TsK VKP(b), 1946, 76 p. (in Russ.).

Osokin N.A. *Politicheskiye dvizheniya v Zapadnoy Evrope v pervoy polovine nashogo veka* [Political movements in Western Europe in the first half of our century], 2nd ed., Kazan, Tipografiya tovarishchestva Pechenkina, 1892, 217 p. (in Russ.).

Potemkin V.P. (ed.) *Istoriya diplomatii. T. 1* [History of diplomacy, Vol. 1], Moscow, Sotsekgiz, 1941, 567 p. (in Russ.).

Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A. The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin, *Bylye Gody*, 2020, no. 55(1), pp. 67–76. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.1.67> (in Russ.).

Rattur M.V. Explication of the Concept of “Identity” in the Domestic Political and Legal Space: Historiographical Analysis, *State and Law*, 2024, no. 11, pp. 44–57. <https://doi.org/10.31857/S1026945224110043> (in Russ.).

Rattur M.V. On the Historicization of the Political and Legal Debate on Legal Status the Grand Duchy of Finland in the Russian Empire, *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 11(227), pp. 74–77. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_11_74 (in Russ.).

Rudenko V.N. *Pryamaya demokratiya: modeli praveniya, konstitutsionno-pravovye instituty* [Direct democracy: models of government, constitutional and legal institutions], Ekaterinburg, Ural'skoe otделение RAN, 2003, 476 p. (in Russ.).

Savenkov A.N. *Filosofiya prava i stanovlenie rossiyskogo gosudarstva-tsvilizatsii* [Philosophy of Law and the Formation of the Russian State-Civilization], Moscow, Nauka, 2024, 739 p. (in Russ.).

Savenkov A.N. The Significance of N. Ya. Danilevsky's Ideas for the Formation of Modern Philosophy of Law, *State and Law*, 2023, no. 10, pp. 7–16. <https://doi.org/10.31857/S102694520028158-4> (in Russ.).

Schmitt K. *Political Theology*, Moscow, Kanon-press, 2000, 366 p. (in Russ.).

Schweitzer V.Ya. (ed.) *Gosudarstva Al'piyskogo regiona i strany Benilyuks v menyayushcheyseya Evrope* [States of the Alpine Region and the Benelux Countries in a Changing Europe], Moscow, Ves' Mir, 2009, 542 p. (in Russ.).

Shebunin A.N. *Evropeyskaya kontr-revolutsiya v pervoy polovine XIX veka* [European Counter-revolution in the First Half of the 19th century], Leningrad, «Seyatel'» E.V. Vysotskogo, 1925, 232 p. (in Russ.).

Shmurlo E.F. *Mir russkoy istorii. IX–XX vv.* [The world of Russian history. IX–XX centuries], Moscow, Veche, 2009, 352 p. (in Russ.).

Stiglitz A.N. *Issledovanie o nachalakh: politicheskogo ravnovesiya, legitimizma i natsional'nosti. V 4 t. T. 4. Nachalo legitimizma* [Research on the principles of political equilibrium, legitimism and nationality, in 4 vols. Vol. 4. The Beginning of Legitimism], St. Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1890, 229 p. (in Russ.).

Tanjshina N. French Legitimism of the 19th century's first half: "Poor Relatives" of Historiography, *Istoriya*, 2020, vol. 11, no. 3(89), pp. 19–25. <https://doi.org/10.18254/S207987840009704-3> (in Russ.).

Tishkov V.A. *Izbrannye trudy. V 5 t. T. 4. Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Selected works, in 5 vols. Vol. 4. Russian people: history and meaning of national self-awareness], Moscow, Nauka, 2021, 631 p. (in Russ.).

Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Rattur M.V. The Russian Facet of Swedish Constitutionalism, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2023, vol. 18, no. 5, pp. 11–34. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-5> (in Russ.).

Vinogradova V., Rattur M.V. Legal Discourse of Russian Social Identity Formation at the Turn of the XIX–XX Centuries in the Narrative of Solidarity of Generations: Historiographical Aspect, *State and Law*, 2024, no. 12, pp. 160–171. <https://doi.org/10.31857/S1026945224120157> (in Russ.).

Yablokov S.A. *Rossiya budushchego v predstavleniyakh F.I. Tyutcheva i B.N. Chicherina* [Russia of the Future in the Visions of F.I. Tyutchev and B.N. Chicherin], Moscow, Izdatel'stvo Natsional'nogo Instituta biznesa, 2008, 239 p. (in Russ.).

Zabolotnaya A.S. *Okhranitel'naya ideologiya v Rossii XIX veka v kontekste evropeyskoy filosofii kul'tury i prava* [Protective Ideology in Russia in the 19th century in the Context of European Philosophy of Culture and Law], *Economical and Humanitarical Researches of the Regions*, 2010, no. 2, pp. 21–38. (in Russ.).

Zak L.A. *Monarkhi protiv narodov: diplomaticheskaya bor'ba na razvalinakh napoleonovskoy imperii : dis. ... d-ra ist. nauk* [Monarchs Against Peoples: Diplomatic Struggle on the Ruins of the Napoleonic Empire: Dissertation], Moscow, 1966, 376 p. (in Russ.).

Zakatov A.N. Traditsii rossiyskoy gosudarstvennosti: legitimizm i narodnost' [Traditions of Russian Statehood: Legitimism and Nationality], *Tribuna russkoy mysli*, 2008, no. 8, pp. 94–110. (in Russ.).

Zhukov V.I., Rattur M.V. Historiographic Concept of the Genesis of Russian Civilization in Domestic Political and Legal Thought, *State and Law*, 2024, no. 9, pp. 63–76. <https://doi.org/10.31857/S1026945224090055> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Валерьевна Виноградова

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН,
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-3568-9042;
ResearcherID: M-4613-2015;
SPIN-код: 8022-0021;
E-mail: evsfrf@gmail.com

Мария Владимировна Раттур

кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник
Института государства и права РАН,
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-4879-5151;
SPIN-код: 5487-0117;
E-mail: rattur@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Vinogradova

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-3568-9042;
ResearcherID: M-4613-2015;
SPIN-code: 8022-0021;
E-mail: evsfrf@gmail.com

Maria V. Rattur

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Researcher,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-4879-5151;
SPIN-code: 5487-0117;
E-mail: rattur@yandex.ru

Филиппова Н.А., Колос Я.Ю. Общественные объединения, созданные с участием государства: особенности институционализации в Российской Федерации // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 209-235. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_209

УДК 342.728:342.59

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_209

Общественные объединения, созданные с участием государства: особенности институционализации в Российской Федерации

Наталья Алексеевна Филиппова

Сургутский государственный университет

г. Сургут, Россия

E-mail: filippova_na@surgu.ru

Яна Юрьевна Колос

Региональная общественная организация

поддержки общественных инициатив в Ханты-Мансийском

автономном округе – Югре «В ресурсе»

г. Сургут, Россия

E-mail: uuu110@mail.ru

*Поступила в редакцию 09.09.2024, поступила после рецензирования 25.04.2025,
принята к публикации 14.05.2025*

В статье исследованы правовые аспекты институционализации общественных объединений, созданных с участием российского государства, их устойчивые юридические признаки и роль во взаимоотношениях государства и «третьего сектора». Проанализированы исторические предпосылки формирования российского законодательства в этой сфере, его национальные особенности и новейшие изменения, обобщена практика создания и учета таких объединений в Реестре общественных объединений Министерства юстиции Российской Федерации. Систематизированы формы участия государства в создании таких объединений и обеспечении их деятельности: инициатива создания, участие в учреждении, представительство в руководящих органах и реализация мер поддержки. На основании сравнения законодательства и правоприменительной практики в государствах – республиках бывшего СССР определены три подхода к перспективам институционализации такого рода объединений: отказ от участия государства в создании общественных объединений (Республика Казахстан), их интеграция в систему государственной власти как вида некоммерческих организаций (Республика Беларусь) и участие государства в создании

© Филиппова Н.А., Колос Я.Ю., 2025

и определении целевых характеристик деятельности при сохранении статуса общественных объединений (Российская Федерация). Особое место в статье занимает анализ дискуссий об общественных объединениях, созданных с участием государства, в российской юридической науке. Авторы согласны с тем, что необходим федеральный закон, системно регулирующий особенности правового положения такого рода объединений, и предлагают считать функцию мобилизации государством гражданского общества специальной функцией таких объединений. Концепция будущего федерального закона может быть определена с учетом этой функции. В свою очередь, принятие федерального закона о таких объединениях позволит преодолеть противоречивую практику их отражения в Реестре общественных объединений.

Ключевые слова: система публичной власти; общественные объединения; некоммерческие организации; общественные объединения; созданные с участием государства; общественно-государственные объединения; государственно-общественные объединения

Public Associations with State Participation: Institutionalization Features in the Russian Federation

Natalia A. Filippova

Surgut State University

Surgut, Russia

E-mail: filippova_na@surgu.ru

Yana Yu. Kolos

Regional Public Organization for the Support of Public Initiatives in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra “In resource”

Surgut, Russia

E-mail: uuu110@mail.ru

Received 09.09.2024, revised 25.04.2025, accepted 14.05.2025

Abstract. The article examines the legal aspects of institutionalizing public associations established with the participation of the Russian state, analyzing their legal nature, and role in the relationship between the state and the “third sector”. It examines the historical development of Russian legislation in this field, its unique national characteristics, and recent regulatory changes. The study summarizes the practical aspects of registering such associations in the Ministry of Justice’s Public Associations Registry, including state involvement in their formation and activities, such as initiation, establishment, governance representation, and support measures. A comparative analysis of legislation and enforcement practices across post-Soviet republics identifies three approaches to institutionalizing state-involved associations: 1) prohibiting state participation in their creation (The Republic of Kazakhstan); 2) integrating them into state-structures as form of non-profit organization (The Republic of Belarus); 3) maintaining their public association status while allowing state participation in their formation and goal-setting (The Russian Federation). The article also examines debates in Russian legal scholarship regarding the legal nature of state-affiliated public associations. The authors argue for the necessity of a federal law systematically regulating their unique legal status. They propose that

such associations' mobilizing function – distinguishing them from both traditional public associations and socially oriented non-profits – should be central to future legislation. Adopting such a law could resolve inconsistencies in their registration and classification within the Registry of Public Associations.

Keywords: public authority system; public associations; non-profit organizations; public associations with state involvement; public-state associations; state-public associations

For citation: Filippova N.A., Kolos Ya.Yu. Public Associations with State Participation: Institutionalization Features in the Russian Federation, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 209-235. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_209

Введение

Общественные объединения, созданные с участием российского государства, достаточно долго находились на периферии национальных политических и правовых процессов. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, количество таких объединений относительно невелико¹. Регулирование порядка их создания ограничено лаконичной по содержанию статьей в заключительных положениях Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – Федеральный закон № 82-ФЗ)². Во-вторых, многие из них являются правопреемниками объединений, существовавших в СССР³, РСФСР⁴ или в Российской империи⁵. После вступления в силу действующей Конституции России процесс создания таких объединений не прекратился⁶. Но поначалу он не оказывал заметного влияния на взаимодействие государства и гражданского общества.

¹ На начало 2025 г. Минюстом России зарегистрировано 14 общероссийских общественных объединений, созданных с участием государства.

² Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4956.

³ Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России (ранее – ДОСААФ СССР, 1951); Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо» (Московское пролетарское общество «Динамо», 1923); Общественно-государственное физкультурно-спортивное объединение «Юность России» (ВФСО «Трудовые резервы», 1943); Союз женщин России (Комитет советских женщин, 1941); Российский фонд культуры (Советский фонд культуры, 1986); Фонд защиты детей (Советский детский фонд им. В.И. Ленина, 1987); Российское общество «Знание» (Всесоюзное общество «Знание», 1947); прекративший свою деятельность Российский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (Советский национальный комитет по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, 1988).

⁴ Комитет ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации (РСФСР), 1991.

⁵ Российское военно-историческое общество (ранее – Императорское Русское военно-историческое общество, 1907).

⁶ К 2024 г. возникло пять общероссийских объединений, созданных с участием государства: Федеральный общественно-государственный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров, 1995; Ассоциация документальной электросвязи, 2000;

Следствием конституционной реформы 2020 г. в России стало существенное обновление ее правового и политического ландшафта. Изменения затронули характер и порядок взаимоотношений государства и гражданского общества. Так, Ассамблея народов России⁷ 13 ноября 2020 г. из общероссийской общественной организации была преобразована в общероссийскую общественно-государственную организацию⁸. Она стала второй организацией, преобразованной из всероссийского общественного объединения⁹, и первой общественно-государственной организацией (далее также – ОГО), нацеленной исключительно на гармонизацию межэтнических отношений в России. В 2021 г. был создан Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности¹⁰, а в 2022 г. учреждено Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых» (далее также – Движение)¹¹. Таким образом, наряду с прежними («унаследованными») нетипичными общественными объединениями стали возникать и новые, инициатором или участником создания которых выступило современное российское государство.

Между тем практика учета таких объединений Минюстом России остается противоречивой. Все они отнесены к Реестру общественных объединений (далее также – Реестр), но разделены на две группы: общественно-государственные объединения и государственно-

Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности, 2021; общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых», 2022; Ассамблея народов России, 2022. Также существует региональное государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов (пенсионеров) войн и Вооруженных Сил», 2009.

⁷ Учреждена 8 июля 1998 г. в целях реализации первой российской Концепции национальной политики. См.: Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3010.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 13.11.2020 № 701 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации “Ассамблея народов России”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130009> (дата обращения: 29.01.2025).

⁹ Первым эту трансформацию в 2000 г. прошло общественное объединение «Ассоциация документальной электросвязи», образованное в 1994 г., см.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.01.2000 № 77-р. «О создании общественно-государственного объединения “Ассоциация документальной электросвязи”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 5. Ст. 554.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2021 № 378 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации “Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280002> (дата обращения: 05.09.2024).

¹¹ Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5228; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4956.

общественные объединения (далее также – ГОО)¹², что в целом соответствует положениям российского законодательства¹³.

Однако в отсутствие установленных в законе критериев разграничения этих групп региональные отделения одних и тех же общероссийских общественных объединений могут оказаться как в первой, так и во второй группе. Например, по состоянию на 1 сентября 2024 г. 21 региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России» было зарегистрировано и отражено в Реестре как общественно-государственное, а 13 – как государственно-общественные. На 1 ноября 2024 г. 28 региональных отделений Общероссийского общественно-государственного движения «Движение первых» были включены в Реестр как государственно-общественные объединения, а 34 региональных отделения того же объединения – как общественно-государственные объединения. Более того, в качестве государственно-общественных в Реестре отражены и некоторые «обычные» общественные объединения¹⁴.

Новый этап в процессе институционализации общественных объединений, созданных с участием государства (далее также – ОО УГ), в России актуализировал многолетнюю дискуссию о правовой природе и принципиальной допустимости таких объединений. Доктринальные споры и вызовы правоприменительной практики имеют общее основание: принципиально не решен вопрос о правовой природе объединений граждан, созданных с участием государства. Общей для российских исследователей остается идея необходимости специального регулирования (федеральным законом) публично-правового статуса ОО УГ. Однако разработка концепции такого законопроекта требует обновления конституционной доктрины. Цель настоящей статьи – установление перечня устойчивых юридических признаков общественных объединений, созданных с участием российского государства, как одной из предпосылок совершенствования российского законодательства о таких объединениях.

Основным предметом предпринятого нами исследования стали правоотношения, в которых одной из сторон выступает современное российское государство, а другой – объединения граждан, созданные при участии государства и вовлеченные им в решение общих для государства и общества задач. Однако в рамках достижения цели было необходимо сопоставление различных вариантов развития отношений государства и общественных

¹² 1044 общественно-государственных и 225 государственно-общественных объединений на 01.01.2025.

¹³ С той лишь оговоркой, что в Федеральном законе № 82-ФЗ сказано о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях, а их общее наименование («общественные объединения, созданные с участием государства») отражено только в названии ст. 51 Федерального закона № 82-ФЗ, но отсутствует в ее содержании.

¹⁴ Это, например, местные отделения Всероссийского общества инвалидов. По состоянию на 01.11.2024 6 таких отделений были включены в Реестр общественных организаций Министерства юстиции Российской Федерации как государственно-общественные.

объединений в государствах, связанных общими традициями прежнего (социалистического) государства и права. В этой связи дополнительным предметом исследования стали национальные вариации подходов к вопросу об институционализации объединений граждан, в создании и деятельности которых участвует государство, относящихся к общему историческому наследию государств – республик бывшего СССР. Альтернативные решения этой задачи были реализованы в новейшем законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Помимо законодательства и правоприменительной практики, материалом для проведенного исследования послужили концептуальные основы национальных законов, а именно доминирующий в национальной конституционной доктрине подход к вопросу о соотношении публичной и общественной власти. Была выдвинута гипотеза о том, что правовая природа исследуемых объединений может быть понята только в контексте интегрирующей функции публичной власти, отраженной в национальной конституции в качестве принципа единства публичной (государственной) власти. В ходе исследования использовались метод анализа документов, сравнительно-правовой метод, исторический метод, метод системного анализа и метод типологизации.

Научная новизна исследования заключается в выявлении доминирующей в России практики создания рассматриваемых общественных объединений; обосновании (с учетом обновленных положений Конституции России) публично-правовой функции, которая отличает ОО УГ от иных общественных объединений и некоммерческих организаций, деятельность которых ориентирована на решение социально значимых задач; в систематизации иных существенных признаков ОО УГ; обобщении форм участия российского государства в их создании и обеспечении деятельности; в системной характеристике российской национальной модели институционализации ОО УГ; в установлении причин вариативности национальных подходов к институционализации участия современного государства в делах гражданского общества в государствах – республиках бывшего СССР.

Дискуссии об общественных объединениях, созданных с участием государства, в российской юридической науке

Обобщая позиции, высказанные в ходе дискуссии о юридических свойствах общественных объединений, созданных с участием государства, предмет спора в российском экспертном сообществе можно свести к четырем основным вопросам. Первый: данные объединения являются рудиментом прежнего государственного строя или новым механизмом взаимодействия общества и государства? По мнению Н.А. Любутова, они являются «пережитком советской системы», что не соответствует духу Конституции Российской Федерации (Любутов 2010: 28). Преобладает, однако, подход, согласно которому ОГО – это особая форма взаимодействия граждан и современного государства, «самостоятельный вид организаций,

действующих в посреднической государственно-общественной сфере жизнедеятельности» (Пиманова 2007: 9). Более того, предлагается увеличивать количество таких объединений граждан, например за счет казачества (Ершов 2020: 178).

Второй дискуссионный вопрос: можно ли квалифицировать ОО УГ именно как общественные объединения? Он обусловлен тем, что содержание основного конституционного права, которое реализуется посредством создания и деятельности таких объединений, интерпретируется различным образом. Н.А. Любутов и М.А. Пиманова считают, что это не право на объединение (ст. 30 Конституции РФ), а право участия граждан в управлении делами государства (ст. 32). Г.Н. Митин, напротив, настаивает на легитимации ОО УГ «в качестве самостоятельной организационно-правовой формы общественного объединения» (в дополнение к тем, которые названы в Федеральном законе № 82-ФЗ) (Митин 2014: 20), то есть он видит конституционные основания для существования таких объединений именно в ст. 30 Конституции России. Этот автор обосновывает свою позицию сложившейся практикой внесения ОО УГ в Реестр некоммерческих организаций Минюста России. О.А. Кожевников высказывает резонные сомнения в том, что «государственно-общественные и общественно-государственные объединения соответствуют нормативно установленной дефиниции “общественное объединение” со всей присущей ему совокупностью признаков» (Кожевников 2024: 23). Вместе с тем большинство правоведов продолжают относить ОО УГ к общественным объединениям, чему способствует позитивное закрепление дефиниции таких объединений именно как общественных и подтверждающее эту дефиницию решение Верховного суда Российской Федерации¹⁵.

Третью линию размежевания среди ученых-юристов проводит ответ на вопрос о соотношении ОГО и общественных советов (общественных палат, специализированных общественных советов и общественных комиссий при органах государственной власти и местного самоуправления). На их принципиальном различии настаивает Г.Н. Митин (Митин 2014: 19), в то время как С.А. Васильев (Васильев 2017: 156) и М.А. Пиманова (Пиманова 2007: 9) отмечают их сходство. Это направление в дискуссиях ученых-правоведов не получило дальнейшего развития, поскольку юридические критерии разграничения органов (в том числе государственно-общественных органов, каковыми и являются общественные советы) и объединений (некоммерческих организаций и общественных объединений) очевидны.

Методологически допустимым в рамках юридической науки было бы только сравнение их функций в той мере, в какой и общественные советы, и ОГО могут рассматриваться как институты взаимодействия гражданского

¹⁵ Решение Верховного Суда РФ от 19 мая 2010 г. № ГКПИ10-278 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующим Постановления Правительства РФ от 28 ноября 2009 г. № 973 “Об Общероссийской общественно-государственной организации “Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России”» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 5.

общества и государства. В частности, В.Н. Руденко отметил, что консультативные общественные советы «выполняют определенного рода мобилизационную функцию – обеспечивают участие различных социальных групп в реализации официально проводимой политики» (Руденко 2007: 119). Но даже в этом случае релевантному сравнению препятствует легализованная в России модель общественных советов как органов общественного контроля, а не общественной экспертизы или консультации (Дьякова, Трахтенберг 2019: 184). Этим же обстоятельством, на наш взгляд, объясняется и изменение терминологии в юридической науке: на смену термину «консультативные общественные советы» (Руденко 2007: 117) приходит термин «общественные советы». Вследствие этого наиболее полный перечень функций общественных советов приводится в методологических рамках политической, а не юридической науки¹⁶. Тем не менее вопрос о наличии у ОГО функций, сопоставимых с функциями общественных советов, остается открытым. Кроме того, стимулом к новым обсуждениям могут стать выводы смежных социальных наук, в частности о модернизации институционального дизайна общественного участия в информационных обществах (Скобелина 2023: 147) и социальном статусе участников общественных советов в России (Дьякова 2017: 77).

Наконец, исследователи различным образом отвечают и на вопрос о разграничении компетенции в сфере участия государства в создании общественных объединений между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов России. Для одних это вопрос исключительного федерального ведения, поскольку ст. 51 Федерального закона № 82-ФЗ¹⁷ предполагает принятие «федеральных законов о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях», для других – предмет совместного ведения, а это означает наличие соответствующих полномочий у органов государственной власти субъектов Российской Федерации в отсутствие федерального закона (Поспехов 2015: 142). Де-факто в ряду созданных ОГО преобладают общероссийские (национальные) объединения. Решения органов государственной власти субъектов России в этом случае направлены на обеспечение государственной поддержки региональным отделениям общероссийских ОГО. Единственным примером региональной организации такого рода является ГОО «Московский Дом ветеранов (пенсионеров) войн и Вооруженных Сил», образованное в 2009 г.¹⁸

¹⁶ Например, Ю.Г. Белоногов выделяет такие функции консультативно-общественных советов, как получение необходимой для принятия управленческого решения информации, легитимация, лоббирование интересов заинтересованных групп, «делиберативная» функция (Белоногов 2016: 20).

¹⁷ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4956.

¹⁸ Постановление Правительства Москвы от 06.10.2009 № 1070-ПП «О Государственно-общественном объединении “Московский Дом ветеранов (пенсионеров) войн и Вооруженных Сил”» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2009. № 58.

Обобщая сказанное, можно отметить сближение исследовательских позиций по ряду вопросов: общественные объединения, созданные с участием государства, более не рассматриваются как изживаемый правовой институт; их преобладающей формой признаны общероссийские объединения; публичное право участия в их создании рассматривается как элемент компетенции федеральных органов государственной власти; все более очевидны различия между такими объединениями и иными формами взаимодействия государства и гражданского общества, легализованными в России. Общей тенденцией юридического дискурса также стало смещение фокуса внимания от обсуждения юридических признаков ОО УГ как нетипичных общественных объединений к вопросу о том, следует ли такие объединения в принципе относить к общественным. Как замечает О.А. Кожевников, сохранение практики особого правового регулирования этих объединений «приведет к окончательному подрыву ясности, точности и непротиворечивости базовых положений Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ “Об общественных объединениях” по отношению к вышеуказанным видам объединений, что окончательно заведет “в тупик” доктринальное и правоприменительное понимание категории “общественное объединение” и реализацию права граждан на объединение путем создания на добровольной основе общественных объединений» (Кожевников 2024: 25). Можно предположить, что очередной раунд дискуссий потребует новых теоретических аргументов. Одним из них может стать систематизация устойчивых юридических признаков ОО УГ, сложившихся (в отсутствие специального федерального закона) в российской правоприменительной практике.

**Участие российского государства в создании
общественных объединений: технико-юридические аспекты
и типичная правоприменительная практика**

Противоречивая практика учета общественных объединений, созданных с участием государства, в Реестре общественных объединений Минюста России обусловлена технико-юридическими особенностями ст. 51 Федерального закона № 82-ФЗ.

Прежде всего напомним, что эта статья размещена в заключительных положениях данного закона (гл. VII). Это подтверждает оценку анализируемых положений в качестве переходных (с точки зрения авторов закона). Например, Н.А. Любутов объясняет появление ст. 51 тем, что существовавшие к моменту принятия закона государственно-общественные объединения «по своим признакам не соответствовали ни одной из существующих в законодательстве правовых конструкций, а ликвидировать подобные объединения в один момент было невозможно» (Любутов 2010: 28). Этим же обстоятельством объясняется временно устанавливаемый специальный правовой порядок регламентации их деятельности адресными нормативными правовыми актами органов государственной власти, на смену которым в перспективе должен прийти общий порядок, определенный федеральным законодательством.

Однако Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 262-ФЗ¹⁹ в ст. 51 Федерального закона № 82-ФЗ были внесены изменения, согласно которым «особенности правового положения российского движения детей и молодежи определяются в соответствии с Федеральным законом “О российском движении детей и молодежи”»²⁰. Иными словами, вид легализующего правового акта был определен только для этого ОО УГ. Поэтому на практике регламентирующим правовым актом для таких общественных объединений может быть как федеральный закон (Движение первых), так и подзаконный нормативный правовой акт: указ президента Российской Федерации (Российское военно-историческое общество, Российский фонд культуры и др.), постановление Правительства Российской Федерации (ДОСААФ России) или его распоряжение (Ассоциация документальной электросвязи и др.) и даже постановление правительства субъекта Российской Федерации (Московский Дом ветеранов (пенсионеров) войн и Вооруженных Сил). Однако преобладает практика учреждающих указов президента Российской Федерации. Из 14 ныне существующих общероссийских общественных объединений, созданных с участием государства, 9 созданы и осуществляют свою деятельность в соответствии с такими указами.

Наиболее важной особенностью содержания ст. 51 Федерального закона № 82-ФЗ является легализация в ней двух групп общественных объединений, созданных с участием государства: государственно-общественных и общественно-государственных. Это также имеет историческое основание: государственно-общественным является Комитет ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации, созданный в 1991 г.²¹ и преобразованный в государственно-общественное объединение в 1992 г.²² Все иные общероссийские ОО УГ отражены в Реестре как общественно-государственные. Вопрос, однако, заключается в том, какой термин целесообразно легализовать в будущем федеральном законе: «общественно-государственное объединение» (закрепился в доктрине) или «общественно-государственное об-

¹⁹ Федеральный закон от 14.07.2022 № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О российском движении детей и молодежи”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5229.

²⁰ Необходимость внесения изменений в Федеральный закон № 82-ФЗ обусловлена принятием закона «О российском движении детей и молодежи». Изменения были внесены для того, чтобы подчеркнуть особенности правового статуса движения детей и молодежи, являющегося общественно-государственным движением. И положения Федерального закона № 82-ФЗ применяются к деятельности Движения с учетом особенностей, предусмотренных законом о Движении.

²¹ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 2123-1 «О распространении действия закона РСФСР “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 4. Ст. 138.

²² Постановление Правительства Российской Федерации от 21.10.1992 № 806 «О Комитете ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 1361.

щественное объединение» (используется Минюстом России). Первый более удачен для наименования вида некоммерческих организаций, второй – для наименования нетипичных общественных объединений.

В целях обоснования концепции федерального закона об ОО УГ целесообразно ограничиться анализом типичной правоприменительной практики (см. табл. 1). А она такова: создаются общероссийские общественно-государственные объединения, а также их региональные отделения; преобладающей организационно-правовой формой этих объединений является организация (другие их формы – фонд и движение), порядок участия государства в их создании, а также некоторые параметры их деятельности, как правило, определяются указом президента Российской Федерации.

Таблица 1. Перечень общероссийских общественных объединений, созданных с участием государства (согласно федеральному законодательству по состоянию на 01.01.2025)²³

№ п/п	Наименование и группа в Реестре общественных объединений Минюста России	Вид легализующего нормативного правового акта	Инициаторы, учредители или представители от лица Российской Федерации
1	2	3	4
1	Комитет ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации (ГОО)	Постановление Правительства Российской Федерации	Не определены
2	Федеральный общественно-государственный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров (ОГО)	Указ президента Российской Федерации	Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ, Государственный комитет РФ по управлению государственным имуществом, Российский фонд федерального имущества
3	Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо» (ОГО)		Министерство внутренних дел РФ, ФСБ, Федеральная пограничная служба РФ, СВР РФ, Государственный комитет РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Федеральное агентство правительственной связи и информации при Президенте РФ
4	Ассоциация документальной электросвязи (ОГО)	Распоряжение Правительства Российской Федерации	Министерство информационных технологий и связи Российской Федерации, ФАПСИ РФ, МВД РФ, Гостехкомиссия РФ
5	Физкультурно-спортивное объединение «Юность России» (ОГО)		Министерство просвещения РФ

²³ Составлен авторами статьи.

Таблица 1, окончание

1	2	3	4
6	Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России (ОГО)	Постановление Правительства Российской Федерации	Администрация Президента РФ, Правительство РФ, Совет безопасности РФ, Министерство обороны РФ, Министерство образования и науки РФ, Министерство спорта РФ, Министерство экономического развития РФ
7	Российское военно-историческое общество (ОГО)	Указ президента Российской Федерации	Министерство культуры РФ, Министерство обороны РФ
8	Российское общество «Знание» (ОГО)		Министерство науки и высшего образования РФ
9	Российский фонд культуры (ОГО)		Министерство культуры РФ
10	Союз женщин России (ОГО)		Министерство труда и социальной защиты РФ, Министерство просвещения РФ, Министерство здравоохранения РФ, Министерство культуры РФ, Министерство просвещения РФ
11	Фонд защиты детей (ОГО)		Федеральное агентство по делам национальностей РФ, Министерство культуры РФ, Министерство просвещения РФ, Министерство науки и высшего образования РФ
12	Ассамблея народов России (ОГО)		Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ
13	Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности (ОГО)		Не определены*
14	Движение первых (ОГО)	Федеральный закон	Не определены*

* В ст. 6 Федерального закона № 261-ФЗ обозначены органы публичной власти, которые оказывают поддержку и содействие Движению (Правительство РФ, профильные министерства и ведомства, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления).

Сравнительный анализ содержания легализующих федеральных подзаконных актов свидетельствует об устойчивости некоторых правовых формулировок. Они указывают на существенные юридические признаки общественных объединений, созданных с участием государства.

Во-первых, решение, отраженное в соответствующих указах главы государства, не имеет характера властного предписания: формулировка «считать целесообразным создание ОГО» юридически не тождественна формулировке «создать ОГО». Глава государства наделен полномочием учреждать специальные государственные, консультативно-совещательные и координирующие органы, но в учреждении ОГО он только принимает участие. В нормативных правовых актах президента и правительства может использоваться другая, но принципиально схожая формулировка: например, Правительство России «соглашается с преобразованием» общероссийской

общественной организации в общественно-государственную (ДОСААФ России²⁴). Таким образом, создание ОГО предполагает *инициативу и вовлеченность* государства в этот процесс, но оно не изменяет конституционных основ взаимодействия государства и общества, не замещает институты гражданского общества целиком.

Во-вторых, участие российского государства в создании ОГО реализуется в четырех основных формах (которые могут и сочетаться): инициатива создания²⁵, участие федеральных органов государственной власти в качестве соучредителей²⁶, представительство федеральных органов государственной власти в структурах ОО УГ²⁷, а также оказание финансовой, организационно-технической, методической и иной поддержки ОГО. Важно отметить, что федеральные органы государственной власти не являются единственными инициаторами создания или учредителями ОГО.

В-третьих, главная или одна из основных целей деятельности ОГО синхронизирована с целями российского государства, отраженными в российской Конституции, документах стратегического планирования федерального уровня, либо с государственными задачами России. ОГО «Фонд защиты детей» была создана «в целях консолидации усилий государства и институтов гражданского общества по защите прав детей»²⁸, что соответствует содержанию ст. 38 Конституции России; ОГО «Союз женщин России» участвовала в реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин (2017–2022); ОГО «Ассамблея народов России» – в реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. ОГО «ДОСААФ России» призвана решать девять государственных задач²⁹. Перечень примеров можно продолжать и далее.

²⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 28.11.2009 № 973 «Об Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 49 (ч. 2). Ст. 5969.

²⁵ Например, ОГО «Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо» была создана по инициативе ряда силовых министерств и ведомств.

²⁶ Для Ассамблеи народов России это ФАДН, для Российского военно-исторического общества – министерства обороны и культуры, для Российского фонда культуры – Министерство культуры, для Фонда защиты детей – Министерство просвещения и т.д.

²⁷ Так, в состав наблюдательного совета ДОСААФ России входят представители Совета безопасности РФ, Администрации Президента РФ и аппарата Правительства РФ, министерств обороны, спорта, просвещения и экономического развития, а в состав Бюро Союза женщин России – представители министерств труда и социальной защиты, просвещения, здравоохранения и культуры.

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 06.10.2020 № 614 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Фонд защиты детей» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010060035> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁹ Это: а) патриотическое (военно-патриотическое) воспитание граждан; б) подготовка граждан по военно-учетным специальностям; в) развитие авиационных и технических видов спорта; г) участие в развитии физической культуры

В-четвертых, деятельность ОГО способствует эффективной реализации полномочий органов государственной власти и их конструктивному взаимодействию с обществом. В исключительных случаях, прямо указанных в легализующих нормативных правовых актах, ОГО непосредственно участвуют в осуществлении этих полномочий³⁰.

Несмотря на вовлеченность в процесс осуществления публично-властных полномочий, ОГО в России самостоятельно разрабатывают и принимают свои учредительные документы, при этом уставы ОГО отражают принципиальные положения легализующих нормативных правовых актов в части состава учредителей от лица Российской Федерации, целей и направлений деятельности или решаемых государственных задач. Не предусмотрен особый порядок государственной регистрации ОГО и их отчетности перед федеральными государственными органами.

Итак, существенными юридическими признаками ОО УГ, выявленными в процессе анализа типичной для России практики их создания, можно считать: общероссийский характер таких объединений; создание их как общественно-государственных, а не как государственно-общественных; диспозитивный характер правовых норм, отражающих факт участия государства в их создании (одобрение или согласие государства с созданием ОГО), в сочетании с императивным характером норм, регулирующих порядок такого участия³¹; ограниченный круг форм участия в создании и деятель-

и военно-прикладных видов спорта; д) летная подготовка курсантов летных образовательных учреждений профессионального образования, поддержание надлежащего уровня натренированности летного и инженерно-технического состава, а также выполнение иных видов авиационных работ; е) участие в подготовке к военной службе граждан, пребывающих в запасе; ж) подготовка специалистов массовых технических профессий и развитие технического творчества; з) участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий, катастроф и других чрезвычайных ситуаций; и) содержание объектов инфраструктуры ДОСААФ России в целях выполнения задач в период мобилизации и в военное время.

³⁰ Например, Комитет ветеранов подразделений особого риска РФ совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти осуществляет мероприятия по медико-социальной реабилитации граждан из подразделений особого риска; он также участвует в «разработке нормативных актов по вопросам социальной защиты граждан из подразделений особого риска». См.: Постановление Правительства РФ от 21 октября 1992 г. № 806 «О Комитете ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 1361. Аналогичную возможность предусматривает п. 3.1 межведомственного приказа 11 федеральных министерств и ведомств, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации и госкорпорации «Росатом» «Вопросы развития общественно-государственного объединения “Всероссийское физкультурно-спортивное общество “Динамо”».

³¹ Императивный характер имеют нормы, определяющие учредителя от имени Российской Федерации, состав представителей государства в коллегиальных органах ОО УГ, обязательства государства в вопросах поддержки их деятельности. Например, Правительству Российской Федерации соответствующим Указом Президента Российской Федерации было вменено обеспечение размещения Ассамблеи народов России в г. Москве; утверждение порядка предоставления субсидий это-

ности таких объединений; синхронизированность направлений деятельности ОО УГ со стратегическими целями и задачами российского государства; отражение в уставах ОО УГ положения легализующих нормативных правовых актов в части состава учредителей от лица России, целей и направлений деятельности или решаемых государственных задач; взаимодействие ОО УГ с органами государственной власти в целях эффективной реализации их полномочий. Все эти признаки комплексно характеризуют правовую природу исследуемых общественных объединений и могут быть включены в содержание концепции будущего федерального закона об ОО УГ.

Вариативность подходов к институционализации взаимодействия государства и объединений граждан: опыт Казахстана и Беларуси

Практики участия государства в создании объединений граждан и взаимодействии с ними в Республике Беларусь и Республике Казахстан лишь отчасти схожи с российскими. Однако сравнение этих практик целесообразно, поскольку в вопросах регулирования взаимодействия «третьего сектора» и государства законодательство России, Беларуси и Казахстана развивается относительно синхронно. Например, во всех трех правовых системах сформировался институт социального заказа, позволяющий государству поддерживать общественные структуры, которые решают социально значимые задачи. Его суть заключается в государственном стимулировании рынка социальных услуг: государство (как заказчик) минимизирует расходы субъектов гражданского общества, занимающихся социальным обслуживанием (Щёткина 2016: 2). Регулирование института социального заказа в Республике Беларусь осуществляется в соответствии с законом «О социальном обслуживании»³². В Казахстане этот институт получил официальное наименование «государственный социальный заказ», его правовую основу определил закон, принятый в 2005 г.³³ Позже была сформирована база данных неправительственных организаций (НПО); созданы механизмы ответственности за нецелевое использование средств, выделяемых государством (Гендашева 2016: 31).

В России аналогом института социального заказа является практика предоставления социальных услуг социально ориентированными некоммерческими организациями. Органы публичной власти вправе оказывать поддержку этим организациям при осуществлении ими установленных законом

му ОО УГ и т.д. Набор и содержание императивных норм, регулирующих порядок участия государства в создании ОО УГ, варьируется с учетом особенностей каждого объединения, но наличие таких норм в учреждающем нормативном правовом акте – устойчивая практика.

³²Закон Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З «О социальном обслуживании» // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 2000. № 16. Ст. 208.

³³Закон Республики Казахстан от 12.04.2005 № 36 «О государственном социальном заказе, государственном заказе на реализацию стратегического партнерства, грантах и премиях для неправительственных организаций в Республике Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000036> (дата обращения: 23.08.2024).

видов деятельности. Примечательно, что, помимо социальной поддержки и социального обслуживания населения (как в Республике Беларусь), к таким видам деятельности относятся и патриотическое, в том числе военно-патриотическое, воспитание граждан Российской Федерации, развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации, противодействие коррупционному поведению и др.

На синхронное развитие законодательства России, Казахстана и Беларуси указывает и общая для всех трех государств практика формирования общественных советов при органах государственной власти (консультативных общественно-государственных органов).

Таким образом, фактором релевантного сравнения законодательства и правоприменительных практик трех государств – республик бывшего СССР является не только общее государственное и правовое прошлое, но и достаточно схожие подходы к решению задач взаимодействия государства и гражданского общества в настоящем. Однако именно в вопросе участия государства в создании и деятельности объединений граждан национальные подходы Республики Беларусь и Республики Казахстан различны. Более того, эти подходы не совпадают с российским вариантом институционализации ОО УГ. Понять причины такой вариативности – значит выявить тот элемент в законодательстве и доктринальном понимании общественных объединений, который обусловлен конституционной идентичностью сравниваемых государств.

Характерно, что первым основанием для сравнения (и размежевания) национальных практик является вопрос о принципиальной допустимости участия государства в создании общественных объединений.

Республика Казахстан реализует модель отказа от участия государства в их создании. Доставшиеся в наследство от СССР организации не были сохранены, а создание новых не было предусмотрено законодательством. Например, «государственные» задачи ДОСААФ стало решать Республиканское государственное казенное предприятие «Военно-техническая школа Министерства обороны Республики Казахстан»³⁴, а общественные – общественное объединение «Отан». «Ассамблея народа Казахстана» (существует с 2008 г.) может показаться аналогом российской ОГО «Ассамблея народов России», однако в Казахстане это государственное учреждение, возглавляемое главой государства, а не ОО УГ. Президент Республики Казахстан определяет направления деятельности Ассамблеи народа Казахстана, формирует ее руководство, созывает сессию Ассамблеи и т.д. В соответствии со ст. 3 Закона РК от 20 октября 2008 г. № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» «целью Ассамблеи является обеспечение общественного согласия и общенационального единства в Республике Казахстан на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности этносов Казахстана при

³⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 15.05.2000 № 718 «О Республики Казахстан» // Собрание актов Президента и Правительства Республики Казахстан. 2000. № 22. Ст. 253.

консолидирующей роли казахского народа»³⁵. Как видим, цели обеих ассамблей созвучны, но их правовая природа принципиально различается.

Законодательство Республики Беларусь не только допускает возможность участия государства в создании объединений граждан (что сближает его с российским законодательством), но и возлагает на государство функции контроля за деятельностью таких объединений (что для России не характерно). Это различие позволяет найти второй критерий для сравнения и размежевания национальных подходов. Им выступает вопрос о статусе объединений, созданных с участием государства. Звучит парадоксально, но белорусский законодатель при ответе на него солидарен не с российским, а с казахстанским законодателем: объединения, созданные с участием государства, не являются общественными. Согласно положениям ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2006 г. № 150-З «О республиканских государственно-общественных объединениях» республиканским государственно-общественным объединением признается «основанная на членстве некоммерческая организация, создаваемая для выполнения возложенных на нее государственно значимых задач»³⁶.

Следует обратить внимание и на вытекающие отсюда различия в правотворческой юридической технике: в Республике Беларусь принят отдельный закон, предметом регулирования которого является единственный вид объединений – государственно-общественные объединения. Он сосуществует с законом этой республики об общественных объединениях³⁷.

Определение статуса ГОО как НКО в Республике Беларусь является предпосылкой значительно более масштабного вовлечения государства в деятельность таких объединений. Это выражается в следующих характеристиках, которыми не обладают российские ОО УГ:

– перечень государственных задач, для решения которых создается ГОО, а также условия его создания определяет президент республики либо, по его поручению, Совет министров республики, например п. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь от 1 октября 2007 г. № 472 «О создании республиканского государственно-общественного объединения “Белорусское общество “Знание”» содержит шесть таких задач³⁸;

³⁵ Закон Республики Казахстан от 20.10.2008 г. № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2008. № 17–18. Ст. 70.

³⁶ Закон Республики Беларусь от 19 июля 2006 г. № 150-З «О республиканских государственно-общественных объединениях» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006. 20 июля. № 2/1247. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10600150> (дата обращения: 23.08.2024).

³⁷ Закон Республики Беларусь от 4 октября 1994 г. № 3254-XII «Об общественных объединениях» (с изм. и доп.) // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. 1994. № 29. Ст. 503.

³⁸ Указ Президента Республики Беларусь от 01.10.2007 № 472 «О создании республиканского государственно-общественного объединения “Белорусское общество “Знание”» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 238, 1/8950. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P30700472> (дата обращения: 23.08.2024).

– государство в лице его органов может быть не только соучредителем, но и единственным учредителем ГОО; в последнем случае учредительное собрание не проводится, учреждающим актом является указ президента Республики Беларусь либо, по поручению главы государства, постановление Совета министров³⁹; устав ГОО и его изменения утверждаются правовым актом главы государства либо, по его поручению, правовым актом Совета министров; Министерство юстиции Республики Беларусь осуществляет государственную регистрацию ГОО в ускоренном и упрощенном порядке;

– ГОО обязано ежегодно отчитываться перед курирующим его деятельность органом исполнительной власти и исполнять предписанные им решения.

Таким образом, включенность государства в дела ГОО в Республике Беларусь масштабнее, чем в России. В ведении государства находятся не только вопросы создания и определения государственно значимых уставных целей объединений, но и вопросы осуществления их деятельности. ГОО подотчетны и подконтрольны государству – в этом смысле их можно рассматривать как квазиобщественные формирования, интегрированные в систему государственной власти. Они не обладают атрибутивными признаками общественных объединений в строгом смысле этого слова.

Как видим, вариативность национальных траекторий в регулировании вопросов участия государства в делах объединений граждан задана тем, как определяется правовая природа этих объединений. И в Республике Казахстан, и в Республике Беларусь государство не участвует в создании общественных объединений; объединения, которые создаются и контролируются государством в Беларуси, не являются общественными. В этом смысле российская правовая практика демонстрирует уникальный пример институционализации общественных объединений, созданных с участием государства.

Функция общественных объединений, созданных с участием государства, в Российской Федерации

Признание факта уникальности процесса институционализации общественных объединений, созданных с участием российского государства, позволяет исследовать их специфику не только посредством определения устойчивых юридических характеристик таких объединений, но и путем выявления нетипичной (в сравнении с иными общественными объединениями) функции, которую они призваны осуществлять в системе национальных правовых институтов.

Исследуя правовой статус общественных объединений, авторы преимущественно сосредотачиваются на рассмотрении их признаков, обуслов-

³⁹ Указами президента РБ статус ГОО предоставлен ДОСААФ РБ, Белорусскому физкультурно-спортивному обществу «Динамо», Обществу спасания на водах (ОСВОД), Белорусскому обществу «Знание», Белорусскому добровольному пожарному обществу и др.

ленных положениями Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, в то время как систематизация функций общественных объединений встречается в работах сравнительно редко. Так, Д.Е. Мерешкин в качестве основных функций общественных объединений называет функцию представления интересов единомышленников внутри объединения и функцию «посредника» во взаимоотношениях с государством (Мерешкин 2006: 18). Но обе эти функции, как указано в постановлении Конституционного суда Российской Федерации, имеют своим фундаментом «совместное участие граждан в самостоятельном решении задач, которые они перед собой ставят»⁴⁰, то есть интеграцию как условие новой правовой субъектности для множества участников общественных объединений. Иными словами, общественные объединения могут преследовать различные общественно значимые цели (и в этом смысле их функции достаточно многообразны), но общей для них будет именно функция самоорганизации гражданского общества. Важно отметить, что процитированную выше характеристику Конституционный суд адресует как некоммерческим организациям, так и общественным объединениям.

Какой специальной (дополняющей общую) функцией характеризуются общественные объединения, созданные с участием государства? В пояснительной записке к законопроекту № 126384-8 «О российском движении детей и молодежи» его авторы предложили считать одной из целей Движения «формирование их [детей и молодежи] мировоззрения на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей»⁴¹. А в заключении на законопроект российская Общественная палата рекомендовала в целях адаптации детей и молодежи к новым историческим условиям уделить особое внимание «патриотическому воспитанию, гражданской идентичности, единству национально-культурных и общечеловеческих ценностей, укреплению межнациональных (межэтнических) отношений, профилактике экстремизма, противодействию пропаганде идей национальной исключительности, нацизма и ксенофобии»⁴². Помимо традиционно присущей детским и общественным объединениям воспитательной функции российского движения детей и молодежи, авторы федерального закона видят в качестве результатов его реализации некоторые действия («профилактика», «противодействие», «адаптация»). Иначе говоря, одной из причин учреждения нетипичных общественных объединений является *мобилизация общества*, направленная на достижение целей, которые выбирает само государство в процессе своего развития (от франц. *mobiliser* – «приводить в движение»).

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации”...» // Российская газета. 2015. 2 марта.

⁴¹ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126384-8> (дата обращения: 23.08.2024).

⁴² Там же.

Функция мобилизации государством гражданского общества хорошо видна в деятельности ОО УГ. Движение первых организует акции и мероприятия, связанные с государственными праздниками (День Победы, День России), укрепляя патриотические настроения среди молодежи; ДОСААФ проводит военно-патриотические мероприятия и готовит молодежь к службе в армии, поддерживая государственную политику в области обороны; Российское военно-историческое общество организует международные конференции и выставки для продвижения российской исторической науки и культуры, осуществляет поддержку государства в области патриотического воспитания, способствует укреплению исторической памяти граждан. ОО УГ способны выполнять задачи своеобразных центров поддержки граждан и иных НКО и общественных объединений. Эта особенность ОО УГ нередко отражается в уставах данных объединений в качестве их целей и задач: поддержка социальных инициатив в целях реализации национальных проектов в области демографии, здравоохранения, образования, культуры и экологии (Союз женщин России); оказание юридической помощи гражданам и некоммерческим организациям, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина (Фонд защиты детей); оказание некоммерческим организациям, гражданам Российской Федерации, а также иностранным гражданам информационной, консультативной и методической помощи в области реализации государственной национальной политики (Ассамблея народов России).

Наличие у общественных объединений, созданных с участием государства, функции мобилизации гражданского общества в некоторых случаях⁴³ приводит к формированию усложненной, в сравнении с «типичными» общественными объединениями, структуры органов управления. Это выражается либо в увеличении количества постоянно действующих коллегиальных и исполнительных органов объединений, либо в создании, в дополнение к ним, наблюдательных или иных советов при таких объединениях⁴⁴.

Период активного создания новых ОГО в России не случайно совпал с конституционной реформой 2020 г. Концепт единства системы публичной власти, впервые сформулированный непосредственно в конституционном

⁴³ Но не во всех: «типичную» структуру органов управления сохраняют, в частности, ОГО «Юность России», ОГО «Динамо», ОГО «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности».

⁴⁴ Например, ОГО «Союз женщин России» имеет два постоянно действующих коллегиальных органа – Бюро Союза и правление; у ОГО «Фонд защиты детей» два исполнительных органа (правление – коллегиальный и председатель организации – единоличный). Уставом ОГО «ДОСААФ» предусмотрено создание наблюдательного совета как координационного и надзорного органа, членами которого являются представители органов государственной власти. ОГО «Движение первых», помимо правления, имеет наблюдательный орган, совет участников-обучающихся, экспертный и консультативный органы. Уставом ОГО «Российское общество “Знание”» предусмотрено создание наблюдательного совета (для выработки рекомендаций по программам и достижению целей, для укрепления авторитета организации) и научно-методического совета.

тексте, создал предпосылки для ревизии представлений о соотношении публичной и общественной власти в российской науке конституционного права. Если на рубеже столетий преобладал подход, предложенный В.Е. Чиркиным, – противопоставление свойств публичной и общественной власти (Чиркин 2017), то во втором десятилетии XXI в. начинает утверждаться идея общественной власти как элемента единой системы публичной власти (см.: Авакьян 2018; Маркова 2021; Мещеряков, Безруков 2020; Чеботарев 2020; Чертков 2020). Это изменение конституционной доктрины влечет за собой серьезные последствия. Включая общественную власть в перечень форм (видов) публичной власти, юристы вынуждены признать государственную власть доминирующей не только по отношению к негосударственной публичной власти (местному самоуправлению), но и по отношению к объединениям граждан (как одной из форм реализации общественной власти).

Итак, институционализация ОО УГ в России обеспечивает целенаправленное влияние государства на общество, позволяющее первому мобилизовать второе. Именно эта функция указывает на специфику ОО УГ, благодаря чему она может выступать критерием, выделяющим ОО УГ среди иных объединений (см. табл. 2). Конституционные основания создания ОО УГ следует искать не в конституционном праве на объединение или участие в управлении делами государства, поскольку в данном случае речь идет не о праве человека и гражданина, а, если позволительно так выразиться, о праве государства на участие в делах общества. Оно обосновано новой доктринальной интерпретацией принципа единства системы публичной власти в России (ст. 71 и 132 Конституции РФ в их постреформенном содержании).

Таблица 2. Правовая природа социально ориентированных НКО и общественных объединений, созданных с участием государства

Вид НКО или общественного объединения	Общая функция и ее конституционное основание	Специальная функция и ее конституционное основание
Социально ориентированные НКО	Самоорганизация гражданского общества, ст. 30 Конституции РФ (право на объединение)	Взаимодействие гражданского общества и государства, ст. 32 Конституции РФ (право участия в управлении делами государства)
Общественные объединения, созданные с участием государства		Мобилизация государством гражданского общества, п. «г» ст. 71 и ч. 3 ст. 132 Конституции РФ (принцип единства системы публичной власти)

В Республике Беларусь сложилась своя модель мобилизации общества государством: эта функция придана не общественным объединениям, а особым НКО, интегрированным в систему государственной власти. Данная модель не может быть позаимствована Россией без существенных изменений федерального законодательства. Но отдельные технико-юридические решения заслуживают внимания и, возможно, рецепции: регулирование

особенностей правового статуса таких объединений специальным законом (для российского законодательства органичным был бы федеральный закон об общественно-государственных объединениях); понятийная (терминологическая) определенность; отнесение ОГО к виду НКО и исключение их из Реестра общественных объединений. Авторы статьи с пониманием относятся к предложению О.А. Кожевникова о закреплении статуса российских ОГО в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (Кожевников 2024: 25). Однако это вопрос политико-правового выбора, которому должна предшествовать обстоятельная дискуссия теоретиков и практиков российского конституционного права.

Заключение

Общественные объединения, созданные с участием государства, более не рассматриваются российской юридической наукой как изживаемый правовой институт. Публичное право участия государства в их создании определяется как элемент компетенции федеральных органов государственной власти, и, соответственно, преобладающей конфигурацией таких объединений выступают общероссийские общественно-государственные объединения. Однако предметом научной дискуссии остаются вопросы о конституционных основаниях участия государства в структурировании гражданского общества, а также о правовой природе объединений, возникающих вследствие такой активности государства. Правомерно ли отнесение их к общественным объединениям?

Умолчания доктрины стали причиной технико-юридических ограничений российского законодательства, регулирующего правовое положение общественных объединений, созданных с участием государства, что в свою очередь породило противоречивую практику их учета в Реестре общественных объединений, формируемом Министерством юстиции Российской Федерации. Региональные отделения одного и того же общероссийского общественного объединения могут быть зарегистрированы и как общественно-государственные, и как государственно-общественные объединения.

Но что еще более важно, сложилась достаточно вариативная практика создания и регулирования деятельности ОО УГ. Тем не менее типичным для России стало создание общероссийских общественно-государственных объединений (и их региональных отделений); при этом порядок участия государства в их создании, а также некоторые параметры их деятельности определяются соответствующими указами Президента России, реже – правовыми актами российского Правительства. Исключительным случаем остается регулирование деятельности Движения первых адресным федеральным законом.

Устойчивыми юридическими признаками ОО УГ, выявленными в процессе анализа типичной для России практики их создания, являются:

- диспозитивный характер правовых норм, отражающих факт участия государства в их создании, в сочетании с императивным характером норм, регулирующих порядок такого участия;

- ограниченный круг форм участия государства в создании таких объединений (инициирование их создания, участие в учреждении, делегирование представителей в организационные структуры, оказание мер поддержки);
- согласованность направлений деятельности ОО УГ со стратегическими целями и задачами российского государства; отражение в уставах ОО УГ положений легализующих нормативных правовых актов в части состава учредителей от лица государства, целей и направлений деятельности или решаемых государственных задач;
 - взаимодействие ОО УГ с органами государственной власти в целях эффективной реализации их полномочий.

Все эти признаки комплексно характеризуют особенности исследуемых общественных объединений и могут быть включены в содержание концепции будущего федерального закона об ОО УГ.

Фактором релевантного сравнения законодательства и правоприменительной практики трех государств – республик бывшего СССР (России, Беларуси и Казахстана) является не только общее государственное и правовое прошлое, но и достаточно схожие подходы к решению задач взаимодействия государства и гражданского общества в настоящем. Однако именно в вопросе участия государства в создании и деятельности объединений граждан подходы Республики Беларусь и Республики Казахстан не совпадают с российским вариантом институционализации ОО УГ.

В Республике Беларусь принят и действует закон о государственно-общественных объединениях, что обеспечивает единообразие процессов их создания и деятельности. Эти объединения отнесены законодательством к НКО. Закономерно, что вовлеченность государства в дела таких объединений значительнее, чем в России. В ведении государства находятся не только вопросы создания и определения государственно значимых уставных целей объединений, но и вопросы осуществления их деятельности (в том числе различные формы контроля). Государственно-общественные организации в Беларуси интегрированы в систему государственной власти. В Республике Казахстан национальное законодательство исключает возможность участия государства в создании общественных объединений; объединений, аналогичных общественно-государственным объединениям в Беларуси, в этой республике также нет.

Вариативность национальных траекторий в регулировании вопросов участия государства в делах объединений граждан задана тем, как определяется правовая природа этих объединений. И в Республике Казахстан, и в Республике Беларусь государство не участвует в создании общественных объединений (объединения, которые создаются и контролируются государством в Беларуси, не являются общественными). В этом смысле российская правовая практика институционализации общественных объединений, созданных с участием государства, является уникальной.

Институционализация ОО УГ в России обеспечивает целенаправленное влияние государства на общество, позволяющее первому мобилизовать второе. Именно эта функция указывает на специфику общественных

объединений, созданных с участием государства, благодаря чему она может служить критерием, выделяющим их среди иных объединений. Конституционные основания создания ОО УГ следует искать не в конституционном праве на объединение или праве на участие в управлении делами государства, а в конституционно закрепленном (в ходе конституционной реформы 2020 г.) принципе единства системы публичной власти в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авакьян С.А. 2018. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 4. С. 7–13. DOI 10.51980/2542-1735_2018_4_7

Белоногов Ю.Г. 2016. Взаимодействие общественно-консультативных советов и государственных органов исполнительной власти в современной России // Вестник Пермского университета. Политология. № 1. С. 19–36.

Васильев С.А. 2017. Государственно-общественные формирования как субъекты конституционно-правовых отношений // Lex Russica (Русский закон). № 1(122). С. 153–163. DOI 10.17803/1729-5920.2017.122.1.153-163

Гендашева А.Б. 2016. Развитие социальных услуг некоммерческих организаций, финансируемых государством: опыт Республики Казахстан // Вестник Поволжского института управления. № 2(53). С. 31–37.

Дьякова Е.Г. 2017. Общественные советы при региональных органах исполнительной власти и «заинтересованных сообществах» // Дискурс-Пи. № 3–4. С. 74–79. DOI 10.17506/dipi.2017.2829.34.7479

Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. 2019. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 180–201. DOI 10.14515/monitoring.2019.6.09

Ершов И.Л. 2020. Вопросы совершенствования правовых основ государственной службы российского казачества в современный период // Трибуна ученого. № 11. С. 170–180.

Кожевников О.А. 2024. Государственно-общественные и общественно-государственные объединения и право на объединение: некоторые размышления // Право и государственность. № 2(3). С. 20–25.

Любутов Н.А. 2010. Государственно-общественные объединения: проблемы правового статуса // Современное право. № 12. С. 24–29.

Маркова Е.Н. 2021. Общественная и (или) публичная власть: проблема соотношения в контексте конституционной реформы 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. № 12. С. 24–29. DOI 10.18572/1812-3767-2021-12-24-29

Мерешкин Д.Е. 2006. Конституционно-правовой статус общественных объединений в современной России : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 24 с.

Мещеряков А.Н., Безруков А.В. 2020. Формирование концепции единой системы публичной власти в отечественном конституционном праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 4. С. 124–130. DOI 10.51980/2542-1735_2020_4_124

Митин Г.Н. 2014. Особенности правового статуса общественно-государственных и государственно-общественных объединений // Конституционное и муниципальное право. № 2. С. 18–21.

Пиманова М.А. 2007. Правовой статус государственно-общественных объединений (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право». Тюмень. 231 с.

Поспехов И.А. 2015. Некоторые аспекты функционирования института общественно-государственных организаций в Республике Марий Эл // Марийский юридический вестник. № 1(12). С. 142–144.

Руденко В.Н. 2007. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. № 4(35). С. 116–124.

Скобелина Н.А. 2023. Институциональный дизайн современных общественных движений // Дискурс-Пи. Т. 20, № 1. С. 141–154. DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_141

Чеботарев Г.Н. 2020. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Российский юридический журнал. № 6(135). С. 9–17. DOI 10.34076/2071-3797-2020-6-9-17

Чертков А.Н. 2020. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. № 10. С. 19–23. DOI 10.18572/1812-3767-2020-10-19-23

Чиркин В.Е. 2017. Разновидности публичной власти и ее социальные и юридические источники // Государство и право. № 5. С. 11–20.

Щёткина М.А. 2016. Государственный социальный заказ в организации социального обслуживания населения Беларуси: социологический подход : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Минск. 24 с.

References

Avakyan S.A. The Structure of Public Power in Russia: Problems of Formation and Development, *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 4, pp. 7–13. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2018_4_7 (in Russ.).

Belonogov Yu.G. *Vzaimodeystvie obshchestvenno-konsul'tativnykh sovetov i gosudarstvennykh organov ispolnitel'noy vlasti v sovremennoy Rossii* [Interaction between public advisory councils and state executive authorities in modern Russia], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2016, no. 1, pp. 19–36. (in Russ.).

Chebotarev G. Constitutional and Legal Mechanisms for Forming a Unified System of Public Power in the Russian Federation, *Russian Juridical Journal*, 2020, no. 6(135), pp. 9–17. <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-6-9-17> (in Russ.).

Chertkov A.N. The Public Government: The Composition, Unity and Interaction Essence, *Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 10, pp. 19–23. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23> (in Russ.).

Chirkin V. Varieties of Public Power and its Social and Legal Sources, *State and Law*, 2017, no. 5, pp. 11–20. (in Russ.).

Dyakova E.G. Public Councils with Regional Executive Agencies and “Interested Communities”, *Discourse-P*, 2017, no. 3–4, pp. 74–79. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.7479> (in Russ.).

Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. Public Councils under Executive Bodies: Experts, Controllers or Community Advocates? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 6, pp. 180–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.09> (in Russ.).

Ershov I.L. Issues of Improving the Legal Framework of the State Service of the Russian Cossacks in the Modern Period, *Tribune of Scientists*, 2020, no. 11, pp. 170–180. (in Russ.).

Gendasheva A.B. Development of Non-Profit Organizations Social Services Funded by the State: The Experience of Kazakhstan, *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2016, no. 2(53), pp. 31–37. (in Russ.).

Kozhevnikov O.A. State-Public and Public-State Associations and the Right to Unite: Some Reflections, *Pravo i gosudarstvennost'*, 2024, no. 2(3), pp. 20–25. (in Russ.).

Lyubutov N.A. State and Public Associations: Problems of Legal Status, *Sovremennoe pravo*, 2010, no. 12, pp. 24–29. (in Russ.).

Markova E.N. Social and (or) Public Government: The Correlation Issue within the Framework of the Constitutional Reform 2020, *Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 12, pp. 24–29. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-12-24-29> (in Russ.).

Mereshkin D.E. *Konstitutsionno-pravovoy status obshchestvennykh ob'edineniy v sovremennoy Rossii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional and legal status of public associations in modern Russia: Abstr. of diss.], St. Petersburg, 2006, 24 p. (in Russ.).

Meshcheryakov A.N., Bezrukov A.V. Creation of the Concept of a United System of Public Power in the National Constitutional Law, *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 124–130. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_4_124 (in Russ.).

Mitin G.N. Peculiarities of the Legal Status of Public-State and State-Public Associations, *Constitutional and Municipal Law*, 2014, no. 2, pp. 18–21. (in Russ.).

Pimanova M.A. *Pravovoy status gosudarstvenno-obshchestvennykh ob'edineniy (konstitutsionno-pravovoe issledovanie) : dis. ... kand. yurid. nauk* [The legal status of state-public associations (constitutional and legal research): Dissertation], Tyumen, 2007, 231 p. (in Russ.).

Pospekhov I.A. *Nekotorye aspekty funktsionirovaniya instituta obshchestvenno-gosudarstvennykh organizatsiy v Respublike Mariy El* [Some aspects of the functioning of the Institute of public and state organizations in the Republic of Mari El], *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*, 2015, no. 1(12), pp. 142–144. (in Russ.).

Rudenko V.N. *Konsul'tativnye obshchestvennye sovery v sisteme deliberativnoy demokratii* [Advisory public councils in the system of deliberative democracy], *Comparative Constitutional Review*, 2007, no. 4(35), pp. 116–124. (in Russ.).

Shchetkina M.A. *Gosudarstvennyy sotsial'nyy zakaz v organizatsii sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya Belarusi: sotsiologicheskii podkhod : avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [State social order in the organization of social services for the population of Belarus: the sociological approach: Abstr. of diss.], Minsk, 2016, 24 p. (in Russ.).

Skobelina N.A. The Institutional Design of Modern Social Movements, *Discourse-P*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 141–154. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_141 (in Russ.).

Vasiliev S.A. State and Public Formation as Subjects of Constitutional Legal Relations, *Lex Russica*, 2017, no. 1(122), pp. 153–163. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.153-163> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Алексеевна Филиппова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета, заслуженный юрист Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;
г. Сургут, Россия;
ORCID: 0000-0002-1643-8117;
ResearcherID: LFS-7197-2024;
SPIN-код: 7145-5431;
E-mail: filippova_na@surgu.ru

Яна Юрьевна Колос

учредитель Региональной общественной организации поддержки общественных инициатив в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре «В ресурсе»;
г. Сургут, Россия;
E-mail: uuu110@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Filippova

Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law and Labor Law, Surgut State University, Honored Lawyer of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra;
Surgut, Russia;
ORCID: 0000-0002-1643-8117;
ResearcherID: LFS-7197-2024;
SPIN-code: 7145-5431;
E-mail: filippova_na@surgu.ru

Yana Yu. Kolos

Founder of the Regional Public Organization for Support of Public Initiatives «V Resurse» [«In the resource»] in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra;
Surgut, Russia;
E-mail: uuu110@mail.ru

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются в разных системах на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм (ключевая – Advengo; рекомендуемый уровень оригинальности с учетом рерайта – не ниже 80%/65%). В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть закавыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя, отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогали автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID; ResearcherID (при наличии); Scopus AuthorID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и так далее оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish. Manuscripts submitted to the editorial office are evaluated using various plagiarism detection systems, with the key system being Advego. A manuscript may be rejected if its originality level is below 80%, or below 65% when accounting for rewriting (according to Advego).

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID; ResearcherID (if any); Scopus AuthorID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 25

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственный за выпуск
В.С. Мартьянов

Редакторы *М.В. Воробьева, М.И. Лаевская*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать: 28.06.2025. Дата выхода в свет: 30.07.2025.
Формат 70х100/16. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,4 Уч.-изд. л. 17,0
Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.